

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Самохвалов

БОЕВОЙ РАЗВОРОТ

И-16 для «попаданца»

Александр Самохвалов

**Боевой разворот.
И-16 для «попаданца»**

«Яуза»

2013

Самохвалов А. А.

Боевой разворот. И-16 для «попаданца» / А. А. Самохвалов — «Яуза», 2013

Летом 1941 года средняя продолжительность жизни «сталинских соколов» на передовой не превышала двух недель. А истребителю-«попаданцу» из далекого будущего отпущено и того меньше. За эти десять фронтовых дней не успеть ни пробиться на прием к Сталину, ни ликвидировать фюрера, ни создать реактивную авиацию. Всё, что ты можешь, оказавшись в теле своего прадеда, – занять его место в боевом строю И-16, чтобы погибнуть в бою за Родину... Десять дней в небесном аду, десять дней отчаянных боевых вылетов на прикрытие, разведку и перехват, на сопровождение бомбардировщиков и самоубийственные штурмовки... Два сбитых фашистских аса, уничтоженная немецкая супермортира, спасенный от гибели под бомбами прадедовский полк... Много это или мало, чтобы изменить ход войны? Ради чего «попаданцу» взлетать в преисподнюю и сгорать заживо? Достойно ли наше будущее бессмертной дедовской славы?..

© Самохвалов А. А., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог	5
День первый	11
День второй	33
День третий	43
День четвертый	63
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Самохвалов

Боевой разворот И-16 для «попаданца»

Посвящается моему отцу, Самохвалову Александру Ивановичу, который встретил ту войну 22 июня 1941 года в Карпатах сержантом, заместителем командира пулеметного взвода в составе горнострелковой дивизии, прошел Сталинград и проводил ее 10 мая 1945 года в Праге, капитаном, офицером разведывательного отдела армии.

Пролог

А потом мне приснился странный сон... Будто бы просыпаюсь я в палатке. Типа армейского четырехугольного такого полевого шатра. Укрыт плотным шерстяным одеялом, но к телу простыня, одеяло не колется. Тихо, только сопят носами соседи по палатке, которых, кажется, знаю, но это неважно. Темно, лишь сквозь щель незашнурованного, по причине сухой погоды, входа едва-едва пробивается слабый намек на близкий рассвет. Член колом, очень хочется писать. Но встать просто ужас как неохота. Вдыхаемый воздух более чем прохладен, в палатке явно не май месяц. Впрочем, июнь – толкается в голове какая-то, словно «чужая», мысль. И снова какие-то определенно «не мои» мысли – потоком: «Воскресенье, может быть, готовность отменят, пойду домой, к Варе (теплом торкнуло в душу – жена, что ли? Сроду не было у меня никакой жены – тут же ощущение вкуса борща на языке, с чесноком и сметаной). Хотя хрен, чертово дежурство... Угораздило же... Впрочем, надо встать – все равно так вот больше не засну. Интересно, который час? Светает... Значит, дело к пяти¹...

Резко выдохнув, откинул одеяло, опустил ноги с деревянных, похоже, нар (необычно – «моя» мысль), надел сапоги, не заморачиваясь портянками (откуда?), и как был в летнем тонком белье (хэбэшная белая рубаша, такие же подштанники аж до щиколоток, что за черт – сроду такого не носил), так и кинулся к местным походно-полевым удобствам. Типа «сортир деревянный, мультиочковый». Рассвет едва занимался, под грибком дремал дневальный в старинного образца шинели, растопорщенной на уши пилотке и с «трехлинейкой» при штыке (снова мелькнула «чужая» мысль – по готовности приказали получить). Затрусил мелкими к строению, думы спросонья текли поначалу неспешно, будто переключаясь – «чужие» со «своими»:

- Так, сегодня 22-е...
- 22-е... а месяц какой?
- 22 июня...
- Год!!!
- Какой-какой... 41-й...
- 22 июня 1941 года?!
- Ну да... Готовность вот вчера объявили, на казарму посадили... Всех.

Из удобств выскочил как ошпаренный и помчался в палатку, провожаемый удивленным взглядом встрепенувшегося дневального. На востоке уже капитально посветлело, запад совсем еще темный. Глянул на часы («кировка» – подсказал «чужой») – без пяти пять. Быстрее! Автоматически, привычными движениями почти мгновенно оказался в форме и комбезе сверху,

¹ Фактически Германия напала на СССР в 3:00 – 3:30 «по Берлину», или в 5:00 – 5:30 «по Москве». Самолеты взлетели раньше, и где-то в 5:05 «по Москве» на приграничные аэродромы РККА уже сыпались бомбы. В Белоруссии время тогда было московское.

при сапогах с будто сами собой намотавшимися портянками, ремне с тяжелой кобурой на дурацких каких-то ремешках, пилоткой с голубым кантом за этим самым ремнем, кожаным шлемом с авиационными очками в правой руке и летными перчатками, на ощупь из тонкой замши, что ли, с крагами, в левой. Споткнувшись о невысокий порожек – надо быть последним идиотом, чтоб к сапогам такие высокие каблуки приколачивать, – и преобольно стукнувшись носком правой о скребок для чистки этих самых сапог, что у входа в палатку (ни фигу себе, проработочка бэкграунда – мелькнула «своя» мысль, потом дошло – это же сон!), рванул к взлетке, где – я точно знал – должен стоять истребитель. Мой истребитель. Дежурного звена. Полностью заправленный, с боеприпасами и дрыхнущим под крылом технарем впридачу.

Не успел запыхаться, как вот уже он. Стоит, красуется. Мордатый такой весь из себя биплан. Точнее, полутораплан. Нижние плоскости заметно меньше верхних. И-15 бис². защитного с упором в прозелень цвета, с голубовато-серым брюхом, утонувшим в успевшей уже вымахать по краям летного поля траве-мураве. Какой чудесный сон! Всего своего меня затопил бешеный восторг, чужой же заткнулся, со своими мелкими страхами и малодушными опасениями. Классный сон, по реальности ни один симулятор, даже самый современный, и близко не стоял – успел подумать, – и любимая «птичка» ждет не дождется в поле! В смысле, неподалеку от ВПП. Ну, почти любимая. И-153³ нравится мне все-таки больше. В смысле, еще больше. Почти идеальная машина была. Для настоящего маневренного воздушного боя. Правда, прошли уже те времена... но в умелых руках мы еще очень даже о-го-го! Мои – умелые.

Так, обтекатели с шасси сняты, и правильно, иначе при таком травостое запросто скапотировать можно. Оп, а это, кажется, вовсе не И-15 бис. Просто И-15, что ли? Центроплан с «чайкой», а шасси явно не убирающееся. Но капотирование движка вроде как у «биса». Впрочем, потом разберусь. Если понадобится. Какой, однако, замечательный сон!

С воплем «Подъем!» пинаю технаря, свернувшегося калачиком под покрывшейся у рта утренним инеем шинелькой, откидываю бортовой щиток и сталинским соколом взлетаю в кабину. Парашют укладываем на сиденье аккуратненько, потому что поспешишь – людей насмешишь, а мне на ем сидеть... Пристегиваемся... Так, что тут у нас... Приборчики более чем скромненькие, даже для тех времен. Хотя высотомер и компас с авиагоризонтом, он тогда как-то иначе назывался⁴, Впрочем, не суть... Детализация потрясная, вплоть до потертостей и сколов, хотя сон он и есть сон... Ого, а у нас тут не четверка ПВ⁵, а вовсе даже наоборот, пара

² Вторая из основных версий И-15, одного из лучших истребителей мира в начале 30-х годов. Конструктор – Поликарпов Николай Николаевич, «король истребителей». Принят на вооружение в 1936 году, имел несколько более низкие по сравнению с ранними модификациями И-15 пилотажные характеристики (вследствие возрастания веса, прежде всего), однако была бронеспинка (толщиной 8 мм) и более мощный двигатель (М-25 В, 750 л. с., взлетная 775 л. с.). Шасси не убирающееся, винт фиксированного шага. Скорость до 370 км/ч, чего было катастрофически недостаточно для 1941 года. Вооружение – 2 или 4 синхронных пулемета ПВ-1 (7,62 мм), до 200 кг (в перегруз) бомб или 8 РС-82. Очень легкий по сравнению с тогдашними «современными» истребителями, великолепная горизонтальная – но не вертикальная – маневренность и скороподъемность. От еще более маневренного И-15 визуально отличался прежде всего иным капотированием двигателя, верхним крылом обычного типа (а не типа «чайка», восстановленного у И-153), а от И-153 – неубирающимся шасси. В Испании И-15 называли «чато» (chato) – курносый. К началу ВОВ на вооружении ВВС РККА все еще состояло около 900 И-15 бис (не считая авиации ВМФ, в составе которой оставалось более сотни таких бипланов).

³ И-153 «чайка» – третья, доведенная почти до совершенства версия И-15, с убирающимся шасси, бронеспинкой и множеством других апгрейдов. Было несколько модификаций, у большинства более мощный двигатель (М-62, 830 л. с. у земли, или М-63 на 900 л. с.) и винт изменяемого шага (ВИШ; в силу то ли непродуманности управления, то ли косности летсостава, а скорее всего и того, и другого, опция изменения шага практически не использовалась), скорость около 440 км/ч на высоте, вооружен мог быть четырьмя пулеметами ШКАС (7,62-мм), двумя БС и двумя ШКАС, четырьмя БС или даже двумя пушками ШВАК (20-мм). Морально устарел даже до принятия на вооружение (1938 г.), но опытный летчик мог использовать его с известным успехом. Во всяком случае, в Финляндии трофейные И-153 состояли на вооружении частей первой линии до 1944 года, а вообще до февраля 1945-го, со списанием лишь аж в 1950 году. К началу ВОВ на вооружении ВВС РККА состояло около 3000 И-153 (плюс 350 в авиации ВМФ).

⁴ Индикатор крена и скольжения.

⁵ Пулемет воздушный ПВ-1, вариант пулемета «максима» для установки на самолетах; модернизация осуществлялась А. В. Надашкевичем, официально принят на вооружение в 1928 году, хотя устанавливался на истребителях (И-2) с 1926 года,

БС⁶! Слышал-слышал, была такая версия... очень малой серией... точнее, единичные экземпляры... в сочетании с М-25 В⁷, если память не изменяет. Живем!

Совершенно спокойно – а че волноваться-то? – произвожу давно привычные действия, не забывая контролировать обстановку. Так, механик молодой, почти незнакомый («чужие» мысли в фоновом режиме: «Петрович, похоже, опять в деревню по бабам умотал, салажонка за себя оставил, под трибунал пойдет, дурачина старый»), тем лучше, еще и спросонья – выпустит без лишних вопросов. Хотя... оп, у нас тут пневматическая система самозапуска. Приходилось слышать и о таком... Точно, в реале это называлось И-152. Опытный, наверное... Рычаг высотного корректора стоит на «нормально», можно руку на газ...

Слева выше очень медленно (по меркам XXI века, разумеется) проползают, тысячах на двух с половиной, три девятки 88-х. Это не к нам, похоже к соседям. Справа, вдалеке, куда-то спешат по своим делам «карандашики» «дорнье», модель не разглядеть. Уж очень похожи они, все эти «дорнье», друг на дружку. Идут без истребительного прикрытия. Все точно как в книгах про ту войну. Кстати, зрение просто потрясное. У меня никогда такого не было. Вот это сон!

Командую «От винта!», не проснувшийся еще толком технарь шарахается в сторону. Опа – движок пошел! Истребитель медленно двинулся вперед. Похоже, тормоза шасси сняты – так тоже делали, наслышан. Не разогревая – времени нет! – вырливаю на старт. Взвожу пулеметы, благо всего пара и оба сверху. Не без труда, правда. Крупнокалиберные, однако. Глянув на бессильно повисшего полосатым пенисом колдуна⁸, убеждаюсь в отсутствии ветра. Добавляю газ, движок ревет, ускорение вжимает в кресло. Трясет, кстати, не так чтобы очень. Видимо, мой «чато» еще и с усовершенствованными – двойными – демпферами на мотораме. Скорость набирает хорошо... ручку на себя – и отрыв, буквально через полторы сотни метров... С ревом вгрызаюсь в темно-голубое небо. Внушает! Какой все-таки потрясный сон!

Так, а вот это уже точно к нам. На фоне едва успевшего подернуться на западе темным еще намеком на голубизну неба четко вырисовываются знакомые силуэты. Сильно растянутые по горизонтали буквы «W» с двумя блямбами снизу. «Лаптежники»! То есть Ju-87⁹... Полная эскадрилья. Двенадцать, значитца, «штук». На где-то паре тысяч по высоте, до нас километров десять еще. Успеваю!

Набирая высоту, оглядываюсь по сторонам и вверх. «Юнкерсы», как им и положено, заканчивают замыкать свой круг и вот-вот начнут сваливаться в пике. Решили, очевидно, заходить ниже обычного. Поскольку зенитчики должны спать еще. Они и спят... На пятистах при-

основной 7,62-мм пулемет ВВС РККА в 30-е годы.

⁶ Пулемет БС, Березина синхронный, действительно устанавливался на И-15, возможно, в испытательных целях, о такой серии информации нет; калибр 12,7 мм, скорострельность (с синхронизацией) 700 – 800 в/мин. В дальнейшем, будучи окончательно доведенным до ума, более известен под названием УБ (универсальный Березина), на истребители ставился вариант УБС (универсальный Березина синхронный).

⁷ У И-15 мог быть М-22 (лицензионный Bristol Jupiter, Великобритания) или М-25 (лицензионный Wright R-1920-F3, США). Без демпфирования. Однако в КБ при разработке И-153 было построено несколько опытных И-152, с более мощным М-25 В (750 вместо 635 л. с.), демпферами и «чайкой», пробовали направляющие для РС, пару БС вместо ПС и многое другое.

⁸ Колдун, или колбаса, – указатель направления и – отчасти – силы ветра. Имеет вид довольно длинного матерчатого полосатого конуса, расправленного у устья круглым – обычно металлическим – ободом, установленным во вращающемся шарнире на высоченной мачте.

⁹ Пикирующий бомбардировщик Ju-87. Несмотря на довольно посредственные летные характеристики, за счет умелого применения сыграл заметную роль во Второй мировой, став своего рода символом «блицкрига». Немцы называли его «штука» (от STUrzKAampfbomber – пикировщик), наши – «лаптежник» или «лапотник», за неубирающиеся шасси в массивного вида обтекателях. Скорость (у модификации «В», основной в 41-м) всего 383 км/ч (пикирования – до 600 км/ч), что в сочетании с довольно скромными вооружением и бронированием, а также относительно невысокой маневренностью допускало его эффективное применение только в условиях абсолютного превосходства Люфтваффе в воздухе и слабого зенитного противодействия. В любых иных условиях был чрезвычайно уязвим. Два синхронных 7,93-мм MG 17 вперед, один MG 15 того же калибра назад вверх (у бортстрелка). До 1000 кг бомб, но это в перегруз и без стрелка, обычно же 1×250 или 500 кг под фюзеляжем и 4×50 кг под крыльями. Всего произведено 5752 штуки разных модификаций.

мерно метрах ухажу в вираж. До чего ж мы хороши в вираже! Точно какой-то из «не бисовых» И-15-х, «бис» – тот потормознее на вираже будет¹⁰. И скороподъемность, чувствую, выше. Класс! Часть тела, непосредственно соприкасающаяся с парашютом, исправно чувствует, как, перевернувшись на 180°, плавно входит в пике ведущий «моей» дюжины. И тебя, голубчик, вылетчат... – бормочу сквозь зубы, разблокируя гашетку. Итак, смертельный номер! Впервые на арене... цирка, скажем так! Зрители, во всяком случае, точно собрались уже, помимо моего технаря, раззявы сонного... Вниманию почтеннейшей публики! Слабонервных просим удалиться! Перехват на строго перпендикулярном курсе с набором высоты ненормальным каким-то И-15-м пикирующего на недобрых шестистах верстах в час «лапотника»! Прицел – это для «чайников». Всем фюзеляжем располагаемся по линии прохождения несущейся на меня сверху разлапистой тушки... Едва успев превратиться, на совершенно неуловимое мгновение, в знакомый силуэт, с ревом мелькает серо-зелено-коричневым, такое чувство, метрах в двадцати всего перед капотом, ей-богу, не больше! Но я успел – мастерство не пропьешь и не прогуляешь – всего-то лишь на один короткий миг придавить гашетку. Тряхнуло точно не по-детски, и воздушным потоком, и очередью. Прочее – вопрос везения. При такой скорости мелькания не факт, что хотя бы одна пулька пришлась на «лапотника». На шести сотнях верст за одну семнадцатую секунды весь проскочил, а мы за секунду всего-то 25 пульек выпускаем из обоих стволов... Впрочем, шанс есть, и даже вполне. Оп, внизу взрыв... Первый готов! Набирая высоту, снова ухажу в вираж, и следующий «лапотник» мелькает сквозь мои трассы, теперь уже серо-голубым брюхом. И снова в вираж, очередной тоже, словно глухарь на току, занят только собой и своим пикированием, внизу снова взрыв, второй тоже готов, однако третий, похоже, выцеливает, видимо что-то в последний момент заметить успел и желает теперь угостить меня из курсовых... Хрен! Чутко задрал курносый капот, мой «чато» пропускает трассы перед собой, снова очередь, уже моя, и опять в вираж... Четвертый, похоже, раздумал пикировать, разворачивается на запад... Высота у них великовата для меня, я ж едва ли и тыщу набрать успел, а они на двух... не по уставу ихнему – должны были вообще на четырех с половиной заходить. Снизу снова тряхнуло взрывом... Что, и третий тоже?! Какой чудесный сон!!!

Так, а с бомбами-то они еще медленнее меня, даже набирающего высоту. Ага, дошло, бомбы сбрасывают. Куда ни попадай. Ну, теперь это точно не моя добыча. Больше трехсот семидесяти эта «птичка» никогда не выжимала. Биплан, с неубирающимся шасси к тому же. Морально устарели мы, определенно. А жаль. В скороподъемности почти никому не уступаем¹¹... Про виражи вообще молчу. Сказка. Видимо, с завода опытный образец сбросили. Ставший ненужным по причине полного морального устаревания и абсолютной утраты всякой актуальности. Краем глаза видел на аэродроме пару «мигов», когда взлетал, на них тоже БСы стояли. Видимо, из-за этого сюда и моего направили. Доживать-дослуживать. Зато уж мне повезло-то как!... Хотя бы во сне.

Так, что теперь? А теперь подежурим малехо, на паре тысяч. Горючего без малого полный бак. Боекомплект... А какой у нас, кстати, боекомплект? По триста на ствол? И расстрелял я, дай бог, если десятка по три с каждого. Коротенькие совсем очереди были.

Сначала контролируем воздух. Никого и ничего, лишь «моя» девятка уже 87-х вдаль уходит, курсом на запад. По идее, эскадрильи пикировщиков на полнокровный иап РККА¹² мало-

¹⁰ И-15 умудрялся выполнять полный вираж за 8 секунд – непревзойденный показатель для боевых самолетов того времени.

¹¹ Скороподъемность у И-153 была 15 м/с, у «Мессершмитта» Bf-109E-1 – 15,5 м/с (у E-3 16,7 м/с), у И-16 тип 28 – 15,6 м/с. Не следует путать скороподъемность с вертикальным маневром, т. е. способностью с максимальной быстротой и минимальными потерями разминать высоту на скорость и наоборот. Именно в вертикальном маневре и И-153, и И-16 уступали «мессеру» просто фатально.

¹² Иап – истребительный авиаполк; РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Соответственно, шап – штурмовой, сбп – скоростной бомбардировочный, тбап – тяжелый бомбардировочный, ббап – ближний бомбардировочный и т. п.

вато будет. Сейчас должны еще подойти, под раздачу. Минут через десять, надо думать. Так, что у нас на земле... А на земле у нас «юнкеры» горят. Пара совсем рядом с ВПП, метили, похоже, в счетверенки¹³, да там и сгинули... с небольшим перелетом... а у зениток уже народ суется. Вон еще один, чуток подальше, видимо, начал было выходить из пике, да не смог. И исправному-то нелегко, а я его, похоже, задел-таки... или испужался так... неважно. И пара И-15 бис на взлете. Это из моего дежурного звена. А еще какой-то не наш У-2¹⁴ на подходе. Из штаба дивизии, похоже – исправно информирует «чужой». Понятно. Уровень боеготовности поднимать. По причине, полагаю, отсутствия иной связи. Как оно и было на самом деле. В реале, имею в виду. Поздно, старик, уже засунули¹⁵...

Нарезаю себе круги над аэродромом, изредка посматривая на набирающих высоту «подельников», а в основном любуюсь небом и землей. «Мессеры», знамо дело, обожают невнимательных. Так, на западе опять не тихо. Черные точки вскоре превращаются в крошечные силуэтики. С парами блямбочек по бокам от фюзеляжей. Ну и зрение у меня в этом сне! Супер-пупер! В гости к нам определенно «хейнкели», He-111¹⁶, то есть всей девяткой припожаловали. Где-то на полутора тысячах. Мои тоже уже на полутора, ведущий (старший лейтенант Фролов Петр Ильич – проносится в голове) увидел «хейнкелей» и пошел навстречу, за ним ведомый, что пристроился слева. Мое место, получается, справа. Прискорбно¹⁷. Ну да ничего, какие наши годы... Пару минут просто летим навстречу, потом Фролов пошел в лоб ведущему девятки, левый (знаю откуда-то, что это младший лейтенант Петькин) пристроился за ним, я же, убавив газ, немного приотстал и снизился. Сближаемся быстро, чуть опередивших меня Фролова с Петькиным словно опутали встречные трассы, вся девятка бьет по ним, а курсовое вооружение у этой версии «хейнкеля» довольно богатое уже... Фролов открыл огонь – далеко, поугал только, – потом быстро сманеврировал влево и вправо, сбивая прицел бомберам, потом, со стрельбой, резко ушел вбок и вниз, резанув длинной очередью по ведущему левого звена. Испанская школа! Менее опытный Петькин идет, ведя огонь на погибель стволам, по прямой, потом как-то неуклюже рыскает вниз, дальше на него не смотрю – мой выход. Пошел в горку и влево, резко сбросив скорость, потом с переворотом вниз и вправо, потом гашетки, кажется, успел даже заметить, как обе мои трассы впились в кабину ведущего, снова переворот и сразу вираж, прямо на боковой пулемет дальнего ведомого, но тот не успевает, зато

¹³ Счетверенная зенитная пулеметная установка на базе пулеметов «максим», разработана тульским КБ, группа под руководством Н. Ф. Токарева, принята на вооружение в 1931 году, широко применялась в годы ВОВ. Достижимость по высоте – 1400 м, темп стрельбы – 2000 выстрелов в минуту. Очень приличная установка, но к 1941 году морально устарела. Недостаточный калибр, соответственно и прочие характеристики. Впрочем, финнам (трофейная) не нравилась. Говорили, мол, тот еще геморрой.

¹⁴ Биплан У-2 (литера «У» – учебный), КБ Поликарпова, он же, после смерти Поликарпова в 1944 году, По-2, легендарный «кукурузник» (поскольку широко использовался и в сельскохозяйственной авиации), первый полет 07.01.1928 года, экипаж 2 человека, взлетный вес до 1100 кг, скорость до 150 км/ч, вооружался лишь уже в ходе войны (один пулемет различных типов на турели у стрелка), до 300 кг бомб (в перегруз), к завершению производства (1953 год!) выпущено свыше 33 тыс. Многоцелевая машина, использовалась в т. ч. и в качестве ночного бомбардировщика. С известным успехом.

¹⁵ Помня по себе, как воспринимаются намеки на неизвестные читателю анекдоты, привожу даже самые что ни на есть набородатейшие. В данном случае: «В кинотеатре внезапно погасили свет. Через некоторое время возгласы – возмущенный женский «Граждане, соблюдайте очередь, вас много, а я одна!», ну, и в этом роде. В задних рядах: «Ребята, ребята, да какая ж я женщина, священник я, отец Онуфрий!» – «Поздно, старик. Уже засунули...»

¹⁶ He-111 различных модификаций выпускался до осени 1944 года, по разным данным, всего было выпущено от 6500 до 7300 машин. Едва ли мог считаться очень удачным бомбардировщиком, тем более что изначально разрабатывался, пусть даже и для вида, как гражданский самолет. СССР в 1941 году атаковали преимущественно модификации Н-3 и (в меньшем количестве) Н-6. Оборонительное вооружение: до 7×7,9 мм и, обычно, до 2 т бомб (1 т на внешней подвеске), в перегрузку до 3,5 т. Максимальная скорость у земли 360, на высоте – до 430 км/ч, крейсерская скорость у земли 310, на высоте – 370 км/ч (но это без внешних подвесок). Практическая дальность – 2000 км, боевая дальность – 900 км, практический потолок – 8500 м. Экипаж 5 – 6 фашистов.

¹⁷ Левый ведомый являлся заместителем командира звена, он поддерживал атаку, правый – просто ведомым, должен был прикрывать атакующих, то есть получается как бы младший ведомый.

успеваю я, правда без толку, там у «хенка» броня, но, кажется, стрелка нейтрализовал-таки – и все... в небе впереди пусто...

Какой все-таки восхитительный сон! Небо передо мною чистое, мотор ревет, сзади недостижимые для меня «хейнкелы», уже без беспорядочно кувыркающегося вниз ведущего девятки, и еще один, кажись, задымил двигателем, его, похоже, Фролов достал.

Без спешки уже – а куда спешить? – поворачивая к аэродрому, осматриваюсь. «Мессеров» не видать. Слева чуть впереди Фролов. Получается, я даже на своем штатном месте, лишь далековато оторвался. Петькина только не обнаруживаю. Хотя нет, вон он, внизу, порхает бабочкой. Неуправляемый полет, и купола не видно. Первая потеря. Почти не знал его, хотя и из нашего выпуска. Как его звали-то... Валера, кажется...

Полным газом поспешаем за «хейнкелями». Так вот, конечно, не догоним, но перед бомбежкой тем придется лечь на боевой курс, вот тут-то и мы подоспеем. Впрочем, трассы веником, и из-за «хейнкелей» высыпает в стороны и вверх, парами, сразу шестерка «чаек». Молодцы, успели взлететь! Один «хейнкель» сразу вспух взрывом, оставшиеся поспешно избавляются от бомб и уходят с набором высоты куда-то на юг, огрызаясь трассами, «чайки» за ними. Тот, которого пометил мой ведущий, заметно отстает. Похоже, отлетелся. Но его возьмут «чайки», а Фролов уже закладывает широкий вираж. Правильно, наша главная задача – обезопасить взлет-посадку. В экономичном режиме барражируем над аэродромом еще минут двадцать, контролируя воздух. Ощущения поначалу несколько необычные. Вроде чувствую себя спокойным, как танк, сколько такого уже было на симуляторах – не счесть... а сердце-то все равно колотится как сумасшедшее. Чудеса. Станный какой-то сон. Со всеми звуками, ощущениями, запахами даже, как, впрочем, и положено в современном симуляторе, но реальность какая-то... чересчур реальная, скажем так. Вот гарью потянуло с земли. Там три воронки с разбросанными вроде как головешками, горящими и дымящимися вокруг. Возвращаются «чайки». Все вшестером. Что радует. Заходят на посадку, притираются к полосе – но это не наше дело. Наша «коза ностра» – бдить небо. Фролов вон головой крутит, как заведенный. Опыт есть опыт. Через пяток минут вижу – взлетают еще две тройки «чаек». Похоже, на смену нам. Фролов, качнув мне крыльями, заходит на посадку. Пора и мне. Не спеша снижаюсь, продолжая контролировать воздушное пространство. Притираю машину на все три точки и гоню тихонечко так к стоянке. Там, похоже, главные «фуражки» собрались. Уже...

Встав на место, выключаю зажигание, отстегиваюсь, отрываю потную задницу от парашюта, на крыло и на землю. Родимую!.. Трава мягко пружинит под высокими каблуками. Продолжаю радоваться жизни – какой потрясающий сон! Шлем в руки – пилотку на голову. Фролов ждет. Стройный, белобрысый, сухошавый. Глаза серо-голубые, вроде спокойные, но словно с сумасшедшинкой в глубине. Может, после боя? Хотя нет, «чужой» полагает его мужиком нормальным, но жутко взрывным. В наше время сказали бы – «отмороженным». На всю голову. Пожимает руку. Крепенько так. Топаем к «фуражкам», Фролов чуть впереди – начальник, однако... Задумываюсь на секунду, и управление тут же перехватывает «чужой». Шагов за пять переходит на строевой (до чего ж ладно это у него получается!), где-то в паре шагов от совсем молодого еще чернявого мужика, довольно рослого и слегка горбоносого (от «чужого» знаю – комполка, майор Костенко, Анатолий Валентинович), останавливается, по стойке «смирно», рука к голове. Фролов рядом, слышу, докладывает: «Товарищ майор! Звено старшего лейтенанта Фролова посадку произвело. Задание выполнено. Уничтожено четыре самолета противника. Потери: младший лейтенант Петькин».

Майор, отдавая честь, молча смотрит, внимательно так, сначала на Фролова, потом на меня. Меня же что-то цепляет, какая-то неувязочка... Нестык какой-то... Ага, нога болит. Которую ушиб, когда из палатки выскакивал. Так не бывает. Не бывает такой детализации. Ни в симуляторах, ни во сне. Чтоб еще и боль. Не от раны, а от случайного ушиба. И тут до меня вдруг дошло, что это не сон!

День первый

И тут до меня вдруг дошло, что это не сон... Сердце рвануло к горлу и тут же ухнуло вниз, мир словно подернулся рябью, горизонт качнулся, и земля будто выкатилась из-под ног...

Очнулся уже в палатке. На кровати. С панцирной сеткой. Такие только в санитарную поставить успели. Надо же, страсти-мордасти какие. Сомлел, словно барышня. Хорошо хоть в туалет сбегал перед вылетом, попить не успел и в полете потел. Иначе и вовсе мокрое дело было бы. Впрочем, в реально боевых частях это не запахло. Хоть обосрись, а если действуешь по делу, то и претензий к тебе никаких. Так, подколют... И то не факт.

Хотя и шуточка со мной случилась... определенно не для слабонервных. Как это меня утратило... и, самое главное, куда? А также – зачем?

Рядом с кроватью мужик сидит. Похоже, ждал, когда проснусь. В форме. Белобрысый до белесости, глаза стыло-бесцветные, а кажется, будто темный весь, обугленный какой-то. Душой, наверное? В голове шепнуло – особист. Старший лейтенант ГБ Альгирдус Йонасович Катилюс. Литовец, выходит... Третий, с недавнего времени и пока еще, отдел НКО¹⁸, ага. Кровавая, значит, «гэбня» в гости к нам. Не так чтобы очень молод. Для старлея. Впрочем, их дела – кто ведает? Век бы не знать...

Что очнулся, просек сразу, но не шелохнулся даже. Смотрим друг другу в глаза. Типа, кто кого переглядит. Прежнего меня, похоже, дрожь пробирает, мне тоже не дюже уютно, но и не так чтобы очень. Отбоялся свое... Давно.

– Как самочувствие, Малышев? – спокойно так. Акцента нет. Единственно, какой-то слишком правильный, что ли, выговор.

Ага, Малышев, вот, значит, как... Откуда-то знакомое фамилие, но давай-ка мы лучше сейчас по-быстренькому «чужого» выпустим, с его страхом, а? А то этот стылоглазый, похоже, не зря свой хлебушко трескает, с ходу приступит контру выискивать. Нам же в контры не хочется. Вроде как ни к чему нам это. Совсем. В столь стремные тем более времена.

– Хорошее самочувствие, спасибо, товарищ старший лейтенант госбезопасности, – бормочу скороговоркой, пытаюсь привстать в кровати. Взгляд по максимуму преданный, боюсь и на самом деле, иначе почувствует. Знаем и эту публику. С тех пор она если и поменялась, так разве что поплотнее стала. Однако и говорок же у меня... деревня деревней, причем глухое такое Поволжье. Этих ни с кем не спутаешь, с их жестким безударным «о». И привязчивая штука эта до безобразия. У баб Вари до самой смерти такой был. Как начнет окать, так хошь стой, а хошь падай. Пацаны подмосковные, помню, аж уссыкались. За глаза. В глаза же и не думали. Уважали потому как. Было за что.

– А долго я...

– Минут десять... Ничего, ничего, лежите... – Пауза. – А как это вы взлетели... вот так... без приказа, без ракеты... Без всего?

– Виноват, товарищ старший лейтенант, сон приснился, что немцы напали, а я в дежурном звене... Побежал спросонья, смотрю, и правда летят...

– И что, тут же вот так... взял да и полетел, а?

– Я, товарищ старший лейтенант, вообще думал, что сон это... все время. Даже когда взлетел, не понимал еще. Только потом чувствую – нога болит, ушиб которую, во сне не бывает,

¹⁸ С 8 февраля 1941 года согласно постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР № 278 – 131 сс «О передаче Особого отдела из Наркомвнудела СССР в ведение Наркомата Обороны и Наркомата Военно-Морского Флота» в составе НКО и НКВМФ создавались Третьи управления, а в НКВД – Третий отдел, занимавшиеся контрразведывательной работой. Однако в ходе Великой Отечественной войны, а именно уже 17 июля 1941 года, согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 187 сс Третье управление НКО вновь было реформировано в Управление Особых отделов НКВД. Крайне сомнительно, чтобы все эти пертурбации добавили порядка.

чтоб нога так вот болела, и понял, что не сон... Когда старший лейтенант Фролов докладывал уже... Так испугался, что аж сомлел тут же... Что мне теперь будет за это, а, товарищ старший лейтенант? – Вот так, чистую правду, и ничего, кроме правды, и страха с ужасом побольше. Может, и проскочу. Наверняка проскочу. Забот у него сегодня и так выше крыши должно быть. Раз нас ночью по тревоге не подняли, значит, связи не было. Скорее всего, и сейчас нет. Почему – черт его знает. Проводную, ясное дело, «Бранденбург»¹⁹ порезал. А вот что с радиосвязью... Нет, и все тут²⁰. Не копенгаген я по части радиосвязи.

– А с Хрипко тоже во сне договорились? Чтоб с Сулимой поменялся?

– Не знал я ничего... Сам удивился, во сне... то есть... ну, не во сне, а... Хотя у Хрипко спросите, товарищ старший лейтенант! (Предупреждали тебя, Петрович, что эти твои поси- делки-полежалки добром не кончатся... Да и не представляю, как можно было б прикрыть его... А особист шустр, молодого, похоже, успел уже допросить. Раз не спрашивает с ходу, кудоть я тушку Петровича зашхерил...)

– Что-то я не слышал, чтобы вы раньше на полетах особо блистали...

– Так точно, товарищ старший лейтенант... Но ведь мечтал блистать... Больше всего на свете... мечтал. Думал, хоть во сне сбывается моя мечта... гля, а это и не сон вовсе...

– Патронов-то хоть знаешь, сколько израсходовал, а, Костик?

Ага... Костик, значитца. Чужой. Тоже. Уже хорошо. Хотя с этим не облажаюсь.

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант, бой же был! И сон...

– Тридцать один с правого и тридцать два с левого. За два, собственно, боя. Ты ведь вроде раньше и стрелял не так чтобы очень, а?

– Точно так. Так ведь во сне же!

– Ладно, отдыхайте... пока... товарищ младший лейтенант Малышев! – Как-то очень быстро, слитным скользящим движением поднялся и вышел. Похоже, боец, однако. Рукопаш- ник, в смысле. Движения такие... будто смазанные. С виду вроде как неторопливые, а на самом деле очень экономные и быстрые. Координированные. Или это порода у них такая...

За ним сразу эскулап заходит. В белом халате – не ошибешься. Костик знаком с ним мало. Так, поверхностные осмотры, не более того. Поскольку здоров, аки слон в Африке. Сволочуга сельскодеревенская. Аж завидно. Тот расспросил – ответы те же, осмотрел лежа, осмотрел стоя, померил давление, заставил поприсесть, снова померил. Потом обычная канитель со взглядом на нос, влево, вправо, вверх, следованием руке, касанием этого самого не шибко крупного носа указательным левой и правой, молоточком по колену – кажется, все.

– По всему судя, здоров, как бык, – говорит, как приговаривает, – но...

Но уж с кем-кем, а с эскулапами у меня, увы, ну очень большой опыт общения. Со здеш- ним мною – не мною – точно не сравнить. Не прошло и пары минут, как «клизмач» сломался. С учетом специфики текущего политического момента. К тому же «юнкерсы» мои он уже видел. Главное – допуск к полетам дал. Живем!

Значить, фамилии наше будет Малышев... Точно, знакомое что-то... Ах да, баб Варя! Она ж как раз из этих времен. В 41-м ей должно было... точно, должно было аккурат шестна- дцать стукануть... А дожила она, в здравом уме и твердой памяти, аж до девяноста трех годков,

¹⁹ «Бранденбург-800» – 800-й полк особого назначения (с 1943 года – дивизия) «Бранденбург», специальная часть (позже соединение) германских вооруженных сил, созданная в 1940 году на основе батальона особого назначения. Первый этап реализации плана «Барбаросса» стал звездным часом данной спецчасти. «Бранденбуржцы» захватили сотни мостов, уничтожив минеров и группы прикрытия. Подразделение данного полка под обозначением «20 – 60», набранное из прибалтов, балтийских немцев, потомков белой эмиграции и прочих русскоговорящих, совершило десятки рейдов по тылам рассыпающегося Западного фронта. Одетые в форму бойцов РККА или сотрудников НКВД, с советским оружием и зачастую даже на советских грузовиках, диверсанты орудовали практически безнаказанно.

²⁰ Если судить по мемуарам и исследованиям, основная причина отсутствия радиосвязи состояла в катастрофической недоукомплектованности (от 7 до 35% штатного количества) радиостанциями, отсутствии специалистов и неумении, а часто даже и нежелании (впрочем, иногда и не вовсе лишенном некоторых оснований) командиров использовать радиосвязь.

чтоб и нам так... кроме смерти. Плохая она у нее получилась. Даже для столь скорбного явления, в коем и без того ничего хорошего по определению нет и быть не может. Так вот. Собственно, не бабка, а прабабка она мне. Была. И говорила не раз, что я вылитый дед, в смысле, прадед. Но не тот прадед, коего фамилию гордую шляхетскую до сего времени носил, а физиологический, так сказать. Бравый военлет. Что ее из деревни чуть ли не выкрал, скоростно женился, шустренько так замастрячил деда, знатного головореза в будущем, и тут же сгинул смертью ну очень храбрых в том же сорок первом, недоброй памяти, году. Тогда зовут нас, значит, Константин. Иваныч. А кличут – Костик. По особисту если судить. Только вот бравые мы, похоже, не так чтобы очень. То есть невесту и правда скрали. Лихо. С ее, впрочем, преохотнейшего согласия. Но далеко не с согласия председателя колхоза и сынишки его гунявого. И произошло это не далее как пяток неделек всего-то назад, в отпуске. А вот насчет летать мы далеко не такие бравые да шустрые. Не то чтоб боимся мы летать, однако побаиваемся. И перед начальством тоже. Стесняемся. Но вот с особым отделом... где-то даже дружны, вон оно как. А насчет шкод всяких, наоборот, излишне предприимчивы. Причем по-дурному. Все пытаемся себя показать, а получается вовсе даже наоборот. Намедни вот на «миге» пытались полетать. В результате чего и оказались на почти уже списанном сверхштатном И-152-м.

Звено наше вообще все штрафное, оказывается. Не официально, но по факту. Фролов тот и вовсе у комполка нашего командиром звена был. В Испании. Но что-то где-то не так сказал, то ли сцепился с кем не надо. Под Халхин-Голом когда... А недавно еще и подзалетел, сначала с тем самолетом немецким, а потом и вовсе по пьянке. Вот его на звено И-15-х и кинули. С эскадрильи «чаек». Вместе с подчиненным, с которым пил. С Петькиным то есть, царствие ему небесное. Какой мамлей откажет, если ему комэск выпить предлагает. Герой Испании и Халхин-Гола. Дедка Костик тоже не отказал бы. Но он к тому времени уже две недели как древний И-152 осваивал вовсю. Так что от нового залета бог миловал. А то так и вовсе сержантом²¹ был бы уже. Кажется, некоторых и 40-го года выпуска разжаловали в сержанты, не то даже выпускали так, а в 41-м ускоренные выпуски только сержантами в бой и шли. А после даже и рядовыми, если память не изменяет.

Комплексов имеем тоже немалое количество. В первую очередь из-за роста. Метр шестьдесят два. Ха, нашел проблему! Во мне вообще 158 было, причем в век акселерации. И ничего. Бывало, задевали, конечно. Поначалу. Кто не знал и наслышан не был. Но только по одному разу в каждом случае. Потом узнавали поближе, и приколы заканчивались. Причем без братьев обходился. Которые, типа, дядьки. А вообще залежался я что-то, разнежился, как дедуля, бывало, поругивал ворчливо. Старый головорез...

Неспешно поднимаюсь, под истерический взвизг сетки, с кровати и осматриваю всего нового себя. Ну, и как ты там, прадедушка? А ничего себе. Крепыш. Крепче, чем я когда-либо был. С виду, однако, тоже вроде как пацан, стройненький такой да ладный. Но и силы, похоже, хватает. Потягиваемся. Так, мускулатура закрепошенная здорово. Монотонный деревенский труд, потом качалка с турником и бег в училище. Иначе и быть не могло. Ну ничего, это мы быстро исправим. Зато зрение у нас просто чудо. Реакция... с ней, кажись, тоже никаких проблем не будет. Как тогда, с «хейнкелем»-то... Там очень быстро надо было все проделать, иначе труба. Да и с «юнкерсами» все в тютельку срослось... Резкость тоже наработаем и дурную силу в нормальную перекачаем. На то у нас комплексы есть, но не неполноценности, как у вас, прадеда дорогой, а, наоборот, забавных таких упражнений. Отчасти дедом да отцом переданные,

²¹ Согласно приказу наркома маршала Тимошенко С. К. № 0362 от 22.12.1940 «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом ВВС Красной Армии», помимо прочего, училища, ранее выпускавшие мл. лейтенантов и мл. воентехников, стали выпускать сержантов. Заодно их посадили на казарму, как срочников. Обычная зависть и стремление хоть как-то да подгадить, традиционно свойственные наиболее тупым и злобным представителям «царицы полей» в отношении всех, кто не такие, как они. Примерно такова же природа нынешней вредительской деятельности в отношении ВДВ. Приказ № 0362 был признан не способствующим ничему хорошему и отменен 06.01.1943 г.

отчасти самолично уже наработанные. Оптимизировать их под это тело несложно будет. А вот там, где размер имеет значение, у нас, кажись, вовсе даже наоборот, дуже богато. Утром не понял еще спросонья, что это там у нас за деталь тела одеяло так бодро приподнимает – аж ступни оголившиеся мерзнут. Однако внушает. Смешно, казалось бы, но какой нормальный мужик удержится от такой вот... инвентаризации. В том числе. Так, сначала немного растяжки, потом одеваемся, да и на выход. Какой это, однако, кайф – иметь в реале полноценное тело! Несравнимый ни с чем вообще, даже с полетами... Даже с боевыми вылетами. Даже успешными.

Через двадцать минут, по часам, сижу в курилке, сбивая со второго уже сапога идиотский каблук. Недолгий пережиток прадедовых страданий. Комплексам полный пипец, всем, и зачем тогда каблучищи пятисантиметровые? Пипл смешить?

Погоды, однако, стоят расчудесные. Раннее утро, и рассветная дымка еще не вовсе сошла. Кругом лес, в основном белоствольные кудрявятся, а в лесу том здоровенная поляна вымордилась. Покос... Так, прадеда? Так, правнуча. Интересно получается. Вроде как сам себе отвечаю, не понять даже сразу, где я, где он. Костик, я так понимаю, по натуре своей мужик задиристый и шепутной, но скорее ведомый, чем ведущий. И хороший ведомый. Похоже, в паре с ним работать нет проблем. Где требуется, идею или имя из памяти подкинет, где надо, меня послушается, а ежели приперло, так вообще на себя все берет. Автоматом. Разговоры, например. Наверное, если б не сгинул в сорок первом, стал бы отличным напарником какому-нибудь асу. А может, и сам асом. Оперившись.

Так вот, погоды чудные стоят. Небо вполне уже заголубело повсюду, причем вовсе не в том смысле, который неизменно придавал милому оттенку сему тот наш вконец оскотинившийся век. Чрезвычайно красят его, на мой вкус, черные дымы от догорающих «юнкеров». Птички, полагаю, щебечут, зарю встречая, но не слышно их ни хрена. Потому как гудит все еще купающаяся в почти космической синеве зенита дежурная шестерка. Что интересно, парами гуляют, как детсадовцы на прогулке, а на поляне и вовсе моторы блажным ревом заходятся, похоже, очередная тройка взлетать намылилась... Нет, вон за ней еще одна. Значит, шестерками выпускаемся... Неужто чтоб в три пары потом работать? Ну молодец Батя – это они так, оказывается, комполка называют. Ни фига себе батя, моложе меня пацан, с виду тридцати еще нет... Впрочем, Костику он наверняка ну очень взрослым представлялся. Хотя где-то как-то понятно – тут же большинство таких, как Костик. Или моложе. Костик-то без малого год после училища оттрубить успел. В отпуск съездил. Молодую жену вот привез. Без всего. В смысле, практически без документов даже. Если б не замполит с особистом, хрен бы пожениться дали. Впрочем, у особиста на то, как я понял, свои соображения были... А замполит безо всяких мужик классный.

А вот, кстати, и пипл, легок на помине. Два мамлея и лей. Летуны. С моей, оказывается, бывшей третьей эскадрильи, ну, той, которая на «чайках». Лейтенант Жихарев, командир звена, младший лейтенант Петраков и младший лейтенант Полтавец. Леха. На мое место его назначили, ну, после того случая. С «мигом». Заговорил Жихарев. Как всегда с подколкой. Не сказать чтобы доброй:

– Кого я вижу? Малыш! Каблуки сбиваем? А как приколавывал... Старался! Что, подрасти удалось?

Это не потому, что попало ему тогда из-за меня с «мигом», тогда-то он наоборот, радовался-злорадовался, заметно было, а исключительно из говнистости нрава. Масквич. Никогда не любил таких. Хотя и сам москвич в хрен знает каком – по официальному прадеду – поколении. Скромнее надо быть. Особенно там, где никакой твоей заслуги нет. Персональной. Кстати, когда Малышом обзывают, деду, похоже, страшно не нравится. Костик еще куда бы ни шло...

– Сумел, – отвечаю. – Ровно на три «юнкера». И еще на пол-«хейнкеля». Впридачу.

Парни сидят, vareжки разинув, не знают, что и сказать. Бой мой героический они, похоже, проспали, даже свежими сплетнями разжиться не успели еще. Молчат, типа, как майская рыба об лед. Прошло-то всего ничего. Бросаю взгляд на левое запястье – е-мое, и семи еще нет! Значит, все это менее чем за два часа произошло? Не верю! Впрочем, с КП²² ракета, и вопль: «Полк, строиться!» Жихарев едва успел папиросы достать. «Казбек» курит, пижон. А я, кажется, и здесь не курю. Ну и слава богу. Дурная привычка. Наподобие ковыряния в носу. Только удовольствия еще меньше. И пользы – вообще никакой.

Народ резко повскакивал и бегом к КП. Я же – не спеша. Фролова лишь догнал и потопал себе рядом с ним. Молча. Мы – звено. Тот спросил лишь:

– Ты как?

– Нормально, – отвечаю. – Особист одобрил. И доктор все разрешил. В смысле, и летать тоже. – В ответ буркнуто что-то добродушно-одобрительное. Ну и лады.

Проходим мимо штабной палатки, а там матюки – сплошной пи-и-ип был бы по ТВ. Замполит с Батей. Замполит весь красный, напирает, Батя лишь слабо отбредихивается.

– Если это, пи-ип, современный истребитель, то я, пи-ип, царица Клеопатра, пи-ип. Это, пи-ип, что за подход такой, пи-ип, я вас спрашиваю, пи-ип? Не может, пи-ип, так считаться, пи-ип, и не должно, пи-ип!!!

– Да пойми ты, твою мать, не могу я... Меня же потом, пи-ип пи-ип пи-ип... на пи-ип спросят, пи-ип мать, а я что?! Пи-ип-пи-ип?! А впрочем пи-ип с тобой, пи-ип к пи-ип матери и сапогом тебе в пи-ип и пи-ипом по пи-ипу вдогон, пи-ип твою мать, пи-ип!!!

На данной высокой ноте минуем штабную палатку.

Построились на удивление быстро, летный состав в первой шеренге, за ним основная масса технарей и прочих спецов. Разумеется, тех, кто именно сейчас не занят. Однако много нас. Полк пятиэскадрильного состава – так, кажется? И эскадрильи по 15 рыл, пять звеньев по три. Вышло начальство. На середину перед строем. Комполка и замполит. Оба злые, но спокойные. Будто и не швыряли только что друг в друга всяческие органы и нехороших женщин по матери. Комэск-один скомандовал «равняйся-смирно», и было к ним на полусогнутых, но Батя его тормознул. Взглядом. Тоже уметь надо. Посмотрел на наш не шибко строевой весь из себя – как и положено в авиации – полк, нешумно вдохнул и пошел чеканить:

– Товарищи командиры и красноармейцы! Коварный враг вероломно напал на нашу социалистическую Родину. Связи нет, но это война, товарищи. Звено старшего лейтенанта Фролова и сводная группа капитана Федченко провели уже первый бой. Сбито шесть фашистских стервятников. Есть у нас и первый погибший. Младший лейтенант Петькин.

Пауза. Правильно, чтоб народ осознал. И снова:

– Слушай боевой приказ. Третьей эскадрилье и пятому звену четвертой эскадрильи организовать дежурство. Два звена все время в воздухе, два в готовности, два отдыхают. Наблюдение за воздухом постами ВНОС²³ и непосредственно зенитчиками, команды через заместителя командира полка капитана Нижегородцева. Остальные силы полка наносят штурмовой удар по аэродрому Малашевичи, в семи километрах к юго-западу от Тереспоя. Командиры эскадрилий и большинства звеньев наблюдали его, когда облетали границу. Почти напротив крепости. У кого есть направляющие, установить РСы²⁴. Самоподрыв на три секунды. У кого нет – бомбы. Помельче. Вылет по мере готовности. Штрафное звено взлетает последним и

²² КП – командный пункт. В данном случае истребительного авиаполка (иап).

²³ Войска ВНОС (Воздушного Наблюдения, Оповещения и Связи) – род войск ПВО в Российской, Красной и Советской армиях (до 1951 г.), предназначался для ведения противовоздушной разведки и предупреждения об угрозе воздушного нападения.

²⁴ РС – реактивный снаряд. Собственно, неуправляемые ракеты (НУР). На И-15 бис и И-153 использовались РС-82, т. е. калибра 82 мм, 8 направляющих под крылом. Самоподрыв устанавливался техниками вручную в пределах от 2 до 22 секунд. Управление стрельбой РС – от электросбрасывателя бомб ЭСБР-3, кнопкой.

подчищает. Сейчас все по машинам, готовность через десять минут, то есть в семь пятнадцать. Сигнал – зеленая ракета с КП. Замполит!

– Товарищи! Коварный враг вероломно напал! Дадим же ему... так пусть же... В общем, да будет земля ему... Во... Камнем могильным пусть станет для него священная наша земля!

Да, не речист наш замполит. Небольшого роста, коренастый, лицо все в шрамах и оспинах. Батальонный комиссар Краев. Алексей Михайлович. Зато, говорят, летчик отличный. От бога, что называется. Был. Пока не гробанулся. В 39-м, кажется. Собрали по частям. Обгорелого. На боевых истребителях летать запрещено. Отправили на курсы. С 40-го – замполит. Нашего полка. Нашего 128-го истребительного авиационного полка. По штату 77 И-153. Точнее, И-153 БС²⁵. Еще каким-то левым образом получилось 8 заштатных (плюс потом мою «птичку» из КБ пригнали, в приданое Петровичу, что ли) И-15 бис, из них исправных три, а с моей «птичкой» четыре, и наоборот, успели собрать и облетать пятерку «мигов». Для перевооружения. Точнее, МиГ-3²⁶. Буквально месяц назад. На одном из них я, то есть Костик, успел уже отметить. Дал лишку газа при рулежке. Решил, по собственной дурной инициативе, полет исполнить. Исполнил... Поломка правой консоли крыла, повреждение обшивки центроплана и погнут винт, ну и еще кой-чего по мелочи. Теперь запчастей ждут. Не дождутся, пожалуй. Остальные «миги» исправны. Пока. Да летать на них, почитай, некому. Освоить не успели. Еще неисправны 6 «чаек» и 5 И-15 бис. Было больше, но с тех пор как Батя выцарапал себе в зампотехи военинженера 1 ранга Шульмейстера, что интересно, Василь Иваныча, не прошло и трех месяцев, однако все, что можно было поставить на крыло, тот поставил. Жучара.

Летчиков без двух полный штат, на «мигах» пока не летали, вот комполка и создал штрафное звено. Теперь, похоже, пара. Осталась. Однако, смотрю, к «птичкам» нашим поспешаем втроем. Впереди Фролов, за ним мы с Костином, а сзади догоняет... замполит! Вот, оказывается, насчет чего они с Батей цапались... То-то он последнее время на У-2 летать зачастил. Что ж, старый конь...

На моем, оказывается, не замеченный мною «во сне» номер 03 проглядывает сквозь слой недавно нанесенной краски. Будет вам, фрицы, «Скорая помощь». Сажусь в кабину. Техник, все тот же салага, бормочет насчет боеприпасов – комплект, топлива – полные баки. И еще две бомбочки под крылом. Фугасных. ФАБ-100. Мельче не было, говорит. Покопавшись в памяти, приказал донные взрыватели установить. С замедлением. Если имеются. Оказалось, есть такое. И сбегать переустановить успевает, вторая-то еще только-только на взлетку двинулась. Эскадрилья. Полный циммес! У Фролова с замполитом, гляжу, РСы. На симуляторах были неплохи, посмотрим, как в реале. Пока же – обычная процедура. Техосмотра. Пусть дешевые пажоны пренебрегают. Я – не из тех. For sure.

Технарь притащил какие-то документы, на предмет состояния техники, карандаш. Расписался по-шуструму, где положено. Под чутким руководством Костики. Виртуал, конечно, все ближе к реалу становился, по мере развития. Но не до такой степени, чтоб и такие вот мелочи.

²⁵ И-153 БС – пожалуй, наиболее совершенная модель И-153. Вооружение – 2×12,7-мм БС, 2×7,62-мм ШКАС или 4×12,7-мм БС, все пулеметы синхронные, бомбодержатели и (не всегда) 8 ПУ под РС-82. Двигатель М-62 или (серия более 300 ед.) М-63. Винт изменяемого шага (ВИШ). Скорость (444 км/ч на высоте) и скороподъемность немного выше, чем у машин первых серий.

²⁶ МиГ-3 – высотный истребитель Микояна и Гуревича (на самом деле переданный данной блатной команде якобы Поликарповым, а фактически в его отсутствие, для завершения работ – по указанию сверху). Двигатель АМ-35 А на 1350 л. с. (взлетная), винт трехлопастной ВИШ-22 Е, очень высокая (до 640 км/ч) скорость на высотах от 6000 м, приличная (500 км/ч) у земли, вооружение слабовато: 1×2,7-мм БС (300 патронов), 2×7,62-мм ШКАС (750 патронов), иногда 6 РС-82, до 200 кг бомб. Сложен и строг в управлении, высокая утомляемость пилота. На низких и средних высотах недостаточная маневренность. Немцы называли его «Иваном» и считали дубоватым. На МиГ-3 начинал и сбивал своих первых немцев А. И. Покрышкин (за всю войну, по официальным данным, 59, по неофициальным, 75 сбитых). Так что далеко не вовсе плохая машина была. Для хорошего пилота, разумеется. Единственный, за всю ВОВ, советский истребитель, догонявший современную ему модификацию «мессера» в пикировании.

Ага! Зеленая ракета, и первая эскадрилья пошла на взлет. Звеньями. Потом, минут через пару, вторая. Народ поспешает, как может, но перерывы все-таки получаются приличные. Аэродром не так чтобы очень... просторный, да и вообще. Полевой. В общем, пятая взлетела минут через пятнадцать после рванувшего первым командирского звена. Вот и наша очередь.

Взлетаем сразу звеном: Фролов по центру, замполит слева, я опять справа. Впрочем, для начала да с такими асами и третьим быть не в лом. Даже недавнему выпускающему тест-пилоту фирмы EurAsiaSoft. ООО-GmbH то есть, российско-германской, значитца, фирмы. Что представляется особенно пикантным. В создавшейся то есть ситуевине.

Разбег дольше обычного получился, бомбочки-то в перегруз, но поляны хватило. С запасом даже. Естественно, у «мига»-то взлетная – не сравнить²⁷.

Идем низенько-низенько... Метрах в пятидесяти над железной дорогой. Не заблудишься. Внизу мелькнула пестрым Жабинка. Прошли возвращающиеся наши. Первая эскадрилья. Тысячах на полутора. Нам их хорошо видно, им нас – нет. На фоне земли. Потом минут пять зеленым, затем опять пестро квадратиками – Брест. Над Брестом дымы, но немного. Крепость слева, там реально и дымит, и горит. И взрывается. До немецкого аэродрома отсюда всего ничего. Наши явно успели поработать. Уже. Взрывы, огонь и дым издали видны. Все это наблюдаю лишь мельком, периферийным зрением. Пилотировать на полусотне метров для меня не сложно, держать при этом строй чуть веселее, а вот еще и контролировать воздушное пространство в задней полусфере слегка напряженно уже. Тем более что цена ошибки не перезагрузка, а окончательный и полный пипец. Причем, возможно, не только персонально для меня. По ходу замечаю все группы возвращающихся наших. Считать не успеваю, но возвращается явно меньше, чем вылетало.

Опа! Что я вижу! Какое очаровательное рандеву! На пылающий аэродром садится «мессер». Bf-109²⁸ то есть. Оглядываюсь на всякий случай, потом снова вперед. О, это ведомый, а немного впереди и ведущий. Метрах на ста, с выпущенным шасси. А еще дальше, совсем уже у земли, еще пара. Тоже садятся! Посадочная скорость у них, насколько помню, 130 км/ч. Даже для «чато», и даже с подвешенными РСами еще очень даже вполне!

М-да... Мастерство не пропьешь, это уж точно. И по госпиталям не отлежишь. Чуть приподнимаются курносики, и мой ведущий с левым ведомым, слегка доворачивая свои «ястребки», из хиленьких ПВ-1 калибра всего-то лишь 7,62 мм почти небрежно смахивают с неба первую пару и сразу за ней – вторую. Даже не попытавшуюся хоть что-то предпринять. По этому печальному – для них – поводу. Впрочем, садящийся истребитель совершенно беззащитен, а на такой дистанции – метров пятьдесят, не больше – хлипкая авиационная броня и от 7,62 мм не спасает. Особенно при атаке сзади-сбоку. К тому же из «мессера» там вообще ни черта не видно. Обзор назад у него... Отсутствует, можно сказать. Видимо, с пустыми баками возвращались, иначе не стали бы так беспечно... И чтоб по радио предупредить – не до них было. Наверное. Так-то немцы свое дело завсегда туго знали. Вот, помнится... Впрочем, к делу не относится.

²⁷ Длина разбега 347 м, пробега – 410 м. Очень высокая посадочная скорость (ок. 145 км/ч), что также было неслабой проблемой.

²⁸ Основной истребитель Люфтваффе на протяжении всей Второй мировой войны. В июне 1941 года это были, преимущественно, различные варианты (чаще 1 и 3) модификации Bf-109E. Скорость на высоте до 570 км/ч. Очень хорошая вертикальная маневренность, горизонтальная тоже вполне приличная. Вооружение: 2×20-мм MG FF (крыльевые, по 60 снарядов на ствол) и 2×7,69-мм MG-17 (синхронные, по 1000 патронов на ствол или по 500 патронов, но дополнительно 1×20-мм MG FF/M в развале цилиндров с 200 снарядов). Немцы звали его «эмил», наши – «мессер» или «худой» для Bf-109 всех модификаций. На аэродроме Малашевичи, однако, базировалась JG 51 (51-я истребительная эскадра Люфтваффе), вооруженная новейшими Bf-109F (скорость на высоте до 600 км/ч, вооружение: у F-1 – 1×20 мм, а у F-2 – «недопушка» 1×15-мм MG 151/15 в развале цилиндров, и у обоих 2×7,69-мм MG-17 синхронные). Немцы называли его «фридрих» и считали самой удачной, оптимизированной по всем показателям версией «мессера». Всего было выпущено более 32 тысяч Bf-109.

Мои работают РСами по стоянкам. Аэродром большой. Там дуже богато всего-всего – и «мессеров» худых, и «лапотников», и «восемьдесят восьмых»²⁹, и прочей всякой летающей сволочи, с виду целой и пока не горящей, вполне хватает еще. Зениток тоже немало всяких, но терпимо. Наши проредить успели, надо думать. И как они, РСы, в реале, интересно? Нет, не море огня, но эффект очевиден. Пожалуй, где-то с пяток «мессеров» списали. Вчистую. Если не больше. Я же, все время оглядываясь по сторонам и назад, набираю кругами высоту. До тысячи где-то. Присматриваю себе по ходу симпатичный такой блиндажик, чуток в сторонке ото всего. Всем похожий на заглубленный такой вот весь из себя КП. Скорее всего, что-то навряде Geschwaderstab³⁰. После чего валюсь в пике. Сугубо вертикальное. Из полубочки, разумеется. «Штуки» тоже не из баловства каждый раз кувыркаются. Движок. Карбюраторный. Глохнет от отрицательных перегрузок. Перед глазами словно инструкция по летной эксплуатации: *«Самолет И-15 бис хорошо и устойчиво пикирует под всеми углами наклона продольной оси вплоть до отвесного пикирования»*. К моему И-152 это точно подходит. И насчет хорошо, и в смысле устойчиво. Но скорость контролировать надо. Больше 450 в час нам ну никак низзя. Прыть, однако, довольно вяло набираем, биплан таки, но ФАБам это хоть чуток скорости добавит, а скорость суть глубина проникновения. В грунт. Или во что там еще попадется. Если же просто с большей высоты сбросить, целкость не та будет. Пикируя точно на полюбившийся блиндаж, нажимаю кнопку сброса и тут же выхожу из пике. Просел, однако, не так чтобы очень. Заметно полегчавшей «птичкой». Да... Облегчившейся. И перегрузки... Почти без. Можно будет на этом как-нибудь «мессера»... попробовать. Подловить. Оп! Намана... Сначала по сторонам, теперь можно и на землю глянуть. Бинго! Был блиндаж – и нет блиндажа. Только пыль облаком по земле растекается.

Однако Фролов с замполитом закончили уже и пулеметные свои дела. Качает крыльями. Его самолет легко узнать, он чуть посветлее. Прохожусь по стоянкам БСами. Очень неприятно, когда по тебе реально стреляют. Тем более что эффективность моего огня, надо думать, оставляет желать. Лучшего. Но не полный же боекомплект обратно везти! Читал, в ту войну могло быть чревато. С точки зрения полит- и особого отделов. Впрочем, политотдел у нас в наличии и начеку, а от особого тоже вряд ли претензии будут. Тем более после утренних моих дел.

Возвращаемся домой. Пробую по ходу пару любимых вывертов, что на симуляторе использовал. Нештатно-режимных. Блин... Головой надо думать. Все-таки даже самый лучший симулятор всяко не реал. Что ж, придется штатно. Пока летели, шею натер оглядываться. Надо будет что-нибудь придумать. Шарфик какой-нибудь, что ли. Садимся спокойно – над аэродромом барражируют две тройки «чаек». Попарно. Так и надо. Пока летали, еропланы и все прочее не слабо замаскировать успели. А дымов в округе явно поприбавилось.

Выруливаю на свою стоянку. Черт, не так чтобы особо напрягаться пришлось, а весь потный, да и усталость навалилась. Неподъемная. Да уж, определенно не симулятор. Отстегнулся, технарь, заскочив на крыло, помогает подняться. Молодец, догадался. На ватных ногах следую за Фроловым с замполитом. Замполит веселый, хохочет. Вернули пацану любимую игрушку.

²⁹ Ju-88, основной бомбардировщик и не только (опробовал на себе едва ли не все возможные роли и задачи, до истребителя включительно) Люфтваффе. Масса модификаций и вариантов. Для 1941 года наиболее типичным являлся пикировщик Ju-88 А-4. Максимальная скорость – 467 км/ч, дальность – 1780 км, в перегруз свыше 3000 кг бомб (в бомбоотсеке до 20×50 кг плюс четыре подкрыльевых узла подвески под бомбы до 1000 кг), оборонительное вооружение 2×MG-131 (13 мм) и 3×MG-81 (7,92 мм). Экипаж 4 фашиста. Всего выпущено 14 676 Ju-88 всех типов.

³⁰ Штаб эскадры.

³¹ Эскадра Люфтваффе примерно соответствует авиадивизии РККА. В эскадре три-четыре группы, в группе три-четыре эскадрильи, всего обычно 100 – 120 самолетов. Смешанных эскадр не бывало. В третью декаду июня на аэродроме Малашевичи располагался штаб 51-й истребительной эскадры (JG-51) с Bf-109F на вооружении, командир эскадры на то время – подполковник Вернер Мельдерс. Выдающийся ас, теоретик и практик воздушного боя. К маю 1941 года у него было уже 68 побед. На Восточном фронте с первого дня, 15.07.41 г. одержал 100-ю воздушную победу, став первым в мире летчиком, официально перешагнувшим этот рубеж. До своей гибели 21.11.41 г. (авиационная катастрофа – летел пассажиром на He-111) сбил 115 самолетов.

Пусть даже и на время. Впрочем, на время ли? Да и сколько того времени получится... в июне-то 41-го...

– На Северном фронте тоже вот так аэродром раздолбали. «Витория», кажется... С Туржанским³², помнишь? Только там «хейнкели» были, и взлетали, а не садились...

Бойцы вспоминают минувшие дни... Я тоже в небе Испании не слабо повоевал. На симуляторе, разумеется. Недолгая эра воистину маневренного воздушного боя. Но об этом – тс-с-с... молчок!

Фролов докладывает Бате, тот жмет ему руку, потом замполиту. Потом и мне – за компанию. Костик в восторге. Он прощен, и покалеченный «миг», похоже, забыт. Ну, еще бы. Если б не мы с ним, не было б уже этого полка в составе ВВС РККА. Впрочем, и самого Костику тоже не было бы. Потом заскакиваем в штаб. Штабную палатку, в смысле. С навесом и столами. Летные книжки заполнить. За оба-два утренних вылета. Порядок...

Теперь можно и позавтракать. Жрать охота ну просто очень. Калорий-то сгорело немаленько. Два вылета с утра. Направляемся к большому шатру столовой для летного состава. Под маскировочной сетью, на которую уже успели набросать всякой дряни. Действительно, с воздуха не припомню, чтоб шибко в глаза бросалось. Часть летунов еще заправляется. Настроение у народа возбужденно-мрачное. Завтрак нехилый – хлеб пшеничный, ржаной тоже, свежий – рассыпчатый, горячий. Кубики масла желтеют. Картошечка с мясом. Салатики какие-то. Какао со сгущенкой и по яйцу всмятку. Расшедрился начпрод. Или по фронтовому пайку положено? Нас приветствуют уважительно. Сегодня мы – герои. А тут еще замполит рассказывает про наших «мессеров», так народ и вовсе духом воспрянул. Оказывается, четверка «мессеров»-охотников, причем, похоже, та самая, успела уже отметиться над аэродромом, зайдя от солнца, с ходу сшибла четыре из шести дежурных «чаек» и, уйдя от остальных в пикирование, потом еще и возвращающиеся эскадрильи слегка проредила. На две «чаечки». Однако, потери!.. Двое из тех, что над аэродромом, спаслись с парашютами, один из них все же ранен, другой невредим. И еще пятеро погибли при штурмовке. Пока зенитки давили. Лейтенант Хлопков направил свой горящий истребитель в самолетную стоянку. Причем, говорят, полет явно пилотируемым был. До конца. Вечная память и слава. На этой траурно-героической ноте дотрескиваем пайку. Народ тем временем постепенно расходится. И мы, допив какао, тоже выходим.

– Эт когда это ты так бомбами швыряться научился, а, Костик? – Это Фролов. Без подколок, скорее добродушно и с удовольствием. Припоминаю Костиком: я с ним на «вы», но можно без чинов.

– Не знаю... На «юнкеры» утром посмотрел – дай-ка, думаю, и я так же. Вроде получилось.

– Это уж точно, – замполит вклинивается, – блиндаж аж приподняло. Надо про этот приемчик другим летчикам рассказать.

– Побьются, – ворчит Фролов, прикуривая.

– Не побьются, – отвечаю. – Надо только где-то с тысячи заходить, не выше, кнопку на трехстах, и тут же выходить. Прямо на сбросе. Я, впрочем, на пятистах сбрасывал. Чтоб бомбы скорость побольше набрали. А как вы этих... «мессершмиттов»-то. Раз – и нету. Я так и сообразить ничего не успел.

³² Туржанский Б. А. (1900—1948). Выдающийся советский летчик-истребитель. Действительно штурмовал с группой аэродром «Витория» и сбивал там взлетающие истребители (He-51) франкистов. После одного из боев, 20 декабря 1936 года, при вынужденной посадке в горах потерпел аварию. Обнаружили и доставили в госпиталь только на следующий день, с тяжелым повреждением черепа. Испанские врачи спасли жизнь Борису Александровичу, однако он ослеп на один глаз. Несмотря на это, сумел остаться на летной работе, сначала – истребитель ПВО, затем – летчик-испытатель. Комбриг, впоследствии полковник, Герой Советского Союза.

Фролов с Краевым улыбаются. Каждому радостно слышать про себя приятное. Особенно если по делу, без тупого подхалимажа.

– Ну, ты-то с пикировщиками и вовсе отмочил, – это Фролов, – слышал сквозь сон, как ты поднялся, потом гляжу – обратно примчался, с матюками (не помню) похватал все, и нет тебя, как корова языком слизнула нашего Костика... Потом слышу – движок ревет, поднялся, Петькин, бедолага, за мной... Говорил же ему... и всем вам – нельзя тупо в лоб на бомберы идти... Особенно на новые «хейнкели»... Впрочем, что теперь... Пока бежал, ты уже первого срезал. Как попадал-то в них? Как целился?

– А никак. Думал, это сон. – Недоумение, потом лошадиное ржание в два голоса. – Точно, так и думал, пока вы, товарищ старший лейтенант, докладывать не начали. Тут чувствую – нога болит, которой о скребок навернулся... Понял, не сон, и сомлел. – Снова ржание. Жеребцы стоялые. Кстати, как это? Баб Варя так вот говаривала...

– Головной «хейнкель», кстати, тоже твой. Я его только пугнул, ну, может, пара 7,62-х и попала, но это ему как пощекотал. А ты куда врезал?

– Вроде по кабине. Справа спереди зашел, потом сразу под него и влево. За вами.

– Ну, если по кабине, да еще и из БСов... То-то он сразу навернулся... Ну ладно, пока всем побриться-помыться, через полчаса к Бате. На КП.

Подойдя к палатке, взял Костикову гордость – опасную бритву Вачского завода «Труд» в щегольском деревянном футлярчике, правильный ремень, кисточку и металлическую мыльницу. Хозяйство это Костик приобрел с первых курсантских получек, аккуратно к началу произрастания бороды, и по крестьянской привычке не поспешил, приобретая реально необходимые вещи. Вот ему и рулить, я-то привык к безопасному «Жиллету». В походно-полевых же условиях предпочитал и вовсе обходиться без этого дела. Дурацкая царापинка может быть чревата даже в средней полосе, не говоря уж о менее комфортных регионах нашего шарика... Да и солнце с ветром... Лучше, словом, не заморачиваться. На боевых. С бритьем этим самым...

Сбегав с кружкой за кипятком, Костик проскочил к умывальникам, привычно оголил себя по пояс, взбил пену, нанес ее на кожу лица и принялся аккуратными точными движениями снимать белые хлопья, смахивая в поддон умывальника. М-да, процедура не для слабонервных, когда эдакая сабля порхает под носом. Теперь одеколончиком, «Шипром» – бр-р-р. Ну как? Качество бритья хорошей опаской и правда, оказывается, повыше будет. Ежели умеючи.

После бритья, осведомившись у Костика о наличии запасных шмоток, прихватил комплект х/б б/у³³, скинул комбез, потом еще чуть влажное от утреннего боевого пота обмундирование с армейским бельем и, заскочив в ближайшие кусты, погонял десять минут самые короткие и простые комплексы. Пока дело продвигалось не очень, но – лиха беда начало. Хотя, конечно, довести Костика до моего уровня в примерно этом же возрасте, наверное, не получится ну никак. В 45-м полку, плюс к методикам и прочему, еще и фармацевтическая поддержка была – дай боже. БАДы³⁴ всякие, еще какие-то хрени, о которых нам даже не рассказывали. Кололи, и все. Мол, во многия знания многия печали. Но да ничего, даже нынешний уровень тандема «Костик + Я», полагаю, совершенно запредельный для этого времени, а дайте еще и срок...

Затем снова в умывальник, взял ведро, налил из стоявшей поблизости цистерны холодной да и опрокинул на себя. Господи! Если ты есть... Какое же это счастье – быть молодым, здоровым и с полноценным, абсолютно послушным тебе мускулистым крепким телом! Когда приходилось узнавать о самоубийствах молодых здоровых людей, дико возмущался всегда. Даже когда сам был молодым и здоровым. А уж потом, после того как... буквально жаж-

³³ Х/б – хлопчатобумажный, б/у – бывший в употреблении. Армейские, и не только, сокращения.

³⁴ БАД – биологически активная добавка. В 45-м отдельном разведывательном полку спецназа ВДВ действительно очень серьезно подходят к подготовке своих специалистов. Еще с 80-х годов, когда полк этот был ротой.

далось оживить их и снова предать мучительной смерти, а потом еще и еще раз – без конца! Это же надо быть такими идиотами, чтобы не ценить столь бесконечное счастье, дарованное природой! Просто жить и быть здоровым. По сравнению с этими двумя простыми радостями все прочее, если подумать, такая мелочь, о которой печалиться не только не стоит, но даже и грешно.

Хорошенько намылившись, завершил процедуру еще парой ведер ледяной. Под внимательно-удивленным взглядом совсем уже было собравшегося уходить от умывальника Фролова. Видимо, раньше за Костиком ничего подобного не замечалось. Пролет, однако. Впрочем, пусть привыкают.

На КП подошли все втроем: Фролов, Краев и я. Два зубра с зубренком. Там ждали Батя с Петраковым. Младшим лейтенантом. До Костикова приключения с «мигом» мы с ним в одном звене были. Оказывается, это он из горящей «чайки» над аэродромом выбросился. Благополучно то есть. Еще одну ногу сломал при приземлении, а двое так и ушли с концами. Наверное, сразу пули-снаряды словили. Жихарев и Полтавец. Надо же, всего-то пару часов назад меня в курилке подкалывали. Костик, помнится, к Жихареву за что-то неровно дышал, а теперь вот и нет их. Так оно и бывает. На войне как на войне. Костику определенно тяжело, да и мне, как говаривала баб Варя, царствие ей небесное, не фунт изюму. Хотя, конечно, вспоминать испытанное – это не испытывать впервые. Две большие разницы, как, говорят, гуторили некогда в Одессе. Маме.

Под эти наши с Костиком грустно-печальные размышления Батя кратенько так сообщил нам, ну, мы-то с Костиком сбоку припека, как и Петраков, впрочем, а прежде всего старинным боевым друзьям своим, Фролову и замполиту, что связи с дивизией как не было, так и нет, сухопутчики ему по тому известному месту, поскольку несут всякую чушь, да и уровень пока не выше ближайших дивизий, в разноцветных пакетах³⁵ на все случаи жизни тоже галиматья несусветная, к реальной обстановке абсолютно неприменимая, поэтому он берет инициативу на себя и принимает решение продолжить так приглянувшуюся ему штурмовку аэродромов уже не вероятного противника, а самого что ни на есть настоящего фашистского врага. Наша же четверка И-15-х присоединяется к поредевшей составом третьей эскадрилье, без четырех «чаек», в патрулировании нааэродромных небес обетованных. Таким образом, чтобы освободившиеся благодаря этому «чайки» могли приятно поучаствовать в ответных визитах на временно оккупированную нацистами польскую сторонку. Поскольку «чайка» все же лучше «биса», особенно в отрыве от базы, а возле своего поля и «бис» не вовсе плох еще. Короче, одна четверка (на данный момент мы) всегда в состоянии готовности номер один, еще одна парит с оглядкой, и третья отдыхает. В общем, нам – вперед и к машинам, а он пошел снова поднимать полк. Который, кстати, уже построился в ожидании его нецензурного напутствия. Потому что выше только, так сказать, квинтэссенция мысли приведена. За вычетом огромного количества половых и не только органов, замысловато парящих повсюду и непринужденно пикирующих с посвистом в самые неожиданные и на первый взгляд совершенно неподходящие для этого самого дела места. Да и на второй тоже. В смысле, взгляд. Такая уж у него интересная манера изъясняться, у Бати. У нас, помнится, в 98-й³⁶ начальник разведки примерно в таком же стиле... сокровенным делился.

Вообще же здесь по-другому говорят. Заметно. Диалектов масса. Слова вроде те же – ну, почти, а выговор едва ли не у каждого свой. В мое время не было уже такого. Даже у замшелых бабок с дедками. Массовая культура. Телевизор. Всеобщая стандартизация и все такое.

³⁵ И тогда, и в более поздние времена у командиров достаточно высокого (от отдельной части и выше) уровня хранились в сейфе пакеты, говорят, разного цвета (сам не видел), с вышестоящими инструкциями на всякие разные случаи жизни и вообще. Которые было положено вскрывать, допустим, при нападении противника и т. п.

³⁶ Имеется в виду 98-я гвардейская Свирская Краснознаменная ордена Кутузова 2-й степени воздушно-десантная дивизия, МПД в Иваново (с 1994 г., до этого в Белогорске и затем в Болграде).

– Сигналы ракетницей³⁷. Одна – немногочисленный противник, справлюсь сам, две – дежурное звено на взлет. Три – всем взлет. Понятно? – Потом подмигнул Фролову: – Помнишь тот симпатичный аэродромчик к северу и чуть на запад от Малашевичей, который мы с тобой еще в мае облюбовали?

– Бяла-Подляска, что ли?

– Он самый, красивый-хороший.

– Передавай там привет от меня. И от Петькина.

– Всенепременнейше. – Повернулся и двинулся к строю. Перед этим как-то чуть странно мазнув взглядом по мне. Никогда раньше он так на меня не смотрел. Жалостливо так, да? Будто холодок скользнул по спине, да и прошел. Ни до чего сейчас. Скоро снова в небо. Недоброе небо войны. Но мне после того, что в том будущем со мною было, все в кайф.

Фролов, направляясь к машинам, лишь бросает в мою сторону:

– Ты – с комиссаром.

Значит, так вот они распределили ведомых. Замполит со мною, а Фролов с Петраковым. Это, наверное, ближе к признанию заслуг. Потому что замполита берегут. Мужик он и правда классный. Костик, во всяком случае, именно такого мнения. Фролов:

– С ракетами все запомнили? Так вот. Забудьте. Сигналы подаю только я. А то знаю таких... фокусников, что сами себя поджечь могут. – Взгляд при этом почему-то на мне. Фиксируется. Ну, Костик!!! Прадеда, блин... А я чо – я ничо... Чо-чо...

У ероплана моего уже вовсю хлопочет Петрович. Который Сулима. Владимир Петрович, значит. С некоторых пор рядовой. До бабского полу наивеличайший специалист и охотник. И это при всем при том, что Костик рядом с ним без малого Гулливером смотрится. Поскольку Петрович тот и вовсе колобок, метр с кепкой. Впрочем, и выпить тоже не дурак, под юбочные-то дела. Будь средневековым рыцарем, имел бы все основания носить на щите девиз типа: «Все, что горит! И все, что шевелится!» Но то, что в мрачное Средневековье сходило за доблесть, да и в моем будущем не считалось бы чем-то порочащим, в текущую суровость великого обличья морале русико туристо имело для Петровича препечальные последствия. В результате к 42 местами пегим годам всего-то лишь рядовой, наимладчайший техник самого шалопутного и славного аварийностью младшего пилота нештатного штрафного звена постоянно требующих пригляда И-15-х, владеец богатого послужного списка, навечно занесенного в скрижали карточки учета поощрений и взысканий в графе, сугубо противоположной поощрениям, плюс плательщик алиментов двум семьям в пару, кажется, детских головок каждая. А теперь к тому же и под дамокловым мечом трибунала. Многословно и путано оправдывается, что интересно, глядя куда-то в сторону. Костику, наверное, было бы по фене, а я давно уже четко усвоил – все, что отклоняется от обычного, заслуживает пристального внимания. А обычно, по Костику, в подобного рода случаях Петрович по-собачьи преданно смотрит в глаза...

Сейчас не смотрит. Объясняя, что трибунал в данном случае не для него, поскольку к Клавдии Сергеевне – всегда он вот так о своих пассиях, очень уважительно – убыл до того, как началось все вот это безобразие.

Впрочем, технарь он классный, аж из самого КБ, поликарповского, потом и микояновского то есть, погнали. За увлечения. Так что насчет машины могу быть спокоен в любом случае. Тем временем вырывают на взлет звенья пятой эскадрильи, за ними наша очередь. Запустив движок, прогреваю его, варьируя обороты, потом следую за своим ведущим на взлет, несколько секунд – и мы в небе. А в нынешнем скае только верти головой, если не хочешь

³⁷ В штатное оснащение советских истребителей входила ракетница. Машины группы И-15 имели ракетницу КП-3 и шесть ракет к ней в специальном патронташе, все по правому борту внутри кабины. Описание КП-3 отыскать не удалось, но цифра «3» вполне могла обозначать «трехствольная». Во всяком случае, в Люфтваффе реально использовались двухствольные (перезаряжать в полете при одном лишь пилоте в кабине – та еще морока), у японских же пилотов точно имелись именно трехствольные.

гореть где-нибудь в кустах не то в бурьяне. Хорошо хоть успел платочек подложить между шеей и воротником. Шелковый. Варя вышивала. Теплом прошлось по всей душе мягкими тапочками.

Кстати, как там Варя? Поменялась, наверное, сегодня ее судьба. Поскольку Костик жив. Пока во всяком случае. В той-то жизни добрела она, по рассказам напевным помнится, сначала до разбомбленного аэродрома, забитого так и не взлетевшей техникой, нашла там убитого при бомбежке мужа. С которым успела к тому времени прожить душа в душу аж целых чуть больше месяца. Теперь этого точно не будет. Не тот человек Батя, чтоб его полк можно было вот так, запросто, угробить. При уже расправленных-то крыльях.

Полк наш, 128-й иап³⁸, вспоминает Костик – а я тем временем внимательнейшим образом контролирую пока пустое окружающее пространство, – сформирован был в 39-м, сразу же после Халхин-Гола, и Батя стал его первым командиром. Сразу из комэсков. Не слабо, видимо, отметился у японцев. Да и у франкистов тоже. Два Красных Знамени³⁹ – это по нынешним временам очень даже нехило. С самого начала то ли забыли ввести в состав какой-нибудь авиадивизии, то ли специально так сделали, но полк, не называясь отдельным, фактически являлся таковым. Дислоцировался под Белогорском – поближе к Маньчжурии. Один из первых, полностью вооруженных «чайками» И-153. Перед Финской⁴⁰ летный и технический состав перебра-сили под Выборг, где уже ждала новая матчасть. Те же «чайки». Против финнов показали себя исключительно хорошо. Быть бы Бате сейчас комдивом, но на наше, а может, и не только наше счастье, не то чтобы поссорился, а скорее не выразил достаточной восторженности суждений в присутствии Мехлиса⁴¹. По слухам. В общем, на дивизию его не утвердили, и он вместе с полком вернулся под Белогорск осваивать новую матчасть в виде И-16⁴² 29-й серии. Где летом 40-го к нему и присоединился свежеиспеченный отличник боевой и политической подготовки Костя Малышев. Самым что ни на есть младшим лейтенантом и правым (пока) ведомым тре-

³⁸ На самом деле 128-го иап не существовало. Ни в составе 10-й сад, ни в ВВС РККА вообще.

³⁹ Орден Боевого Красного Знамени – первый, а в период Гражданской войны единственный советский воинский орден. Учрежден 16.09.1918. К началу ВОВ был третьим по значимости после Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина.

⁴⁰ Финская война 1939 – 1940 гг.

⁴¹ Мехлис Лев Захарович (1889 – 1953). Крупный советский политический и военный деятель. Один из ближайших сподвижников Сталина, его доверенное лицо. Отличался изумительно сложным характером, отсутствием такта и упрямством. Долгое время пользовался безграничным доверием Сталина, вследствие чего, видимо, решил для себя, что отчасти приобрел и «непогрешимость» обожаемого вождя. Впрочем, не отнять у него и храбрости, принципиальности, «партийной» честности, фанатичной трудоспособности и скромности в быту. При том, что, справедливости ради, и в военных вопросах был далеко не профаном. Вследствие чего еще меньше нравился военачальникам, обделенным многими из этих качеств. Или всеми. В 1937 – 1940 гг. – заместитель наркома обороны и начальник Главного Политуправления Красной Армии. С 1939 г. – член ЦК ВКП (б), в 1938 – 1952 гг. – член Оргбюро ЦК, в 1940 – 1941 гг. – нарком Госконтроля. В июне 1941 года вновь назначен начальником Главного политуправления и заместителем наркома обороны. Мехлису было присвоено звание «армейский комиссар 1 ранга», что соответствовало званию генерала армии. После разгрома в мае 1942-го Крымского фронта – относительно степени виновности в котором персонально Мехлиса существуют разные мнения, вплоть до диаметрально противоположных включительно, – был снят с постов замнаркома обороны и начальника Главного политуправления Красной Армии, понижен в звании на две ступени – до корпусного комиссара. Тем не менее в 1942 – 1946 гг. – член военных советов ряда армий и фронтов, с 6 декабря 1942 г. – генерал-лейтенант, с 29 июля 1944 г. – генерал-полковник. Похоронен в Кремлевской стене.

⁴² И-16 разработки КБ Поликарпова – лучший истребитель начала 30-х годов, и первый в мире (первый полет 30 декабря 1933 г.) серийный истребитель «современной» схемы – одноместный моноплан с убирающимся шасси. Однако с архаичной открытой кабиной (справедливости ради, сами пилоты, причем не только советские, противились введению закрытых кабин). Прозвища – «ишачок», «рата» (крыса – у франкистов) и «моска» (муха – у республиканцев). К началу ВОВ здорово устарел, однако вовсе не был такой уж беззащитной мишенью, какой его иногда пытаются изображать. Наоборот, «ишачки» 24, 28 и 29-й серий в целом немногим уступали «мессерам» (разумеется, если забыть об отсутствии радиосвязи) и превосходили, скажем, те же «харрикейны» (Великобритания). Выпускался во множестве модификаций и серий. В 1941 году на вооружении оставались в основном И-16 серий 10, 17, 24, 28 и 29-й. Бронеспинка толщиной 9 мм. Последние четыре серии имели более мощный двигатель (М-62 или М-63, свыше 1000 л. с. взлетной), скорость на высоте достигала 489 км/ч, 2×20-мм ШКАС и 2×7,62-мм ШВАК до 6 РС-82 и до 500 кг (!) бомб – при почти вдвое меньшем, чем у «мессера», весе. Великолепная горизонтальная маневренность. К началу ВОВ на вооружении ВВС РККА состояло 3552 И-16 (плюс около 500 в авиации ВМФ). На вооружении ВВС Испании состоял до 1952 года.

тьего звена первой эскадрильи. Впрочем, Белогорск оказался ненадолго, поскольку три месяца назад полк получил приказ о перебазировании под Жабинку с целью прикомандирования к (но не ввода в состав) 10-й смешанной авиадивизии (сад). Сначала летающую братию распустили большей частью по отпускам, а тем временем наскребли по сусекам И-153-х, и вперед, благо «птички» привычные для большинства. Надо думать, именно такой вот несколько неопределенный статус с подчинением и развязал Бате руки. Нынче с утречка.

А вот и наши возвращаются. Передали, надо думать, привет. От Фролова с Петькиным, царствие ему небесное. Поскольку именно с того аэродрома взлетел тот разведчик. «Хейнкель» He-111⁴³. Которого Фролов со звеном перехватил, обстрелял и заставил сесть в Кобрине. Поддался – именно так и было озвучено – на провокацию. Хорошенькая провокация! В самолете том наличествовал чуть не штаб офицеров вермахта, с аппаратурой и прочими нехорошими цацками. Готовились. Кого-то из них он еще и ранил, кажется. За что был жесточайшим образом вздрючен, с головы до ног обложен матюгами и забрызган слюнями в лицо аж самим ЧВСом⁴⁴. Брезгливый Фролов не мог пустить такое дело на самотек и тем же вечером отправился на дезинфекцию по жабинковским шинкам. С верным правым своим ведомым Петькиным. После немца Батя оставил было его в комэсках. Тем более что перед начальством Фролов взял все на себя, разыграв идиота, правильно проинструктированного комполка и замполитом на предмет неподдавательства, однако не сумевшего удержаться от нажатия гашеток, имея перед собою столь лакомую цель. С черными крестами повсюду. Как его на самом деле Батя инструктировал, сам не слышал. Не мое звено уже было. К тому времени. Но полагаю, что Батя сказал, то Фролов и сделал. Отморозок, но с пониманием. Текущего момента и вообще. А вот пьянку ему Батя не простил. Всегда был чрезвычайно суров к пьяницам. Насколько могу судить по опыту Костика, достаточно нечастое явление в РККА. Не исключая и ВВС⁴⁵.

Похоже, на сей раз вернулось едва ли не столько же, сколько вылетело. Видимо, наш иап стал неслабой песчинкой в зубчатых передачах отлаженного механизма Люфтваффы ихней. Да, пожалуй, и вермахта в целом. Планы пошли наперекосяк, а в таких случаях немцев, как правило, накоротко замыкает. Ненадолго, Впрочем. Приходилось и мне с немцами воевать. В мое уже время. Правда, лишь вместе, как с союзниками. Самыми надежными из всех.

Вот уже и следующая дежурная смена взлетает. Наберут высоту, и нам на посадку. Еще раз осмотрелся вокруг, замполит пошел вниз, а я за ним. Кругами. Какой это все-таки кайф – летать в реале! Никакие самые что ни на есть наишунтовейшие симуляторы не сравнятся. Петрович меня встречает на стоянке. Сразу гонит цыриков⁴⁶ маскировку наводить. Взгляд зачем-

⁴³ 8 июня 1941 года звено И-153 92-го иап посадило немецкий разведчик «дорнье». Пилоты были отстранены от полетов и, в свою очередь, посажены, но в кутузку. Впоследствии, Впрочем, оправданы и награждены. 15 апреля 1941 года в районе Ровно вынужденную посадку совершил немецкий разведывательный самолет Ju-86 P-1 с гражданским регистрационным номером D-APFW. По некоторым данным, «юнкерс» был атакован МиГ-3, который сумел повредить двигатель разведчика. В тот же день в районе Винницы сел из-за плохих погодных условий разведывательный Ju-88. Впрочем, на рассвете 22 июня, уже после начала бомбежек, радиogramмами были еще раз подтверждены приказы: «На провокации не поддаваться, одиночные немецкие самолеты не сбивать».

⁴⁴ ЧВС – член Военного совета. Фактически замполит или комиссар округа. В Белорусском особом военном округе ЧВС являлся корпусной генерал А. Я. Фоминых. Летом 1941 года, после разгрома советского Западного фронта, почти все управление фронта во главе с командующим войсками фронта генералом Павловым было репрессировано (в основном расстреляно), за исключением членов Военного совета фронта П. К. Пономаренко (секретарь ЦК ВКП (б) Белоруссии) и А. Я. Фоминых.

⁴⁵ «Пьянство стало настоящим бичом армии», «Пьянство процветает, оно стало обычным бытовым явлением, с ним смирились, оно не подвергается общественному осуждению», – это из приказа № 0219 от 28 декабря 1938 г. «О борьбе с пьянством в РККА». Хотя, по моему собственному опыту, едва ли это столь уж сильно сказывалось на боеготовности, как склонны полагать наиболее отпетые поборники трезвости. В боевых подразделениях пьют, как правило, не так чтобы очень уж много и часто – нет времени.

⁴⁶ Цырик (цирик) – воин, солдат по-монгольски. Так называют срочников в 98-й дивизии ВДВ. С тех еще далеких времен (50–60-е годы), когда дивизия эта стояла в Белогорске, что напротив Монголии, имея вероятным противником КНР, а союзником – МНР. В псковской дивизии – «обезьяны», в витебской – «бойцы». В остальных не знаю. Пишу через «ы», потому что именно так произносится. Жестко и глухо.

то по-прежнему прячет – к чему бы это? Упрекнуть вроде не в чем, и задачи ему ни к чему ставить – сам все знает лучше меня. Объясняю ему идею насчет зеркальца. Заднего вида. Надо прищипывать. Позже штатно ставили. На истребителях. Не панацея, конечно, но в бою любой шанс...

Иду к палатке насчет подремать. Не выспался все-таки, и впечатлений столько, что аж в голове шум. Такое чувство – не успел лечь, как уже будят. Фролов. Пора, значит. В дежурную смену. Надо же, в сон, как в колодец, провалился. На бегу сую голову под умывальник и – к своему «курносому». Кстати, надо фузею свою посмотреть. А то утром спросонья цапнул, не думая, а что там да как...

В совершенно кретинской неуклюжей кобуре с дурацкими эдакими ремешками для подвешивания к ремню – ну прям гусар, мать твою, с ташкой, кажется, так эта штука называлась... ну, типа планшета, едва помещается здоровенный неуклюжий короткоствол. Относительно малого калибра. ТТ. Тульский Токарев то есть. Знакомая система. Хотя совсем слабо и, можно сказать, случайно. Когда через пару недель после «тихой революции» бандюгов глушили. «Конкретная ночь» это называлось. В народе. Вообще-то их три было. С 17-го по 20-е. Августа. Когда всех этих воров в законе и иже с ними... Тогда сразу несколько чрезвычайных декретов было. О национализации офшорной собственности, в частности. Ну, и о возможности задержания по оперативным данным. Ареста то есть. Однако сначала ничего не происходило, заинтересованная публика подрасслабилась было... Не дураки ж там, наверху, объяснять заранее, что за сопротивление при аресте сразу мочить станут, а арестов без сопротивления не будет по определению... Основную работу эфэсбэшный спецназ и собры делали, нам же публика помельче досталась. Авторитеты, типа. Местного разлива. Не церемонились тогда. Совсем. Вот у одного такого блюстителя традиций, наверное, охрана и была тэтэшками вооружена. Большею частью. Пожилой и подозрительно бывалый сверхсрочник Вова Севостьянов, по прозвищу Зверь, показал, как разбирать да обихаживать. Дурацкий прибор. Бандюганы, слышал, любили его за то, что бронежилет-де прошивает. Ну, во-первых, не всякий, а во-вторых, непременно убить – это только киллеру надо. Для отчетности, так сказать. Мне же достаточно, чтоб супостат не стрелял больше. В меня и вообще. Если из того же ПМ, всячески охаянного бестолочами, по бронику засадить, так это не то что встал и сразу побежал дальше пулять. Жив останешься – да. Может быть. Но не более того. У ТТ ж этого убогого самовзвода даже нет. И как тогда с ним работать, как жить? То ли дело ПМ – взвел, дослал, на предохранитель поставил – и с предохранителя. Снял. Нужда образовалась – просто достал и выстрелил. Самовзводом. Попал, не попал – не суть. Важнее выстрелить. Первым. И тут же с ходу – второй, третий... Не глядя, попал – не попал. Стремно это, когда в тебя пуляют. Целкость у любого теряется. Я много чего перепробовал. И иностранных, и наших. Остановился, однако, на ПМ. Простом и обычном. У него, конечно, центровка далеко не самая удачная – но я же не целевой стрелок. А так – достаточно компактный, неприхотливый, безотказный, опять же. Ну, тяжеловат еще. Так и я тоже не идеален... К тому же есть у него еще одно несомненное достоинство. Если уж из ПМ шмалять по цели насобачился, то потом из любого можно. Ну, почти. Шпалеры нам потом выдали. Желаящим. Так-то автоматами обходились. Из запасов складских. Мне досталась волына шестьдесят третьего аж мохнатого года. Выпуска. БУ. Но – никаких проблем. Помнится, по ростовым тренировались. Они на тележке. В 25 м. Стоишь спиной с ПМ в руке. Стволom вверх. На 501 – 502 – 503⁴⁷ быстро поворачиваешься и всаживаешь серию из трех по трем. Ростовым. Попадали – поднимались. Следующий. И так далее. Потом мишени отъезжают. На 5 м или на 10 – как договорились. Снова серии. Пока кто-нибудь не

⁴⁷ На эти цифры тренируют отсчет секунд до раскрытия парашюта кольцом. Если проговаривать в отработанном темпе, получается около 3 сек. Кто поопытней, все равно ждут прибора – тогда возня с выдернутым кольцом отпадает.

промажет. Он и ставит пиво. На всех. Так где-то через неделю всего лишь аж за 50 м доходили. Прежде чем за пивом... Не люблю пиво.

ПМ же почти полюбил. В конце концов таки изменил ему, впрочем. С «чезеттой»⁴⁸. При всех тех же достоинствах – еще компактнее, легче и мощнее. Ну и целостность, разумеется. Повыше. С косовара снял. Когда в Австрии...

Взял у технаря ветошь с маслицем, разобрал недоразумение и почистил. Костик, конечно, поросюка еще та... Нах-Нах. Или Пох-Пох. Без комментариев, блин! Деда, мать твою... Мою прапрабабушку...

Не раз сталкивался с теоретиками, пренебрежительно морщившимися на мою пээмку. В конце концов обычно оказывалось, что они элементарно не умеют стрелять. В смысле, из короткостволов. Нет, для конкретного спеца в этом деле, конечно, лучше что-нибудь понавороченнее, не спорю. Но многие думают, если напаять супер-пупер-бутсы, как у самого аж Бэкхема, то в них играть будут лучше. Отнюдь-с. Навороченность эта имеет смысл для мастера, в смысле полного раскрытия его нехилых возможностей. Для слабого же футболиста – лишняя трата денег. В бою же, где речь о жизни и смерти идет, уместнее будет сравнение с обычным каром и болидом «Формулы-1». Посади в него простого водилу – элементарно убьется. Так и не став Шумахером.

Сижу, наблюдаю аэродромную жизнь. Из кабины. Зеркальце Петрович уже раздобыл и приспособил. На шарнирчике со стопорным винтом. Разумно. Настраиваю, фиксирую. Наши тем временем снова собираются куда-то на вылет. Штурмовка, похоже. РСы и бомбы под крыльями. От нечего делать считаю взлетающие машины. Всего 48 «чаек» ушло. Пытаюсь прикинуть к носу. Получается, не ошибся я. В прошлом вылете всего шесть машин наши потеряли. Впрочем, нет. Три. А еще три на стоянках остались. Повреждены, наверное. Не успели последние из взлетевших бипланчиков растаять в голубизне, как прибежал вестовой и передал команду на взлет. Нам.

Набираем высоту. Кругами. Небо чистое, в смысле самолетов тоже, только предыдущая дежурная четверка идет на снижение. Облака появились, однако. Белые и пушистые. Не так чтобы очень много, но и не мало. Есть за что спрятаться. И долбануть. В данном случае меня. Облакам – особое внимание! Солнце уже хорошо за зенит перевалило, половина первого дня войны, будем считать, прошла. Ну очень наполненного событиями. А уж для меня, так и вовсе. Новая жизнь...

Видимость отличная, десять баллов, сказали, ходим парами, друг за другом. То там, то тут пролетает что-то, но не разобрать. Очень уж далеко. Пару раз обнаруживались «худые», но тоже на грани распознавания. Довольно высоко, опять же. Тыцах на трех. Охотнички...

Возвращаются наши. Уже 44 машины. Нет, 46. Двое поотстали слегка – один, похоже, поврежден, второй прикрывает. На них тут же «мессеры» пикировать нацеливаются. Парой. Из облака. Разумно... Фролов с Петраковым, натурально, навстречу, мы прикрываем. Охотники снова ушли вверх, несолоно хлебавши. Не хотят в лобовую. Слышал мнение – трусили, мол, фрицы. Отнюдь. Лобовая больше как лотерея, причем с худшими шансами для них, а даже размен один в один их категорически не устраивает. Поскольку самолетов у них намного меньше. Особенно истребителей. Тем более если убогого И-15 бис против полноценного «худого». Ну, конечно, и жить хочется. Каждому. Еще полчаса болтаемся, а там и сменщики подоспели.

Вылетаем из кабин и не спеша направляемся к столовой. Полтора где-то часа отдыха. Самое время пообедать. А там суета. Из штаба дивизии, что в Кобрине, прибыл весь из себя гвардии Шульмейстер. Василий, что интересно, Иваныч – именно так он сам обычно представляется. Воистину еврей. Улетел пассажиром на У-2, а прибыл целой автоколонной, забитой

⁴⁸ ČZ (Чешска Зброевка) – чешские оборонные заводы, издавна выпускают очень качественные пистолеты. Compliments выше могут быть отнесены к нескольким моделям – ČZ 110, ČZ-G 2000, ČZ TT, но в первую очередь, конечно, к ČZ 100.

всяческим полезным барахлом, плюс две автоцистерны. Причем даже с бензином. Суперцим-мес! С ихним народцем немало пришлось пообщаться. Когда Израиль эвакуировали, оттуда едва ли не половина в РФ ломанулась. Обидемшись. На америкосов – кровно. Я еще школу тогда заканчивал. В 2015-м, значит, году, где-то так. Или 16-м. Американские жида сдали Израиль арабам. Просто бизнес. Ничего личного. И ничего святого.

Некоторые, впрочем, и раньше. Когда там житья от своих религиозных фанатиков не стало. В смысле, в Израиле. Перетягивание каната всегда с двух сторон. Двумя командами дебилов. И не дай бог оказаться в роли этого самого каната. К чести тогдашнего руководства, нациков наших тогда загодя так прижали, что те только что взвизгнуть и успели. Да и то единственно по Инету.

Ничего оказались эти самые еврей-парни в большинстве своем. И девочки тоже. Некоторые так даже очень. Польза от них тоже немалая вышла. Тот же шунтовый интерфейс «мозг-компьютер» хоть и считается расейским изобретением, да так оно, собственно, и есть, но довели-то его до ума именно те евреи. К тому времени вполне уже расейские, впрочем. И вообще, довольно многое сумели изменить и упорядочить. Капитально в лучшую сторону. Азеров с армянами, например, в торговле не слабо потеснили. Цены тут же упали. И даже в сельском хозяйстве. Целыми кибуцами приезжали и занимали вымершие районы – к тому времени даже на Черноземье такие появились уже. Вообще, у меня сложилось такое вот мнение: следует различать евреев и жидов. Еврей – это человек соответствующей национальности, который умеет сделать так, чтоб было хорошо и ему, и окружающим. Кстати, среди армян таких много, и азербайджанцев, и даже русские попадаются. Хотя и реже. Жид же – это вообще не национальность, а просто хапуга, которому на все плевать, кроме денег и власти. Что интересно, очень многие вполне русского роду и племени чиновники, менеджеры, юристы и особенно бизнесмены, «предприниматели», мать их перемать, оказались относящимися именно к этой категории, причем до того жидами, что даже среди самых что ни на есть прожженных евреев таких нечасто встретишь. Помню, был такой... русский. На шлюх миллионы расшвыривал, а на его предприятиях в это же время работяги нищенскую зарплату месяцами получить не могли. Он еще потом в презики баллотироваться пробовал. Троль, упивайся собой!⁴⁹

Немало ихнего горбоносо-картавого брата, кстати, и в армию попало. В том числе на офицерские и даже генеральские должности. В боевых частях. Классные мужики. Только очень жесткие. Даже жестокие. Особенно к муслимам. Не к нашим, расейским, которые «кадыровские», а к тем, что фундаменталисты. Вот, помню, косоваров по Европе чистили... Впрочем, все мы тогда были, что называется, хороши. До сих пор либерасты европейские... реликтовые... как вспомнят, так вздрогнут, а как вздрогнут, так завопят. Благим матом. Естественно, заполучив уже желаемый результат. Чужими руками. Которые, с их паскудной точки зрения, по локти в крови после этого. Впрочем, когда это будет, да и будет ли теперь...

Пока обедали, до нас довели новости. Официально и так. Немного про речь Молотова, остальное же все про анабазис военинженера 1 ранга Шультейстера, великого, могучего и ужасного. Оказывается, к тому времени, когда тот прибыл в Кобрин, штаб не совсем, но все-таки где-то нашей 10-й сад пребывал в жутком расстройстве и беспорядке, переходящих в панику. На аэродроме куча побитой техники, кто-то непонятно зачем взлетает, кто-то уже аварийно садится. Пока Василь, что интересно, Иваныч пытался разобраться хоть в чем-то и найти там хоть кого-нибудь, а все его дружно посылали в лучшем случае к другим штабным начальникам, коих всех поголовно невозможно было отыскать, руководство собралось с духом и после полудня уже вовсю сматывало удочки в направлении Пинска, кажется. Во главе с геройским комдивом⁵⁰. Поняв, что ничего путного разузнать не удастся, Василь наш Иваныч, натурально,

⁴⁹ Генрик Ибсен, «Пер Гюнт».

⁵⁰ Командир 10-й сад Белов со штабом 10-й сад во второй половине дня 22.06 деранул из Кобрин в Пинск, а 23.06 и из

решил с пользой провести время, в смысле, хоть чем-нибудь путным разжиться. Среди всеобщего бардака его целеустремленно перемещающийся не так чтобы очень уж крупный, но и не вызывающий ни малейших сомнений в своей национальной принадлежности шинобель сыграл, видимо, роль своего рода центра кристаллизации в изрядно насыщенной всяческим полезным материалом хаотичной броуновской среде. В общем, быстренько собрал вокруг себя все, что можно, и приволок это самое на родной аэродром. Даже взвод пехоты при «максиме» и батарею зениток с расчетами где-то зацепил.

Батю, похоже, информационный голод не расстроил. В смысле отсутствия указух сверху. Около КП уже крутили ручки телефонных аппаратов какие-то пехотинцы с танкистами, а эскадрильи взлетают, похоже, уже не только на штурмовку до войны еще облюбованных аэродромов, но и на прикрытие войск, и полевых фрицев даже бомбить-штурмовать. Потихоньку. Поскольку не наша это работа, вообще-то говоря. Истребители мы. На У-2, их у нас три, тоже какие-то офицеры летают насчет рекогносцировки, с неслабым таким прикрытием из «чаек», естественно.

Выйдя из столовки, наблюдаю не менее триумфальное прибытие Катилюса. Оказывается, уже второе сегодня. Сгрузил какие-то тела, с десятков пожалуй, кучу оружия, в основном ППД⁵¹, ну и «мосинки», конечно, как же без них. Он, оказывается, со своими цыриками уже вторую группу диверсантов скрадывает. Которые связь, ну, и прочее по мелочи. По-крупному не успели. Не дал, в смысле. Особист явно в своей стихии. Цветет и пахнет. Движения, как у кота. Крупного, тощего победоносца парадных и властелина помоек. Сгрузил убитых и оружие, загрузил пленного с прошлого раза – круто офингаленного мужика в офицерской гимнастерке с кубиками старшего политрука – и умотал. В направлении тыла. Разбираться, надо думать.

Поболтавшись еще чуток по расположению, направляюсь к шизокрылой «птичке» моей. Время дежурить. Вскоре подтягиваются остальные трое. Сидим в кабинах, тупо наблюдая, как взлетают и садятся наши. Садится ненамного меньше, чем взлетает. В общем, пока мы отдыхали, двое не вернулись. Одного – вестовой подскочил, довел до сведения – при штурмовке зенитка, другого «мессер» подстерег. Потом, знамо дело, сразу в пологое пикирование, и поминай как звали. В пикировании наши их никогда не догоняли. До конца войны. Кроме «мига».

Смена, которая отдыхать намылилась, сообщила, что видела «мессеры» на подходе к аэродрому. Парами и четверками. Но далеко. Принимаются-присматриваются, похоже. Выжидают, когда наши будут все сидеть после вылета. Им хорошо, с рациями. Впрочем, ракета с КП – пора на взлет.

Ну вот, наконец, такой не скорый вечер самого длинного в году дня. Рев мотора настырно выпихивает «птичку» мою навстречу огромному закатному солнцу. Красному. И безусловно заслуживающему особо пристального внимания. Слепит, и с запада к нам теперь хорошо подбираться. Аналогично тому, как нам к ним этим утром. Чувствую, в теле накопилась усталость. Тяжело все-таки – пять боевых за день. Наши ближе к вечеру принялись летать поэскадрильно. Возвращаются без потерь. Безвозвратных, во всяком случае. Так, покоцанные самолеты слегка. Навещают оставшихся на разбитых аэродромах немцев. Которые более на наш аэродром налетать не пытались. Пока. Но Батя держит в готовности уже целую эскадрилью, пусть даже потрепанную. Бдит.

Пинска: там остался только М. Ф. Савченко с группой самолетов 123-го иап, не имевший не то что связи с командованием дивизии, но даже и не извещенный о том, куда штаб 10-й сад рванул дальше. Впрочем, едва ли трусость, скорее неразбериха и неумение.

⁵¹ Пистолет-пулемет Дегтярева. Под патрон ТТ 7,62×25 мм (на основе патрона Маузер 7,63). Диверсанты полка «Бранденбург» предпочитали использовать ППД образца 1940 г. Основной недостаток – низкая технологичность (т. е. сложно выпускать крупной серией и довольно дорог). Несколько тяжеловат (5,45 кг со снаряженным дисковым магазином на 71 патрон). Считался также не очень надежным. Всего за 1940 год было выпущено 81 118 таких ППД.

Не успели выполнить и пару кругов, как на солнце проявилась группа точек. Что тут же обернулись черточками аж двенадцати худых «мессеров», успевших подобраться совсем близко. Фролов пускает три ракеты и, повернув машину к супостату, устремляется в бой, Дон Кихот наш. За ним с ходу засанчопансил Петраков. За Петраковым – замполит. Я же, по благоприобретенной еще на симуляторах привычке, сначала оглядываюсь. Оба-на! Не так уже и далеко полная восьмерка Bf-110⁵². С востока зашли. Умно. Чуть ниже нас и почти невидимы на фоне земли, подернувшейся уже к востоку вечерней мглой. Знакомый вариант. Мы не раз такое на симуляторе отрабатывали. С настоящими, что забавно, немцами в противниках. Одна группа частью сбивает, а частью отвлекает и связывает боем дежурных, а другая изничтожает взлетающую поддержку. Потом подходят бомбардировщики – и пипец котенку, срать не будет. Но Фрол таки успел заметить первую-то группу, а хорошего истребителя не врасплох сбить трудно, тем более на столь верткой «птичке».

По отработанной в великом множестве симуляторных боев схеме на развороте задираю нос вверх до потери скорости, затем, на грани сваливания в штопор, скинув газ на минимум, вхожу в без малого вертикальное пики. Биплан мой набирает скорость очень медленно, не спеша сваливаясь в точку пересечения курсов с ведущим «церштерером». И в этот момент на меня вдруг находит. Как не раз уже было на симуляторах. Но впервые пережито в реальной боевой. Когда турок с татарами в Крыму зачищали. Давно это было. В 20-м, дай бог памяти, недобром году. Препаскуднейшего XXI века.

Все вдруг замедлилось, почти остановившись, и внезапно я ощутил себя крошечной частичкой некоего огромного целого, в которое входили и галактика Млечный Путь, дрейфующая по бесконечной Вселенной, и планета Земля в своем опостылевшем кружении вокруг звезды по имени Солнце, и кровотокающий многокилометровый фронт, едва родившийся, но постоянно требующий все новой пищи, и двенадцать «мессеров», которые «худые», и бомбардировщики – сборная солянка, все, что смогли собрать на разбомбленных аэродромах, – спешащие вслед за «худыми» с натужным воем перегруженных бомбами моторов, наша дежурная недавно еще четверка, а теперь тройка, мчащаяся навстречу начавшим уже – рановато, на мой взгляд, – стрелять «худым», и, наконец, мои «церштереры», почти прямо у меня над запрокинутой в кабине головой заходящие на аэродром, где начинают уже взлетать наши. Со спокойной отрешенностью наблюдаю, как обреченно выходит на смертельное randevu со мною их ведущий, как тащится за ним ничего не замечающий еще ведомый, как не успевает повернуть в мою сторону следующая пара, как заполошно открывают огонь две последние пары, трассы, кажется, тянутся медленно-медленно, в мою сторону... мимо. На один бесконечный миг нажимаю гашетки и отчетливо наблюдаю, как тяжелые пули БСов одна за другой вспарывают кабину, убивая сначала пилота и тут же стрелка. Двухмоторный «мессер» еще какое-то время летит по прямой, слегка покачивая консолями крыла и словно не догадываясь еще, что он уже мертв...

⁵² «Мессершмитт» Bf-110 – многоцелевой ударный самолет (именно так правильнее всего переводить немецкое *Zerstörer* применительно к авиации; применительно к флоту – эсминец, букв. «разрушитель»). Был предназначен для использования преимущественно в качестве тяжелого истребителя и легкого бомбардировщика. Экипаж – два фашиста. Два движка Daimler-Benz DB 601, на наиболее распространенных в 1941 году версиях C, D, E и F мощностью порядка 1100 л. с., позволяли развивать приличную скорость (до 560 км/ч на высоте). Оказался не хорош в роли как тактического истребителя (недостаточная маневренность), так и бомбардировщика (малая бомбовая нагрузка – до 1200 кг – и бомбометание с прицеливанием пилотом), однако неплох как истребитель сопровождения (боевой радиус до 2410 км, обычно 1100 км) и истребитель-перехватчик тяжелых бомберов (2×20-мм MG FF и 4×7,93-мм MG 17 вперед, 7,93 мм MG 15 для защиты задней полусферы). Широко разрекламированные как своего рода «сверхистребители», при использовании по такому варианту несли тяжелейшие потери еще в период Битвы за Англию, ну, и у нас тоже (так, 22 июня замкомэска А. С. Данилов, 127-й иап, вступил в бой с девяткой Bf-110, сбил два из них, третий же, расстреляв патроны, таранил своей «чайкой»; летом 1941 года под Таганрогом советский летчик на И-15 в одном бою сбил три Bf-110). Впоследствии применялся преимущественно в роли ночного истребителя. Всего до прекращения производства в марте 1945 года было выпущено 6050 Bf-110 всех моделей.

Неспешно и почти без перегрузки, поскольку не успел еще толком набрать скорость, выхожу из пике, уже позади всей восьмерки, и тут же ввожу свою «птичку» в боевой разворот⁵³, оказываясь на хвосте снизу у «сто десятых», самый удобный ракурс, но – увы, увы... Не с моей скоростью их сбивать. Так. Однако даю пару трасс, чтоб жизнь малиной не казалась. Петрович зарядил побольше трассеров, и смотрятся они очень эффектно. Никто не любит, когда в него стреляют. Как-то отвлекает это. От всего прочего. Аэродром я уже проскочил, «церштереры» не смогли ни сбить кого-нибудь из взлетающих, ни отбомбиться прицельно. Что, собственно, от меня и требовалось. Плюс свой сбитый. Ведущий восьмерки. На виду у всей аэродромной публики.

«Худые» тоже проскочили сквозь тройку Фролова, обменявшись трассами. Без видимых результатов. В лоб что на И-15, что на И-153, тем более на И-16 «худому» очень неудобно ходить. Вооружением мало чем уступают, если вообще, а огромного, для таких козявок, диаметра однорядная «звезда»⁵⁴ защищает спереди почище любой брони. Проскочив, разминувшись, «худые» сразу ушли в высоту, а наши в боевой разворот. Чтоб снова в лоб встретить. Тут и я присоединяюсь, заняв свое штатное место позади замполита. Немцы довольно далеко ушли, там развернулись и снова на нас, мы, натурально, навстречу. Достаточно сблизившись, задираю нос и выдаю трассы не целясь, потому как лечу навстречу буквально морю огня. Очень страшно. Пушистые трассы, такое чувство, облили силуэт моей машинки, будто волной, пара жестких ударов, отдающих вибрациями, но, похоже, ничего серьезного. Опять разминувшись, фрицы снова пошли вверх, да там и остались. Опытные⁵⁵, собаки, на виражи не хотят, и в лобовые им стремно. Четверка отвалилась и ушла на запад. Видимо, кому-то из них досталось-таки. «Церштереры», похоже, можно поздравить с облегчением – бомбы куда ни попадая побросали. Развернулись, но в драку пока не лезут. В стороне снова к востоку заходят. Видимо, участь ведущего не понравилась, да и наши взлетели уже, высоту набирают. Десяток «чаек» – не фунт изюма. И продолжают взлетать. А с запада тем временем бомберы подходят. Километра три им еще. Впереди неполная – без одного – девятка Ju-88, за ними пяток «Дорнье»⁵⁶, 215-х, и в замыкающих две тройки He-111. Сборная солянка. В сопровождении четверки «мессеров». Не тех, что ушли, – новых. В смысле, следующих. Похоже, с нашим доблестным полком решили покончить, и очень даже смахивает на то, что на сей раз фрицам это удастся. Отчасти, во всяком случае. Единственное, что радует, так это что более или менее готовых к взлету машин у нас довольно много. Не радует же, что до заката далеко еще.

⁵³ Боевой разворот – фигура пилотажа, при выполнении которой самолет энергично набирает высоту с одновременным разворотом на 180° или на заданный угол.

⁵⁴ По схеме 9-цилиндровой однорядной «звезды» были сконфигурированы все двигатели, устанавливавшиеся на И-15, И-15 бис, И-153 и И-16 – М-25, М-62 или М-63, в зависимости от серии. Разработаны на основе лицензионного американского Wright R-1820-F3. Очень большое лобовое сопротивление, однако при завидной надежности. Работали даже при двух выбитых пулями цилиндрах, в отличие, например, от стоявшего на «худых» Daimler-Benz DB 601 жидкостного охлаждения, который нередко выводился из строя первым же попаданием и к тому же заметно хуже защищал летчика при лобовой атаке. Но зато лобовое сопротивление было намного ниже.

⁵⁵ На рассматриваемом участке реально действовала самая крупная по численности (121 исправный «мессер»), да и самая боеспособная по числу многоопытных асов-истребителей эскадра JG 51, полностью перевооруженная на «худые» последней модификации – Bf-109F. Кроме того, в полосе Брест – Кобрин вела боевые действия и истребительная группа I/JG-53, также вооруженная Bf-109F.

⁵⁶ Фирма «Дорнье» (Dornier) разработала и выпускала целый ряд самолетов, очень похожих внешне (довольно крупная «головка» с богатым остеклением и относительно тощий удлиненный корпус, за что тогдашнее неспорченное поколение называло их «карандашами»; нынешнее же точно окрестило бы «сперматозоидами»). Это Do-17 (легкий бомбардировщик и разведчик, выпущено, по разным данным, от 500 до 1200), Do-217 (тяжелый и пикирующий бомбардировщик, выпущено 1887) и Do-215 (бомбардировщик и разведчик, точные данные по выпуску найти не удалось). Даже однотипные модификации могли очень сильно различаться характеристиками, но все самолеты довольно удачные. По разным (в т. ч. и прежде всего «мафиозным») причинам было их довольно мало, иногда на заточенных под них заводских мощностях выпускали даже значительно менее удачные He-111. Оборонительное вооружение у всех весьма богатое – от 3 до 7 пулеметов во все стороны, у некоторых по два-три из них калибра 13 мм.

«Церштереры», наконец решившись, рванули в лобовую на «чайки». Это серьезно. Курсовая батарея у «сто десятого» не дай бог. Но успевшие набрать высоту «чайки» порскнули от них во все стороны, как воробьи от коршуна, лишь один заметался и не успел. Тут же исчез в шаре взрыва. Молодой, наверное. Но уже несколькими секундами позже три пары «чаек» повисли у них на хвостах, вскоре один «церштерер» воткнулся в землю, еще один, задымив, ушел к западу.

Словно извиняясь за недавнюю отлучку, тянусь строго за замполитом. Наша четверка виражит над аэродромом, набирая высоту. До двух с половиной. Фрол, похоже, решил контролировать пространство над аэродромом. Правильно, бомберов пусть «чайки» переймут. Им сподручнее. А мы пока за «худыми» и остатком «церштереров» присмотрим.

На западе сплошные трассы. «Чайки» схлестнулись с бомберами. Те идут с подвесками и по скорости вынуждены равняться на самых тихоходных, каковыми на данный момент являются «хейнкели», и при таком раскладе «чайки» должны чувствовать себя очень даже вполне. Они и чувствуют. Один «юнкерс» уже падает, еще один на подходе, что-то еще валится, кажется, и «чайкам» достается от подсуетившихся «мессеров», ну так как же без этого – война она и есть война.

Мы же, выстроив круг и приняв в него еще четверку «чаек», кружим над аэродромом и наблюдаем, благо есть за кем. И «мессеры», и «церштереры» выше нас, кругами пошире. Ждут момента, но пока стесняются. В лоб не хочется, хвосты мы не подставляем. Размен «1 в 1» их определенно не устраивает и тем более не привлекает. Во-первых, жить хочется, а во-вторых, начальство не одобряет. Истребителей у них, даже если с «церштерерами» и прочим считать, раза в три меньше было, чем у ВВС РККА. Насколько помню⁵⁷.

Бомберы, сбросивши бомбы неведомо куда, уходят, «чайки» возвращаются к аэродрому. Сразу заметно, что потери есть. Хотя и фрицам определенно досталось. С аэродрома взлетают еще две тройки «чаек», присоединяются к нам. Наши «мессеры», утратив интерес к событиям, тоже линяют на запад. Болтаемся в воздухе еще почти час, до заката. Вчетвером. Садимся уже в полной темноте – на полосу выгнали пару «полуторок»⁵⁸, подсвечивают фарами. В принципе нормально. Костик такую посадку уже отрабатывал. Вообще, здешний Батя, смотрю, силен. Если б и остальные комполка хоть вполовину такие были. Эх, если бы да кабы...

Без доклада направляемся в столовую. Перекусить – и в койку. В смысле, на нары. Завтра точно часов с пяти снова по коням. Замполит по ходу забежал на КП, узнать, как у нас дела. Народу в столовой много, но с устатку не обращаю внимания, что от меня будто шарахаются. Ну, не как от прокаженного, но где-то навроде того. Фрол сразу повел к свободному столу, сел посередке, я, знамо дело, справа. Цырик тащит хавчик. Приходит замполит, толкает недолгую речь. Выяснилось, что наши потери – 29 машин и 22 летчика. Из них трое ранены, у многих судьба окончательно не известна. Что не вовсе печально, поскольку двое из сразу не вернувшихся уже возвратились. В строй. Неплохо. Мне казалось, потери больше будут. Ну, и насчет немцев... Восемнадцать сбитых в воздухе – это те, которые точно грохнулись, при свидетелях. Из них пять моих. Уже. Не слабо. Батя садится напротив, замполит справа от меня. Неужто здесь принято так отличников боевой политической чествовать? Не припомню что-то

⁵⁷ Всего на востоке у Люфтваффе к 22 июня было 2770 боевых самолетов, в т. ч. 775 бомбардировщиков разных типов, 310 Ju-87, 830 Bf-109 E и Bf-109F, 90 Bf-110, 710 самолетов-разведчиков ближнего и дальнего радиуса действия и 55 самолетов береговой авиации. В составе ВВС РККА западных военных округов к этому же времени насчитывалось 4226 только истребителей, в том числе 1635 И-16 различных типов, около 1600 «чаек», остальные, видимо, И-15 бис и самолеты новых типов (ЛаГГ-1 и -3, МиГ-1 и -3, Як-1). Впрочем, по другим данным, только одноместных «мессеров» было 1026. История – штука такая... Каждый считает, как ему удобно.

⁵⁸ «Полуторка» – так называли автомобиль ГАЗ-АА Нижегородского (в 1932 году), позже – Горьковского автозавода грузоподъемностью 1,5 т (1500 кг). Лицензионная копия американского грузовика «Форд» модели АА образца 1929 года. Были также модификации – ГАЗ-ААА, ГАЗ-ММ и др., которые тоже называли «полуторками». Основные грузовики РККА начала ВОВ.

ничего такого, я-то ладно, но и Костик тоже... Да и лица у них у всех... Какие-то не такие. Не поздравляют с такими лицами. Фрол достает откуда-то бутылку сорокаградусной, наливает в стакан. Стандартный, граненый. По краюшки. Так, если память не изменяет, 250 граммов должно быть⁵⁹. Что делать – ума не приложу. Я в той жизни не пил. Почти совсем. Хотя мог и умел. Дедкина школа. Костик тоже этим особо не баловался. Что-то там такое было у него в детстве-отрочестве нехорошее, с водкой связанное, нет времени разбираться. Мотаю головой. Но Батя – сам не пьющий и совершенно не терпящий алкашей Батя – настаивает.

– Пей, герой. Это приказ! – повышает голос.

Ну что ж, ежели Родина прикажет, так мы хоть голой жопой на ежа. Опрокидываю все в себя. Я-то пить умею, пришлось-таки научиться, а Костик, похоже, совсем нет. Тем не менее усвоилось, хоть и не без труда. Занюхал хлебцем. М-да. А за пять сбитых мне, насколько помню, пол-литра положено плюс фронтовых сто. Не выдюжу. А Батя смотрит на меня грустными такими глазами и, словно пересиливая себя:

– В общем, ты это, держись, Костик... Те «лапотники», которых ты от аэродрома отогнал... за что спасибо тебе огромное... они, словом... бомбы-то сбросили... Куда попало... вот... Ну и одна, двухсотпятидесятка, похоже... В общем, на тот дом попала, где ты квартировал... а там все, и Варя твоя, и хозяйева с детьми... словом, одна большая воронка... Петрович рассказал.

Никогда в жизни и представить себе не мог, что бывает такая боль!

⁵⁹ Знаменитый советский граненый стакан вместимостью 250 мл полным и 200 мл по ватерлинию, авторство которого часто приписывается скульптору Мухиной («Рабочий и колхозница»; достоверные подтверждения или опровержения неизвестны), официально поступил на вооружение 11 сентября 1943 г. Но вообще-то граненые стаканы известны в России довольно давно. Во всяком случае, на картине «Утренний натюрморт» Петрова-Водкина (1918 г.) изображен 12-гранный стакан. Что интересно, с чаем...

День второй

Никогда в жизни и представить себе не мог, что бывает такая боль... Словно оглушенный, взял еще стакан, без малого полный. С готовностью протянутый откуда-то сбоку. Опрокинул и закусил. Занюхав рукавом. Тут же кто-то налил и третий. Жахнул и его. Потом какое-то время сидел, оглушенный. Болью и водкой. Водкой и болью...

Проснулся от тряски за плечо. В палатке, на нарах. В настезь открытый проем яростным потоком хлещет не вовсе ранний уже свет, голос Петровича: «Товарищ младший лейтенант, вставайте, комполка кличут!»

Взлетел с места эдаким ванькой-встанькой. В горле чуток сушит. Ах да, с похмелья... Но никаких других негативных ощущений. Что значит молодость и здоровье. Лишь, когда пробудился, шевельнулась невыносимой тоской вчерашняя боль. Без обычных утренних процедур быстро оделся и рванул на КП. Впереди спина Петровича качается. А время-то не раннее. Похоже, дали поспать. Алкоголику. Последний раз такое со мною было, клянусь. На часах полдевятого аж. Аэродром живет. В зените четверка «чаек» жужжит кругами. Остальные частью, похоже, вылетели, частью возвращаются. Обычная суета под рев моторов.

А это еще что за явление народу? У ближнего ко мне края аэродрома стоит, чуть накрепившись, СБ⁶⁰. Капитально побитый, как становится видно по мере приближения. Я эту марку слабо знаю. Помню только, горели они здорово. Говорят. Но этот не загорелся. Хотя досталось ему очень даже не слабо. Кровищей залит от кабины штурмана и аж до хвоста. Из живого столько крови вытечь не может. И из одного тоже. Опыт есть, увы. У меня, не у Костики. Чуть отвлёкся – того и замутило. Отставить!

У КП встречает Фролов.

– Ты как?

– В норме. К бою готов. Даже очень готов.

Кивнул. Подходим к Бате. Рядом с Батей замполит, Шульмейстер и, что интересно, Петрович. Ждут меня. Уже интересно. Опуская «би-и-ипы»:

– Костик, – это Батя, ласково так, – ты у нас, говорят, бомбы швырять с пикирования наловчился, да так ловко, что аж душа не нарадуется.

– Товарищ майор, я на СБ не умею совсем, слабо, чессло!

– Ну зачем на СБ. С него только бомбу возьмем. А так – на твоём родимом. Петрович докладывает, на него экспериментально бомбодержатель ставили. Под ФАБ-250. Держатель потом сняли и дырки заклеили, но в ЗИПе он остался... зачем-то... и крепеж под него имеется. Восстанавливать заканчивают уже.

Как выяснилось, с самого что ни на есть раннего с ранья железнодорожный мост через Буг, что вблизи Бреста, атаковала полная девятка СБ. Не наши, с 13-й бад. Разрушить чтобы. А заодно и шоссе, если получится. Вернулись вдвоем, вдрызг покалеченные, даже не дотев до места. «Мессеры» перехватили. Как-то уж очень задолго до цели. Но – задача поставлена. Собрали по-быстрому все, что осталось, а оставалось еще две неполных девятки тех же СБ, надыбали где-то звено «ишаков» в сопровождение и отправились. С тем же примерно обес-

⁶⁰ СБ – скоростной бомбардировщик, изначально КБ Туполева. Первый полет (под названием АНТ-40) – 07.10.1934, головной серийный СБ весной 1936 года. Всего до прекращения серийного выпуска (1941 г.) 6831 различная модификация (включая АР-2, СБ-РК и др.). Скорость до 450 км/ч при бомбовой нагрузке до 1600 кг и радиусе 900 км. Один из лучших (если не лучший) фронтовых бомбардировщиков мира в начале 30-х годов, к началу войны подустарел, однако не настолько фатально, как об этом принято писать. Во всяком случае, бывшие чехословацкие СБ (под обозначением В-71), переданные Болгарии, вполне успешно действовали против немцев аж в 1944 году. По ТТХ если и уступал бомбардировщикам Люфтваффе, то лишь лучшим и не так чтобы очень многим. Ранние модели (которых оставалось большинство) не имели протектированных бензобаков, из-за чего здорово горели. Но основной проблемой (как и для остальных самолетов ВВС РККА) оставалось неумение эффективно использовать сильные стороны и не подставлять слабые.

кураживающим результатом. Единственное, что один из СБ, круто покалеченный, с умирающим пилотом, а остальными и вовсе уже, искал-искал площадку для вынужденной да и сел к нам, а пара бомб, ФАБ-250, что существенно, не сбросилась из бомбоотсека, поврежденного едва ли не первой же очередью. Повезло, что не сдетонировали. В принципе с бомбами и штатно садиться запрещено, а уж аварийно... Наши тут же соображать принялись, а нельзя ли эти самые ФАБы да под наши «ястребки» приспособить. Оказалось – нельзя-таки. В смысле, долго очень и сложно. За одним небольшим исключением. В моем, что интересно, лице. Которое очень даже не против. Но!

– Товарищ майор, вы сказали, их как-то уж очень задолго до цели встречали? Оба раза?

– Вроде так. Пилот немного успел рассказать. Вечная ему память.

– Я вот читал, есть такая штука... радиолокатор называется. С ее помощью можно аж за сотни километров самолеты ну вроде как видеть. Причем чем выше летишь, тем лучше тебя видно. Англичане такие вот хреновины использовали уже. Пишут, во многом именно из-за этого у немцев не получилось тогда с ними. А если немцы теперь... такое вот... у того моста развернули?

– Костик, ты с каких это пор умные книги читать начал? – Фролов с подколкой. Ни фиги себе, репутация у дедули... который пра. Ну да ничего, исправимся... Какие наши годы.

– А это и не книга была. В отпуск ехал, живот схватило. Прямо в поезде. Захожу в сортир, а там журнал драный лежит. Без обложки. Не то «Знание – сила», не то «Наука и жизнь», не то еще что в этом роде. Сидеть до-о-олго пришлось, вот и прочел. Со скуки да с тоски.

Минут, наверное, пять пришлось переждать, пока ржанье утихло.

– Там еще написано было, в журнале том, что низколетящие самолеты эта штукавина хуже видит, чем те, что на высоте. Так вот я и думаю, а что, если нам вылететь четверкой, на 15-х, пройти туда низенько-низенько, а опосля, километров за десять, я пойду высоту набирать, а остальные, натурально, сразу по зениткам вдарят. А потом и я – с пикирования... и в ослепительно-белом фраке⁶¹. Шутка.

– Можно и так, – комполка, – ты банкуешь, тебе и решать. Кстати, а шо це такэ за фрак ты гуторил?

Рассказал. Поржали. Тоже надо. Напряга сбавить.

– Да, и вот еще. Баки мне лучше не полные заливать. Чтоб туда, обратно и еще чуть-чуть. Тогда и перегруза большого не будет.

Сказано – сделано. Минут буквально через двадцать – едва перекусить успел – взлетаем, натурально, вчетвером и идем на запад. Низко. Метрах в пятидесяти, навроде как прошлым утром. Снова мелькает под крылом Жабинка, потом вдоль железки, вот и Брест уже – пора высоту набирать. Мне. Нас не ждали. В наборе подотстал малехо и теперь наблюдаю, как тройка И-15 бис долбит РСами не успевшие выстрелить зенитки. Вот и моя тыща. Мост почти подо мною уже. Нет, это не узенькая ленточка. Скорее мохнатая такая колбаска. Ферменный сплошной – кажется, это так называется... Раздолбать такой нелегко будет. Впрочем, явно не тот, что через Босфор... Там работка куда как покруче была... бы. Так, чуть поодаль, в километре где-то, на возвышении наблюдаю странную конструкцию. Вроде большого круглого уха. Видимо, это и есть та самая РЛС⁶². Не так уж и не похожа. На современные. Мне. Однако пора в пике.

⁶¹ Человек предлагает цирковой аттракцион: «Играет бодрая музыка, и под купол цирка поднимается огромный шар с дерьмом. Туш, затем барабанная дробь. Шар взрывается. Первый ряд – в говне. Второй ряд – в говне. Весь цирк – в говне. И тут выхожу я – в ослепительно-белом фраке.» Не так чтобы очень смешно, зато ситуация вполне себе жизненная.

⁶² Первыми применили РЛС англичане – в ходе Битвы за Англию 1940 года. Очень эффективно. Некоторое время считалось, что у немцев РЛС нету. Оказалось, есть, о чем англичане узнали в мае 1941 года, обнаружив, что «Бисмарк» продолжает вести прицельный огонь и в тумане. Российские РУС-2 «Редут» применялись с начала 1941 года. Под Брестом могли в принципе использоваться РЛС FuMG 39 Würzburg или FuMG 39T Darmstadt. У обоих будка вращается вместе с круглой решетчатой антенной на общем бетонном основании. Хотя данных об использовании немцами таких РЛС в первые дни ВОВ найти не удалось.

Газ не убавляю. Под истошный вой движка пролеты моста напрыгивают стремительно, чуть поправляю курс, в слабой надежде вклеить гостинец под опору, и уже пора кнопку сброса. Едва успев вывести изрядно полегчавшую машину, на скорости проскакиваю до РЛС почти мгновенно, однако успеваю всадить в том направлении хорошую очередь из обоих стволов. Кажется, попал. Горючки минимум, надо уходить домой.

Снова уходят за хвост квадратики брестских кварталов, наверное, пролетал и над крепостью, где должны еще, по идее, идти бои, но ничего такого не заметил на скорости. Кстати, а не мартышкин ли это был труд? Крепость, если память не изменяет, должна держаться еще где-то месяц, и едва ли немцы смогут использовать этот мост. Во всяком случае, как железнодорожный. Хотя повозиться им теперь всяко придется. Притормозит их хоть на недельку, хоть на пару дней – и то хлеб...

Едва приземлился, смотрю, бегут уже. К «птичке» моей. Нездоровая какая-то суета, не нравится это мне. Дожидаюсь Фролова – они чуть подотстали – и направляюсь к Бате вслед за ним, замполит с Петраковым поспешают чуть позади. Фролов докладывает. Выходит, подарок мой точно под пролет угодил, и моста того больше нет. В целом виде, во всяком случае. Но растекаться по древу Батя не дал. Оказывается, есть еще мост, севернее того, что я притопил. Тоже железнодорожный, что у городка не то поселка Семятичи, и как раз по нему-то поезда вовсю и идут. С вышестоящими связь восстановилась, и едва успел Батя доложить о своей инициативе насчет моста предыдущего, как на него тут же навесили и эту задачу. Причем как положено в РККА. То есть сразу с матюками и расстрелятыми. В армии инициатива воистину наказуема. Впрочем, не только в армии.

В общем, получили приказ, Фролов козырнул, и отправились мы обратно к своим «стрекозам». И тут на меня словно накатило. С утра словно обалдевший был, как-то машинально все шло, будто туманом подернутым. В смысле ощущений и чувств. А тут словно кол в сердце воткнули, аки вампиру Брема Стокера, был такой фильм... Нет, не как при инфаркте – было и такое в прошлой жизни, – но как бы не еще больнее. Вдвоем с Костиком. Ему от любимой жены, а мне от любимой прабабушки, минус головорез дедушка, которому теперь не родиться, минус отец и сестра, хотя сестра, может, и к лучшему... минус официальный прадед, профессор великого множества наук Юрий Сергеевич, что случайно подобрал беременную дюймовочку на Рижском, как ни странно, вокзале выстуженной уже Москвы, до которой та добралась неведомо какими путями, скоростно женился и отправился на новые поиски бог знает чего, оставив на нее квартиру, доверенность по зарплате и все такое прочее, минус все те мои родственники, версты коломенские, что успели-таки родиться в ТОМ будущем от брака юной баб Вари с 53-летним уже ученым обормотом, землепроходцем, геологом, искателем снежных людей, почти буддистом, йогом и все такое прочее, который, наверное, так и умрет теперь неокольцованным холостяком... Видимо, лицо у меня изменилось, и начинающий инженер человеческих душ, прихватив за локоток, зашептал доверительно:

– Константин, ты, это, не вздумай...

– Не вздумая, Алексей Михайлович... Точно не вздумая. Счет у меня к ним такой, что одного моста маловато будет. Да и двух – тоже.

Кажись, все больше выхожу из образа... Простого деревенского лоха... Ну и черт с ним. Примут таким, какой есть. Что я им, блин, Кеша Смоктуновский, роли из себя изображать? Бомбу, однако, уже навесили. Заправка тоже. Боеприпасы... Снова опускаю потную задницу на едва успевшую остыть подушку парашюта.

«Птичка» в этот раз будто неохотно взлетает, словно в небо не рвется, как обычно, а тянется клячей под уздцы. Что за черт... нагрузка ведь та же самая. И мотор завывает, будто хнычет... Впрочем, неважно. Берем курс почти строго на запад, лишь слегка отклоняясь к северу. Расстояние примерно вдвое больше, чем до Бреста. Километров семьдесят, пожалуй. Опять метрах на пятидесяти очень осторожно надо вести. За этим аттракционом едва успе-

ваю заметить, что пора уже в набор. Пока «птичка» тяжело порхает ввысь, успеваю разглядеть обстановку. Мост и правда стоит. Целый и невредимый. Какого хрена не взорвали – на все последующие годы историкам загадка, да и просто любопытным-любопытательным.

Однако, вопреки сложившемуся в командных высях мнению, поезда по этому мосту не идут, а вовсе даже наоборот, продолжается какая-то непонятная то ли перестрелка, то ли канонада аж. Потом четко замечаю вспышки чуть к северу, там ДОТы какие-то, похоже, держатся еще⁶³. Наши. Но немцы у дорогого им сооружения успели уже что-то скорострельное поставить, и оно нас ждало. Сразу бешеный огонь из нескольких стволов. Неприятно, когда кругом трассеры небо чертят и облачка разрывов вспухают в превесьма угрожающей близости. Пытаюсь змейкой, но при наборе, еще и с дурой этой тяжелой, получается неважно, да и от скорострелок не так чтобы очень спасает. Насколько могу судить...

Набрав где-то с тысячу, валюсь в пике. И именно в этот момент, когда словно чуть завис на месте, – удар, сотрясший всю конструкцию вместе со мной, болезненным, потом еще... Чем-то попали, но сам жив, и «птичка» слушается. Пока. Мотор засбоил, но стучит. Пока. По вертикали набирая скорость, привычно уже целю в стремительно растущую навстречу опору, нажимаю сброс и вывожу машину. Вышел исправно, скорость бешеная, но движок не внушает, и – оглядываюсь – оба-на, светлая, пока еще, дымная полоса тянется вслед! Похоже, горим, и на высоте, с которой не прыгают. А полыхают эти машинки аки спички, насколько помню. Потушить слабо, как ни крутись в пилотаже. Не теряя времени, быстро снижаюсь на первую же площадку, показавшуюся более-менее подходящей. Чуть задрав нос и выпустив всю скудную механизацию убогих крылышек, сбрасываю скорость, тут же начинает припекать и лохмы дыма... черные уже... Была не была! Едва коснувшись колесами земли и почуяв, что капотирования не будет, быстрее визга отстегиваюсь, откидываю бортовой щиток и с ходу выбрасываюсь по нижнему крылу в травку... перекат кубарем... скорость-то не слабо за сотню, пожалуй... собрать бы хоть косточки белы потом... трава–небо–трава... много-много раз. И вот уже лежу неподвижно, наблюдая, как катится от меня вся объятая пламенем уже «птичка». Взрыв – и нет «птички»... Только обломки какие-то горящие. Метрах в трехстах всего. Вовремя это я. Успел.

С минуту лежу, не поднимая головы. Прислушиваюсь не столько к собственному телу, сколько к обстановке вокруг. Чему-чему, а этому нас крепко учили. Не дергаться. Вроде тихо. Слышно даже жаворонка в высоте. Стало. Как-то вдруг. Лишь вдалеке гроыхает. Пожалуй, километров пять проскочил, на скорости-то. За Буг. На польску, значитца, сторонку. Здесь у них не должно много частей быть. В основном на восток ушли. Воевать.

Слегка потянувшись, определяю кучу ушибов, от мелких до средней тяжести, но без переломов, кажись, обошлось. Насчет растяжений с вывихами позже станет ясно, когда встану. Повезло. Каким крутым ни будь, а в таких случаях далеко не все от тебя зависит. Оставил бы какой-нибудь кретин, к примеру, вилы или борону – и прощай, дорогой самому себе Костик. Или пусть даже пригорочек какой-нибудь случился бы. Сколько раз воочию наблюдал такое... когда геройские пацаны... Да и сам...

Не приподнимая задницы, стелюсь по-пластунски к ближайшей опушке. Метрах в полтора. Костик, похоже, к такому способу передвижения непривычный, но это дело наживное. У нас же в разведроту такому прежде всего прочего обучали. Не спеша и вдумчиво. До

⁶³ Из немецких источников через много лет стало известно о беспримерной стойкости маленьких гарнизонов на восточном берегу Буга – в селениях Дрохичин, Семятиче и Волчин. Особенно много хлопот доставили врагу в тот памятный день подразделения, оборонявшие Семятиче. Они держали под обстрелом железнодорожный мост и не позволяли немцам восстанавливать железную дорогу. Теперь с полной достоверностью установлено, что в Семятиче и Дрохичине дрались в окружении в оборудованных накануне войны ДОТах подразделения 16-го и 17-го артиллерийско-пулеметных батальонов Брестского укрепрайона. Первым командовал капитан А. И. Пустовалов, вторым – старший лейтенант Ф. П. Тараскин. Почти все бойцы и командиры этих подразделений, державшихся до конца июня, отдали свои жизни за Родину. Кстати, среди них было немало этнических поляков, призванных по мобилизации и ополченцами.

мозолей на брюхе. Так, аварийного запаса у нас никакого нет. Видимо, позже ввели⁶⁴. А есть – ТТ с запасной обоймой в идиотской кобуре на висюльках, и более ни черта. Даже нож отсутствует в наличии. Ну, Костик, свинюка пороссячя... Бритву-то прикупить не забыл, Казанова доморощенный... Планшетка с картой тоже в «птичке» осталась. Сорвало, видимо, когда из кабины выпрыгивал. Впрочем, на зрительную память не жалуясь. Без карты обходиться тоже учили в свое время. Даже без навигатора. И слава богу. Когда все жажнуло, в апреле 19-го, не один крутейший спецназ стал плутать. Координаты-то посбивались все. А наши – хоть бы хны. Ну, почти...

Дополз до осинничка, убогого, но густого, поднялся на обе нижние кости. Нормально вроде. Без вывихов и прочих подобных пакостей. Хорошо быть компактным. Значит, так, от моста мы на бреющем шли почти прежним курсом, на запад и чуть к северу. Получиться должно было без малого километров пять вдоль реки. Западного, значитца, Буга. Который должен быть, полагаю, километрах в полтора. К северу. За площадкой, на которую приземлился... не так чтобы очень мягко. По уму, следовало бы ночи дожидаться. Но влом. Да и не похоже, чтоб было зачем. Вокруг никого и ничего. Военные делом заняты – убивают да умирают, а гражданские по хатам сидят. Или в подполах. У кого есть. Немцы, опять же, набежать могут. Посмотреть, что и как. Я таки изрядно им досадил.

Потратив минут с полчаса на то, чтобы поудобнее пристроить пушку в кобуре за пазухой – в нашем деле мелочей не бывает, – потихоньку, опушками, обхожу поляну. Покос, подсказывает Костик. Разок уже скосить успели, вот и получилась для меня без малого ВПП. Дорога грунтовая, почти не еженная, виляет куда-то к юго-западу. Не по пути. Аккуратненько рывком пересекаем ее и вдоль почти неприметной тропки, скачущей в слаломе промеж деревьями, к реке. По тропке все ж таки стремно как-то. Привычка – вторая натура. Умом осознаю, что мелких противоступневых мин и прочей гадости не изобрели еще, а вот не могу – и все тут.

Роса уже сошла, и сапоги, слава богу, не мокнут. Удобная, кстати, обувка. Пожалуй, не хуже берцев будет. А то и получше. Я бы, впрочем, голенища покороче обрезал. И липучку сверху, чтоб голенище к ноге прижать. Был бы тогда полный циммес...

Видимо, здесь уже долина реки. Берег низкий, большей частью поросший какой-то пародией на лес. Наверное, в половодье здесь море разливанное. Довольно сыро, и комары лютуют кошмарно. Выхожу к реке. Совсем недалеко оказалась. Меньше километра. М-да... Как говаривал, помнится, наш преподаватель эмбриологии, «путь сперматозоида к яйцеклетке тернист и не усыпан розами». Берег топкий, солидно заросший всяким сорным кустарником, то ли деревом мелким. Так... Посмотрим, как у нас с маскировочкой. Комбез и сам по себе непонятного цвета темно-коричневых колеров, так еще подвыцвел и копотью... местами. Не маскхалат, конечно, но за неимением сойдет. Намазав морду лица и шею жирным прибрежным илом, аккуратно высовываюсь. Железнодорожный мост должен быть справа, но его не видно за поворотом реки. Там вяло постреливают. Не слышно почти. Далеко... Чуток слева, кажется, брод. Во всяком случае, дорога к реке подходит. На том берегу – заливные луга. Выкошенные. До леса далековато. Метров восемьсот, пожалуй. И река... неширокая, но метров за пятьдесят наберется. Как-то надо и ее... А, рискнул!

Сначала долго и внимательно прислушиваюсь-присматриваюсь. От торопливости меня еще в разведроту отучили. Капитально. Поспешись – людей насмешись. И даже обрадуешь. Причем именно тех, кого категорически не хотелось бы. А главное, себя, любимого, ой как огорчишь... Место удобное – небольшой пригорочек над водой с ивой, в сторожких ветвях которой так удобно прятаться. Листья узкие, надежно закрывают наблюдателя, а сквозь мно-

⁶⁴ Введен лишь приказом НКО СССР № 312 с 22 сентября 1941 года. Сгущенка и мясные консервы (по три банки), галеты «Крекер», сахар, иногда шоколад. Когда оставался недоразворованным тыловиками. До этого летчики летали без НАЗ (неприкосновенного аварийного запаса) даже столь убогой комплектации, что нередко приводило к трагическим последствиям (см. воспоминания Г. А. Речкалова).

гочисленные промежутки между ними прекрасно видно противоположный берег, густо поросший камышом, пробитую в зарослях тропку к двум плоскостям, полустатонувшей и вполне себе ничего, крупных стрекоз, неспешно парящих над водной гладью не шибко торопливой равнинной реки, водомерок, сучащих растопыренными лапками по глади заводи, что под ивой со стороны, противной течению. На войну указывают только обильные нефтяные пятна по поверхности и редкая, едва слышная вдалеке стрельба. Доты боеприпасов не жалеют. Наверное, единственное, чего в досталь. Хватит до конца жизни. Недолгой. А так – никого и ничего.

Ищу корягу подходящую. Ага, вон у берега приткнулась. Потом снимаю шмотки. Все. Заматываю с сапогами в рулон. Стягиваю ремнем. Пистоль в кобуре сверху. Хоть застрелиться смогу, ежели что. Креплю к коряге ремень с рулоном и медленно, без всплеска, соскальзываю в воду. Довольно теплую у берега. Осторожно ступая по топкому дну, вывожу корягу на стремнину и, не высовывая головы, потихоньку толкаю ее к противоположному берегу. Течение довольно быстрое, но река не широка, и далеко отнести не успевает. Над головой в разверстой синеве неба недлинная белая полоса. Разведчик. Дальний высотный. Возвращается. Немец, конечно. У нас таких до конца войны так и не было⁶⁵. Как воевать умудрились, да еще и победить к тому же – ума не приложу. Воистину, в Россию можно только верить... И нужно! Несмотря ни на что. Вот уже и берег. В комфортно густых камышах одеваюсь, выйдя на более-менее сухое – обуваюсь. Очень тщательно. Не дай бог ноги сбить. Далее ползком. До леска. Проскочил, слава богу.

По перелеску идти веселее. Стараясь не шуметь, скольжу между деревьями. Прежние навыки восстанавливаются быстро. Так протопал километра три. Подлесок не густ. Ухоженный лес. Европейский. Отзвуки боя доносятся уже сзади. Выхожу к дороге. Не используется. Давно. Пересек привычно рывком тем не менее. Дальше Семятичи, слева. Лепота, в общем-то. Передовые части немцев прошли уже на восток, тылы еще не подползли. Однако не все. Сначала шум движков услышал, затем голоса, потом, подойдя и выглянув чумазой рожей, увидел их. Немцев. Небольшая группа, где-то до роты. Что-то типа хутора. Домов на пять. Расставили посты, как положено. Пулеметные гнезда по сторонам. Все по уставу. Но уставы те давно писаны. Для меня подустареть успели. Капитально. Сейчас бы группу сюда мою бывшую, славненько порезвились бы. А так – спокойненько себя чувствуют. Вполне. Даже друзья человека, слава богу, благоразумно молчат. Не то постреляли бы уже. Небольшой штабчик какой-то, полкового, может быть, уровня, или, скорее, узел связи. Как говаривали у нас в спецназе: «Штабы бывают двух типов: свои и вражеские. Вражеские уничтожить можно. Свои, к сожалению, нельзя». Шутка.

Впрочем, в каждой шутке... Помнится, еще до «тихой революции»... У меня к тому времени меньше трех месяцев подготовки было. Впрочем, к делам разным едва ли не сразу привлекать начали. Пара дней на стрельбище – и вперед. Людей очень уж не хватало. Но так, по мелочи. Скорее обеспечение. То, можно сказать, первое мое настоящее задание было. В смысле, за тогдашним рубежом первое. В Таджикистане. Они там с узбеками сцепились было. Не на шутку. Из-за воды⁶⁶, давно собирались, а тут как прорвало. Не так чтобы очень, впрочем.

⁶⁵ Действительно, как ни странно, но самолеты специально для разведки поступали на вооружение ВВС РККА только до войны. Затем же использовались лишь переоборудованные или слегка модифицированные в разведчики обычные самолеты. Преимущественно истребители и Пе-2. Специальных самолетов-корректировщиков артогня вообще не было. Дальних разведчиков – тоже. У немцев только корректировщиков-разведчиков Fi-156 Storch, He-126 («костыль») и Fw-189 («рама») было выпущено в общей сложности несколько тысяч. Дальней стратегической разведкой, включая морскую, метеорологическую и ночную, занимались специальные подразделения и части в количестве свыше 30 эскадрилий, оснащенных специальными самолетами, включая, с 1944 года, реактивный Ag-234.

⁶⁶ Основной источник воды в регионе – потоки Сырдарьи и Амударьи, формирующиеся в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (по густонаселенной и интенсивно орошаемой Ферганской долине) и Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Туркмению и Узбекистан. Таким образом, Туркмени, Узбекистан и Казахстан находятся в водной зависимости от Таджикистана и Киргизии, которые формируют график спуска воды вниз. При этом гидроэнергоузлы Кыргызстана и Таджикистана, регулирующие режим подачи воды, в настоящее время работают больше

Без тяжелого вооружения, если короче... Не успело, в смысле, до тяжелого дойти. Сначала на границе постреляли, потом, отдельными бандами, вглубь. Пришлось, знамо дело, порядок наводить. Наша 98-я тогда в объединенные силы входила, без малого уже лет десять как, так что многим далеко не впервой. С курковым батальоном 217-го загрузились⁶⁷. Пока до места добрались да обустроились начерно, вечер уже был. А на следующий уже день второму разведывательному взводу нашему придали связистов со спецями, разбили на четыре РГ, разведгруппы то есть, и на вертолетах – в горы. Вернулась только наша. Не вся. В количестве двух человек. Меня и Сереги Шишова. Сверчка. Контрактника то есть. Ну очень старого. Еще первую чеченскую помнил. Молодым, правда. Нас Вова Переяславцев вел, саджент. Тоже навроде Сереги. Только не такой говнистый. Поэтому сержантом был, а Серега все рядовым. Тому, по слухам, раза три уже сержанта то давали, то разжаловали. Не умел с начальством ладить. Совсем. Уже после той истории – без меня – он какое-то время даже ротой покомандовал. Потери... Не ставить же на разведроту, пусть и капитально поредевшую, зеленого лейтеху с училища? Пехотного к тому же... Десантное-то училище к тому времени уже... Потом морду какому-то генералу набил – опять разжаловали. Правда, вскоре снова поставили. Потому как енералов ентих до хрена и больше, не хватит – новых можно напоназначать. Делов-то – папаху пошить. В конце концов погиб... В Испании, кажется. Гренада, Гренада, Гренада моя...

Так вот. Саджент наш опытный был, что-то почувствовал. Взгляд, наверное. Я тоже научился чувствовать. Потом. Нас хотели накрыть в ущелье, и реально достали-таки, но Вова успел по-быстрому объяснить, куда надо залегать, а куда не стоит. Подлянки он тоже умел чувствовать. Ну там мины по обочинам. И прочие всякие пакости. Каким-то образом. Так что, в отличие от остальных РГ, мы основательно пострелять успели. Но спасло не это. В последний момент двоих спецов придали, расчет ПТУРа, но дело не в ПТУРе, поскольку развернуть его один черт не получилось. А в том, что нас оказалось не пять, а семь рыл. То есть, когда у нас с Серегой патроны кончились и мы с парой эфок⁶⁸ возле трепещущих животиков смерти ждали, забившись – на всякий случай, типа, чем черт не шутит, когда бог спит, – в расселину, «духи», пересчитав тушки, сочли дело сделанным и умотали, забрав оружие и все что можно. Поотрезав уши и большие пальцы рук – в подтверждение, как говорится, факта. И ушли, все бросив, свои трупачи тоже. Все. Немало их осталось – поработали мы не слабо. Напоследок. Раненых только утащили. Своих. Наших не было... Из-за раненых шли они очень медленно и не проверялись. Особо. А мы с Серегой за ними. Точнее, Серега со мной. Салажонком неразумным.

Тем не менее до лагеря быстро добрались. Мы, собственно, туда и выдвигались. По наводке. У этих же своя наводка была. Да такая культурненькая, не только маршруты, даже по скольку челов... В РГ. Каждой. Спецов-то нам в последний момент подкинули. Когда уже к вертушке бежали. Вот у них счет и сошелся. Без нас. А наша РГ не дошла всего-то километра три, как выяснилось.

на ирригацию соседних стран – Узбекистана и Казахстана. Если они будут работать в энергетическом, а не в ирригационном режиме, то есть основная сработка (наиболее интенсивная эксплуатация) водохранилищ будет происходить не летом, а зимой, тогда Киргизия и Таджикистан получат существенный прирост производства электроэнергии. И наоборот, летняя сработка водохранилищ не выгодна ни Киргизии, ни Таджикистану. Но это весьма удобно для их соседей, которые продолжают получать около 80% воды с территории своих соседей практически бесплатно.

⁶⁷ Курковыми в ВДВ называют обычные парашютно-десантные батальоны. 217-й гвардейский ордена Кутузова III степени парашютно-десантный полк действовал в составе 98-й влд, которая с февраля 2009 года входит в коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

⁶⁸ Граната Ф-1. Ручная противопехотная оборонительная. Предназначена для поражения живой силы в оборонительном бою. Из-за значительного радиуса разлета осколков (до 200 м) метать ее можно только из укрытия. Названия «Ф-1» и сленговое «лимонка» произошли от французской осколочной гранаты F-1 модели 1915 года массой 572 грамма и аналогичной английской гранаты системы Лемона, которые поставлялись в Россию во время Первой мировой войны. Многократно усовершенствовалась – преимущественно взрыватели, – до сих пор на вооружении и по сей день популярна. В том числе и в столь печальном качестве. «Лимонка» очень удобна и компактна. Масса 0,6 кг, из них тротила 0,06 кг, Ø 55, длина 117 мм. Впрочем, иногда так же называют, по привычке, и современные РГО (ручная граната осколочная). Внешне тоже довольно похожа, только взрыватель гораздо компактнее.

Потом, примерно как я сейчас, лежали и чумазные рожи аккуратненько-аккуратненько высовывали. Са-а-а-амыми краюшками. Из глубокой тени. А те вот так же шумели, радовались. Начальству доложили. По-английски, что интересно. В горах далеко слышно. Американский тот гнусаво растянутый прононс – до сих пор будто в ушах стоит. Раненых куда-то отправили. На ешаках. Потом жрать уселись. Без спиртного, впрочем. Аллах акбар.

Ночь в горах, как одеяло на голову. С дырками звезд. Эти затихарились, чаю попив да побалабонив по-местному. Но с русским матом. Посты выставили. Без ума, однако. В смысле, кого бояться-то? Да и не солдаты. Воины – да. Но чтоб на посту как надо стоять, не одна отвага раздолбайская нужна. Курить часовому, опять же, самое распоследнее дело. Особенно анашу. Тем более если, типа, в секрете. Меня, впрочем, все равно там бы и взяли, наверняка. Это Серега камнем замшелым аж чуть ли не до рассвета. Стыл. Я рядом. Как раз тогда у меня впервые получилось. Когда лежишь и не думаешь. Только чувствуешь. Все. Время тоже. Не замечаешь, но чувствуешь. Расплывшись и растворившись по миру. Всему.

Команды не было. Как-то ощутил – пора и сейчас. Просто скользнули в стороны. Бесшумно. Маршруты засветло еще успели вчерне наметить, да и света стало хватать. От звезд. На юге, да еще в горах – такие звезды... Близкие очень и светят. Отлично. Когда глаза привыкнут. Речка подмогнула еще. Горная. Лагерь возле нее разбили. Без воды-то – как? То ли после дождей расшумелась, то ли всегда. Такая. Цикады, опять же. Про беззвучно стелющихся в ночи спецназовцев в книжке хорошо читать. Забравшись в кресло с ногами. Или на диване развалившись. А когда сам, да по пороше свежей... или как тогда, по каменной осыпи, – неизвестно, что лучше. Боялся, цикады смолкнут, когда подойдем. Слышал про такое. Или читал. Нет. Так и исполняли звездам свою космическую музыку вечности, и плевать им было, фигурально говоря, на шорохи, скрипы, хрипы предсмертные и все такое прочее. Нет, ну, наверное, если гранату бросить или выстрелить, тогда заткнутся. Не пробовал. Зачем?

В секрете оба спали. Крепко. Караульных дремлющих тоже сняли на раз. Точнее, на два. Потому что Серега двоих успел. Из трех. Я, как по наставлению, ладонью рот и лезвием по горлу. Не то что без шума, не обрызгало даже. Хотя третий ко мне обернулся, не к Серегину парню. Не успел, однако, ничего, даже вскрикнуть – нож брошенный как вырос в глазнице, тут же и сам Серый подскочил, придержал аккуратненько, аки старушку на переходе. Пешеходном. Потом гасили. Сонных. Что возле потухших костров спали. Укрывшись кошмами, или как это у них называется. Долго показалось. Главное, сначала чуть тронуть и сразу аккуратненько – промеж ребрышек. Уже прижатым по месту ножиком. Тогда не вскрикнет спросонья. Придерживать, впрочем, тоже нужно умеючи. А то некоторые дергаются. Агония. Серега, впрочем, шомполом в ухо. Тогда, говорят, совсем тихо получается. Ну, это кто как привык.

Палаток две было. Альпинистские. С двойной крышей и надувным дном. Совсем страх потеряли. Извращенцы. Только что цвет... песочный такой. С пятнами. Одну Серега на себя взял. Туда мутные какие-то типы укладывались. Морд шесть забралось. Видимо, младший состав бандитский. Или средний. Как их там Серега спроворил – не знаю. Опыт – великое дело. Немного шума сначала, потом вздохи какие-то, и все. Вдвоем – во вторую. Где начальство почивать изволило. Трое их было. Один афганец там особо понравился. Нормальный такой душман. В шапочке-пуштунке, лопочет, как положено, на таджикском не то фарси. Либо пушту – знать не ведаю те наречия. С АК повсюду шляется. Все время. Даже когда насчет отлить-отвалить. В общем, весь из себя такой замаскированный и под прикрытием, аж жуть... Если б только не одна маленькая особенность. Негры среди афганов с таджиками крайне редко попадают. Если вообще... Забавный все ж таки был народ, эти самые американцы. Впрочем, почему был? Он и сейчас есть. В этой реальности. Пока.

Короче, этих троих мы тепленькими взяли. А потом Серега допрос учинял. У меня кое-что за плечами уже было, даже и к тому еще времени, но... Хорошо, в общем, что не жрамши. Двоих довольно быстро и почти без слов. Чтобы, значитца, янкес душою раскрылся. Потом

Сергея спрашивал, а я переводил. Английский пригнулся. Как и обещали. Учителя школьные, в смысле. А я-то все ждал-ждал – когда ж, наконец... И вот на тебе. Лафа, однако.

Ага, фрицы вон антенны развернули. Точно узел связи. Подполз по лошине малой поближе. Легко. Посты ворон ловят, да и разбросаны... Главное – секретов нет. Самая препоганая гадость по нынешним буколическим почти временам. Ничего, через пару лет куста бояться станут...

Пока америкоса упокоили и после себя прибрались, утро уже было. Вовсю. Домой, то есть в лагерь, вернулись ближе к вечеру. Три дня спустя. Без вертушек – долго. Хорошо хоть дехканина какого-то уговорили. На «Газели». Подбросил чтоб. Ну, доложились, как положено. Всю правду. Почти. Как побили нас, рацию посеколо. Сразу. Как в расселине прятались. С «эфками» у живота. Всю ночь, до утра. А потом потопали назад. Вертушки за убитыми, видимо, позже прилетали. Мы не видели.

Потом спать завалились. А ночью, как все улеглись да утихомирились, двинулись вдвоем резать штаб. Свой! Это, я вам скажу, такой кайф...

Любуюсь уродами в фельдграу. Метров в двадцати всего ближние-то. Нет, никаких партизанок повешенных, с табличками. «Бабка, млеко-яйка давай» – такого тоже ничего не слышно. Пока. Наоборот. Орднунг. Деловито так, по-хозяйски... Расположились. Ходят не спеша, по сторонам поглядывают, но без страха. Такое чувство, присматриваются – этот вот домишко снести, здесь овин поставить, там гасштетте, а там – пусть кирха будет. И тут вдруг начинаю понимать окончательно, что это вовсе не те немцы, среди которых у меня масса приятелей и даже друзей. Была, или будет, или как там еще... Впрочем, неважно. С которыми вместе косоваров и прочих чудиков давили. По Европам и не только... В симулятор резались, по скайпу общались... Эти даже говорят по-другому. Язык какой-то лающий. И морды другие. Спесиво-самодовольные. Даже у унтеров, не говоря уж о фельдфебелях. Господа. Пришли сюда, на мою землю, чтобы убивать и властвовать. Уничтожать мой народ. Его настоящее и будущее. Многих убили уже и еще будут убивать, пока не остановят их и не погонят обратно, в растреклятую ихнюю Неметчину... Запах еще этот странный, химический. От вшей, что ли, порошок у них. Вонючий. И такая тут ненависть охватила меня, что аж руку пришлось закусить до крови, чтоб не выскочить сейчас же и не начать их крошить, всех подряд... Ничего, сочтемся. У меня теперь другое оружие, куда как поэффективнее стрелкового с рукопашкой будет.

Медленно отполз обратно и двинулся в обход. Как и положено нормальному герою.

В общем, дальше было без приключений. Почти по птичьему полету, лишь у железки пришлось притормозить, но и там движения не было еще, наши держались пока, в ДОТах, да и мост, полагаю, накрылся. Хотя разглядеть не успел. Замедление у взрывателя бомбы на пять, кажется, секунд стояло. Я к тому времени далече уже был...

...ну, не весь штаб, разумеется. И не так чтобы совсем свой. Наших, в смысле российских, офицеров афроамер тот чмошный двоих всего назвал. Подпола и майора. Ну, еще полковник. Просто под руку попался. Хотя не думаю, чтоб он не при делах был. Наркотрафик, короче. Очень большие деньги. Это помимо еще и обычной в наших делах подставы. Местных всех, разумеется. Кто там был. В той группе палаток. Еще америкоса. Белого. Совсем. WASP⁶⁹. То ли наблюдателя, то ли надзирателя с полномочиями главнокомандующего. Ни за что не отвечающего, разумеется. Почти. Туда же, до кучи. И гражданских. Двое. Русскоговорящих. Бабу Серега на себя взял. Мне сложно было. Тогда еще. Охранников еще пару до кучи, ну и кому-то просто не повезло, наверное. В ту ночь. Они ж не ждали ничего такого. Было легче, чем в горах. Не то попривык уже. Потом расклад слегка подтасовали. Как могли. Чтоб на местных

⁶⁹ White Anglo-Saxon Protestant – своего рода «белая кость», в смысле, истинный американец, американская аристократия. Буквально – американец англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания. Подустарело, но еще в ходу.

душманов концы свести. Получилось бы, впрочем, едва ли. При внимательном разборе. Полевых. Но тем же утром всех собрали – и на Ил-76-е. Загрузили. Через пять часов уже в Чкаловском⁷⁰ высаживались. Революцию делать. Она и списала. Все-все. Я так думаю, правильно мы тогда с Сергеем сделали. Потому все и сошлось.

Обойдя Чарновчицы – деревня такая, километрах в десяти от Жабинки, точнее село, потому что с церковью... вернее, костелом, красивым таким, даже не одним, кажется... там, похоже, тоже немцы обосноваться успели... уже – решаю проверить одно свое предположение. Иду себе по лесу вдоль тропки, медленно-медленно, и смотрю внимательно-превнимательно... Ну точно. Пока обходил Сосновку да Няневичи – делать нам там ну совершенно нечего, – обнаружил полосы три, пожалуй, ну, типа контрольно-следовых, только что не вспаханных, а... ну дает, этот самый Катилос... Ни за что не заметил бы, если б не знал, что искать. Да и все ли заметил... Не думаю... Там веточка за веточку зацепилась, здесь лужица со следочком, напоминающимся таким, а тут листик как-то не так... повис. В общем, как ни иди, а кому нужно, непременно засечет. То-то он этих «бранденбургов» – а там далеко не детки были, чай, – так резво скрал... Видно, все три месяца готовился к чему-нибудь эдакому и людей своих обучал. Пока стояли тут. «Гэбню», значитца, кровавую, волков позорных. Костик вспоминает, тот обмолвился как-то, вырос, мол, на заставе. Типа сына полка. Чуть ли не с самим Карацупой⁷¹ служил... Хорошо, что прадедуська Костик не спецназовцем каким-нибудь теперешним был. Чему бы я таких, как Катилос, интересно, мог научить? Датчики ставить да обходить? Так где я теперь, а где те датчики...

Костик напомнил еще, тот орлов своих, из охраны аэродромной, отбирал-отбирал, а потом – как сидоровых коз... все время. В Белогорске еще, и добился, чтоб сюда с ним. Тоже отправили. Сержантов, срочников даже. Некоторых. Смотреть все ходили еще на их тренировки. Летуны с технарями.

К вечеру прошел через лес и увидел вдали Жабинку. До аэродрома отсюда километров пять всего, но туда выйду под утро. Целее буду. Может быть. Утащив в овражек пару хороших охапок сена, расположился там на ночлег. Дураков нетути – в стогах ночевать. Скольких таких вот любителей походно-полевого комфорта на тепленьком, значитца, и поотлавливали... А чтоб рассыпавшееся сено просечь могли, рассвести сначала должно. Поворочался минут десять, мечтая насчет пожрать, да и вырубился. Больно тяжелый день выдался.

Кстати, а Серега-то долго еще на меня посматривал. После той истории. Странно так, что ли. Я так потом лишь понял. Задним, что называется, числом. Что о таких вот делах лучше чтоб один знал. Но ничего. Не то пожалел, не то понравился ему чем, не то просто смысла не стало. Проехали...

Проснулся, как и хотел, где-то за час до рассвета.

⁷⁰ Чкаловский – крупнейший военный аэродром и авиабаза, в 31 км к северо-востоку от Москвы.

⁷¹ Легендарный пограничник Никита Федорович Карацупа (1910 – 1994) родился в с. Алексеевка Куйбышевского р-на Запорожской обл. в семье крестьянина. В семь лет остался сиротой, воспитывался в Щучинском детском доме Кокчетавской обл. В пограничных войсках с 1932 г. С 1933 г. – проводник, инструктор служебных собак на пограничных заставах. С 1944 г. – в пограничных войсках, с 1952 г. – в штабе пограничного округа. За 20 лет службы на границе участвовал в 120 столкновениях с врагами, задержал 338 нарушителей границы, уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не сложивших оружия. С 1957 по 1961 г. – в Главном управлении пограничных войск. В 1961 г. полковником уволился в запас. Работал в Центральном музее пограничных войск. Звание Героя Советского Союза присвоено 21.06.1965. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

День третий

Проснулся, как и хотел, где-то за час до рассвета... От холода в том числе. В средней полосе всегда так. Июнь. Днем жарища, а ближе к утру колотун. Жрать не хотелось пока. Слегка размявшись, двинулся по знакомым уже и основательно хоженным Костиком тропкам к аэродрому. Штанины комбеза сразу промокли, хэбэ, бельишко даже – насквозь. Поскольку роса выпала, обильная. Она, кстати, и спасла. А также то, что развиднелось уже. Слегка. Иначе здесь мой путь и закончился бы. А так – заметил-таки. Поперек тропинки наподобие мелких-премелких жемчужинок. Бисеринок. Меня аж как током прошибло. Присмотрелся – и точно. Ниточка. Защитного, надо думать, цвета. В утренних сумерках – непонятного темного. Суровая. Растяжка, однако. Да еще и поставлена по уму – в консервную банку и на высоте. Видно, не до того было, чтоб снять. М-да... И с собой ведь нехватишь. «Эфку» эту. Без чеки. К тому же кто их знает, нынешних. Может, сообразили уже и вместо замедлителя какую-нибудь хрень вставлять. Во взрыватель. Чтоб без задержки. А жаль. Полезная штука. Во многих жизненных случаях. И не жизненных. Тоже.

Вышел в районе палаток, внимательно прислушался. Шатров тех уже не было, и вообще сплошной разор и запустенье. Полчок, похоже, умотал на восток. Разумно. Зная Шульмейстера, не думаю, чтобы здесь хоть что-то осталось интересного. Для меня. Однако чу! Какой-то шум на самолетных стоянках. Да не просто шум. Будто взрывом, мат-перемат и матюгами погоняется. И голос вроде знакомый. Точно, Петрович.

Не скрываясь уже, подхожу ближе. Там что-то вроде тента соорудили из кусков брезента, под тентом «миг», рядом с «мигом» Петрович и тот самый салага-технар. Похоже, что-то уронил Петровичу на ногу, и тот теперь ему вполне вежливо и обстоятельно рассказывает, что так делать нехорошо и неправильно. Тихушничать не стал – кто ж его знает, что простой обыкновенный технар с испугу да устатку сотворить может. Наоборот, не спеша подошел, что-то насвистывая: «Броня крепка, и танки наши быстры...» или: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»⁷². Все время их путаю. Мотив, в смысле. Впрочем, с моим персональным медведем на ухо – без разницы.

Петрович как будто даже не удивился мне. Впрочем, смотрю, он едва на ногах стоит, и явно не от водки. Запашок есть, но так... фоновый. Под глазами аж круги черные.

– Жрать будешь... – пробормотал только под нос. Именно так – без вопроса в голосе. Утвердительно скорее. Молодой тут же метнулся под фюзеляж и выволоч сверточек. С полкирпича хлеба, тушенка, нож. Пара луковиц. Фляжка с холодным чаем. Самый очаровательный натюрморт, для тех, кто понимает.

Пока заправлялся, Петрович выложил новости. Вернулся из нашей четверки один Фролов. На едва живом биплане. Но сам целый. Доложил, что мосту каюк. Попал-таки, значит! А также что Петракова зенитки ухайдокали, в огненный шар, а замполита «мессер» поджег. На обратном уже пути. С концами. Но мою героическую посадку успел заметить, черт глазастый, а поскольку один «миг» был поврежден при бомбежке до состояния пригодности только к разбору на запчасти – это уже после нашего вылета к мосту пара «сто десятых» подскочила, другой же мною лично, тогда еще, но до вполне ремонтнопригодного состояния, а перебази-

⁷² Насчет советского марша авиаторов «Все выше, и выше, и выше» распространено мнение, будто бы он был слизан с марша фашистских штурмовиков (СА) «Und höher, und höher, und höher!». Как раз таки наоборот. Марш авиаторов написан Павлом Давидовичем Германом (автор слов) и Юлием Хайтом (композитор, оба россияне) еще в далеком 1920 году (хотя неоспоримое документальное подтверждение именно для известной ныне версии данного марша относится к маю 1923-го). Немецкий же марш впервые прозвучал, по не вполне достоверным данным, лишь в 1926 году. Впрочем, существует мнение, что и Юлий Хайт положил в основу своей мелодии какой-то более древний марш, не исключено, что все-таки немецкий. Поскольку ни до, ни после маршей более не писал.

роваться в Кобрин надо было спешно, ибо стрельба слышалась уже чуть ли не в Жабинке, да и Катилос докладывал о мотоциклистах, побитых его орлами... опять же, и грешники, ко всему, в лице Петровича и молодого, в наличии имелись... короче, Фролов, Батя и старлей Гудава, комэск-раз, оседлали исправные «миги», прочие же пайлоты – все, что оставалось летающего, да и закурлыкали журавушками в сторону Кобрина. Туда же двинулась автоколонна технарей. А эшелон с семьями и большей частью барахла Шульмейстер еще прошлой ночью умудрился из Жабинки отправить. Может быть, даже успешно.

Что же касается Петровича с молодым, то их, во искупление грехов тяжких, оставили с нелетающими «мигами». Чтоб снять консоль и винт с безнадежно поврежденного и установить на моего крестника. «Миг» вообще в этом отношении машина совершенно уникальная. Как по удобству обслуживания, так и по взаимозаменяемости компонентов. Затем они должны были укатить на оставленной «полutorке». Если успеют. Петрович-то, он и водить может. Неплохо причем. Ближе к вечеру У-2 прилетел, с Фроловым на пассажирском месте. «Миг» вроде как для него готовили. Только движок запустил, начал рулежку – хлоп, амортизационная стойка шасси полетела. Видимо, еще тогда повреждена была, а тут то ли на кочку попала, то ли просто до первой серьезной нагрузки жива была. В общем, получили они приказ все сжечь к такой-то матери. Но сначала починить. Вдруг кто еще из наших сможет прилететь. Из пилотов. Или я вернусь. Фролов так и сказал: «Этот вернется, чует мое соколиное сердце». Рост авторитета налицо. Нашего с Костиком то есть. Пустячок, а приятно.

Словом, провозились всю ночь, ремонтируя и одновременно готовя все к поджогу. К утру уже все валиться из рук стало, изматерились едва ли не до иссякания слов с выражениями, особенно Петрович. Этот умеет. Призагнуть. А тут – здорово, братцы, вот и я, видать, не ждали ни... совсем. «Миг» мой как раз заправлен уже и к бою готов. С парашютом даже на сиденье. И зеркальце присобачено. Заднего вида. Опция, блин. Только что без карты. Но уж Кобрин-то я как-нибудь найду. Тут на лицо мне падает свет, и Петрович с молодым начинают ржать. Видок у меня, конечно... тот еще. Баба-яга в тылу врага.

Быстренько, при фонарике еще, привожу себя в порядок сохраненной (или захомяченной для себя – какая, впрочем, разница) Петровичем бритвой и не то орлом, то ли еще каким птицем взлетаю в кабину «мига». Определенно повыше, чем у И-15. И попросторнее, хотя и ненамного. С моим ростом еще ничего, а вот тем, кто погабаритней... Не знаю, как помещаются.

«Миг» мне тоже всегда нравился. Самый, пожалуй, красивый из истребителей начала войны. Не только наших. С мощным мотором, чуть сдвинутой назад кабиной и хищным силуэтом. Немцы, впрочем, считали его дубоватым. Называли «Иваном». Теперь, однако, посмотрим, кто у нас дубоватый. Я на этой машинке не одну сотню часов провоевал. В паре с Покрышкиным. Виртуальным, разумеется. По моему – и Покрышкина, кстати, – мнению, единственным серьезным недостатком этой машины является слабоватое – для перехватчика – вооружение. Один синхронный БС плюс пара ШКАСов. Несерьезно. Насколько помню, были модификации с тремя БС, но мой не из таких. Зато для РС пусковых нету и бомбодержателей тоже. Чистый истребитель. Что ж. Бум истреблять.

Мотор запускается с первого контакта. Петрович он Петрович и есть, никак не иначе. Выруливаю на взлетку. Придется брать правее, по центру воронки щерятся... Видимо, это от тех, что остающийся «миг» повредили. Бомб. Разогрев двигун, даю взлетные обороты, нагружаю винт и отпускаю тормоза – машина пошла! На взлете ничего себя ведет... нормальненько. Обзор только не очень. Виражом набираю высоту. На востоке уже светло, на западе темень. Почти как позавчера. Всего-то лишь... А кажется, вечность прошла... Вижу горящий «миг», тот, с которого все снимали, и «полutorку» с Петровичем, сразу запыхавшую к дороге. Петрович умный, к проселку рванул, не на шоссе. Привык небось огородами к сладенькому-тепленькому подбираться... Под бочок... Может, и проскочит. Даже наверняка проскочит. При отсутствии особого невезения.

У меня баки полные, поэтому сразу на восток не спешу. Обзор назад у «мига» тоже не так чтобы очень, так что лучше я запад боковым зрением контролировать буду. Забирая чуток к северу. А то подберется из темноты сволочь какая-нибудь, и поминай потом как звали. По прямой было бы минут десять, а так полчаса где-то – ну и что? А пока можно и навыки освежить. На практике. МиГ-3 все же довольно сложная в управлении машина. Продольная устойчивость намеренно снижена с целью улучшения маневренности, но это для асов, а у обычных летчиков лишь утомляемость повышается и аварийность растет. Стрелять сложно. В штопор, опять же, сваливается до того легко, что глаз да глаз за этой машинкой нужен. Всегда. Но особенно при посадке. Впрочем, ас – это как раз про меня, полагаю. Про нас с Костиком. Пока попробовал пару хитрых заморочек... своих, фирменных... пара прокатила, однако... прочие – нет. Вот уже и аэродром впереди. Высоты много не набирал, до двух тысяч.

Кстати, о сволочах. Очень даже вовремя это я. Прибыл, в смысле. Сюда. Четверка «сто десятых» «мессеров» парами полого пикирует прямо на взлетку. С добрым утром, тетя Фая, называется. Зенитчики проспали, что ли? Те аккуратно с запада шли, не видно их было, движки, наверное, приглушили, опять же. А может, и нет, потому как утром на фронтовом аэродроме довольно сложно услышать что бы то ни было. Для меня, однако, идущего с северо-запада, они прям как на картинке. На фотосессии под софитами. Красивые такие все из себя, стройные, приближаются быстро, просто-таки стремительно, при моих-то без малого шестистах – набрал с потерей высоты. Аккуратненько пристраиваюсь к последнему ведомому, чуть снизу, чтоб стрелок не то что не достал, не увидел даже, винтом и газом выравниваю скорость, условия почти эталонные. Чуток упреждения, и хорошая такая очередь, вдоль по фюзеляжу. Метров, пожалуй, с пятидесяти. Броня там у него есть, но на такой дистанции от «березина» не спасет никоим образом. И точно, фашист ныряет вправо и вниз, явно неживым уже каким-то манером. Меня же, похоже, до сих пор не заметили. Чуть сбросив газ и высоту, выцеливаю ведущего второй пары. Тот что-то понял, успел шарахнуться вбок, и очередь БС прошла по мотору, а левый ШКАС саданул по центроплану. Там баки. Вспышка, а обломков уже не вижу. Остались сзади. Шедшая первой пара, похоже, успела уже просечь... ситуевину, сбросила бомбы и пытается уйти в вираж. А вот уж дудки! Это вам не И-15. Скорость у меня с хорошим запасом повыше, и как ни дубоват «мигарь» на малых высотах, а все ж поразворотистее «сто десятого» будет. Да и бывшие навыки стрельбы возвращаются буквально с каждой очередью. Вкупе с пилотажем.

Немцы, однако, попались опытные, пытаются маневрировать, так, чтобы подставить меня под задних стрелков. Но мне спешить некуда. До своих им еще ползти и ползти, а я – вот он уже. Успеваю даже оглядываться по сторонам и назад, набирая высоту. Решив, что у меня поменялись планы, фрицы рванули к линии фронта. Ухожу в пике, наращивая скорость, и на выходе опять бью снизу. Ведомый определенно понял, что ему грозит, пытается что-то придумать по горизонтали, но я все же успеваю на долю секунды вогнать его в нужную часть прицела и вклеить очередь. Фатально. Ведущий тем временем успел снизиться до бреющего, и снизу его теперь не возьмешь. И под стрелка лезть не хочется... Оно, конечно, шанс невелик, но зачем? Счетец у меня к ним и правда куда как поболее одного самолета или тем более моста, причем, что характерно, по мере поступления выплат меньше не становится... ни на йоту. Размышляя над сим парадоксом, обгоняю утратившего свободу вертикального маневра «мессера» чуток в сторонке, после чего, зайдя в пике, атакую его с передней правой четверти. «Мессер», натурально, пытается встретить в лоб, курсовое вооружение у него – мама, не горюй, но запаса скорости нет, он странно зависает на секунду, чуток лишь не довернув до встречного курса, и, похоже, собирается сваливаться в штопор, вывести точно не успеет... Да и некому там вывести. После той очереди, что я все-таки успел в него всадить, проскакивая мимо на скорости. Реакция у нас с Костиком и правда – закачаешься. Что значит экологически чистый деревенский воздух по сравнению с загазованной-заговоренной Москвой двадцать первого...

Разворачиваясь обратно в сторону аэродрома, успеваю посмотреть вниз. Разумеется, после осмотра всей воздушной сферы, от греха. На земле вспышка. Похоже, и последний «мессер» обрел-таки русской земли. Ну, белорусской – какая разница. Украина и Белоруссия, равно как и остальные, при мне оставались независимыми. Но все границы с таможенными и прочими подобного рода радостями исчезли еще в 22-м. Ровно через 100 лет после образования того Союза. Специально подгадали. Правительства, впрочем, остались. С разными уровнями полномочий и автономности. У прибалтов, к примеру, поболее... Даже армии свои. Формально. Но да бог с ними, когда это будет, да и будет ли теперь вообще... Я, конечно, не переоцениваю свою роль, подумаешь, пара мостов и два десятка уничтоженных летунов, пусть и из лучших, довоенных еще люфтваффовских выпусков... Но вот оставшийся не уничтоженным истребительный авиаполк – это уже не фунт изюма. Да еще и такой классный. К тому же Батя, похоже, умудрился сделать куда как поболее казавшегося возможным, обеспечив разведанными и связью сухопутчиков, из-за чего наш аэродром не был еще захвачен даже к утру 24-го... Опять же, полагаю, если даже День Победы станут праздновать не двенадцатого, как у нас, а, скажем, 9 мая, и хотя бы парой сотен тысяч меньше нормальных мужиков поляжет, то и это уже было бы очень даже здорово. Ладно. Делай что должно, и да будет что будет. Как говаривал Марк Аврелий. Император и философ.

Вот уже и аэродром под сферу винта напозавет. Осталось сесть. Что на «миге» далеко не самое простое дело. Захожу на средних оборотах, по-покрышкински. Высматриваю, где ни воронок, ни обломков. Притираю на все три точки – нормальненько. Однако обзора при посадке никакого почти. Шнобель здоровенный, да еще кабина назад сдвинута. Все на одних ощущениях вкупе с матерными чуйствами приходится исполнять. Да и пробег всяко длинноват по сравнению с прочими, хотя здешняя полоса и позволяет. Вполне и даже более чем. Ну здравствуй, аэродром Именин. Село так называется. Именины то есть. А неподалеку, километрах в пяти, Стригово. Так его то так, то эдак обзывают. Аэродром то есть. Даже в документах. Вот, наверное, путаницы будет у историков⁷³...

Пока качусь, осматриваю окружающее пространство. Здесь всю дорогу 123-й полчок стоял. Иап. Истребительный то есть. Тоже на «чайках». Однако справа наблюдаю обломки и других машин... на «мессеров» чуток смахивают, но колер другой. Оба-на, это же Як-1⁷⁴. С какой бы это, интересно, стати? Воронок, однако, хватает. «Мои» не могли. Видимо, со вчерашнего дня. Опа, да на этой машинке и по земле особо не покатаешься... Чуть повернул или тормознул неловко – и уже скапотировать норовит или стойку подломить. Воистину, птица, рожденная для полета и только для полета, увы. Наподобие стрижа. Тот тоже – с земли никак. Взлететь, в смысле. Бедный Костик... Подвзлететь хотел... Ну-ну...

Наконец, глаз выхватывает замаскированные бипланы, навскидку И-153, там же пара «мигов», таких же, как мой. Оставшиеся «яки», если есть такие, где-то попрятались, надо думать. Подруливаю и становлюсь в крыло с крайним «мигарем». Из ближнего леска направляется с пяток фуражек и пара летных шлемов. Подскочивший технар, незнакомый, местный, по всей видимости, помогает спуститься по крылу. Топаю навстречу группе встречающих. Докладываю Бате без церемоний, разве что руку к шлему приложил. Тут же Фролов, остальных не знаю. Батя доволен:

- Что, Костик, понравилось выручать своего бестолкового комполка?
- Никак нет, товарищ майор!
- Что, неужто не понравилось?

⁷³ Воистину так.

⁷⁴ Истребители Як-1 поступили на вооружение 123-го иап перед самой войной, в количестве 20 ед. Собрать успели только к 19 июня. Толком облетать, естественно, до войны не удалось. Не говоря уж об освоить.

– Никак нет, никого я не выручал... Так получилось... просто... – ломаю комедию. Лучше пусть полудурком считают, чем завидуют. Это Костик молоденький, лишь бы покрасоваться. Мы же куда как постарше будем, а во многия знания и печали многия же...

Первую пару мне с ходу засчитывают, все видели, а вторую – нет. Ну и черт с ними. Не ради наград воюем. Батя на это лишь головой качает. В счет полка не лишними были бы.

Фролов же просто хлопает по плечу, и мы идем все вместе к столовой. По ходу узнаю новости. Полчок наш, оказывается, повоевал всего-то лишь с полдня еще, после чего на аэродроме артснаряды затеяли взрываться. Пришлось вылетать в Кобрин. Обошлось, впрочем, без суеты и паники. Благодаря толковому командованию. Ну и, конечно, его величеству Шульмейстеру собственной персоной. Правда, теперь из того, что осталось в полку, машин и на две эскадрильи прежнего состава не набирается. Вместе с «мигами». Один из которых, кстати, капитально побился при посадке. Пилот, впрочем, не пострадал. Гудава. Однако мое владение новой техникой не то что вопросов, недоумения даже не вызывает. Столько всего произойти успело, что такая мелочь даже и не в счет. Наверное... Из Кобрина к тому времени давно уже успел смыться в неизвестном направлении штаб доблестной почти нашей 10-й сад. С некоторой частью техники. В стремительном бардаке. Оставив на разграбление Шульмейстером очень много чего интересного. Из коего чего оный формирует уже эшелоны, один даже отправить успел. Ночью. Нам тоже скоро уматывать. Поскольку пехотное прикрытие осталось лишь то, что сформировалось у Жабинки, да и того немного уцелело, а немцы все прут и прут себе вперед – не остановить. Авиацией, во всяком случае. Так что следующим пунктом базирования нашего ставшего каким-то уж очень смешанным авиаполка станет, по всей видимости, Пинск. Смешанным – потому что теперь у нас, помимо пары десятков «наших» «чаек», тройки (с моим) «мигов» и пары (один сгорел в разведке) У-2, добавилось с полэскадрильи «ишачков» из 33-го иап – горючего не хватило в Пинск слить, хотели было уже жечь, а тут мы, – где-то полтора десятка Як-1 и даже невесть откуда взявшаяся тройка Ил-2⁷⁵. Ну и, конечно, – как же без них – еще где-то с эскадрилью «чаек». Сборную. То есть с миру, что называется, по нитке. В основном из почти полностью уничтоженного на земле 74-го шап⁷⁶, но несколько даже из других дивизий. Понаехали, значитца, тута. Всякие. Но аппетиты росли, и этого уже явно маловато кажется, поскольку Фролов шумно-матерно возмущается неудачей с Як-1⁷⁷, на которых никто здесь не умеет летать. Но это бы ладно, руководство по ЛЭ есть – с ним в кабину, лети себе да почитывай. Шутка.

Плюс к этому тыловики умудрились даже и бензина подходящего на Именин не завезти. Высокооктанового. Впрочем, наши подкинули трошки – «миги» такой же кушают. Однако еще и снарядов к пушкам забыли запасти. Не то потеряли где-то. В коей связи возникает законо-

⁷⁵ Знаменитый штурмовик, созданный в ОКБ-240 (С. В. Ильюшина). Самый массовый боевой самолет в истории, было выпущено более 36 тысяч штук. Немецкие пилоты называли его за чрезвычайную живучесть *Betonflugzeug* (бетонный самолет) и *Zementbomber* (цементированный бомбардировщик), наземные, понятно за что, *Schlächter* (забойщик скота, мясник) и *Fleischwolf* (мясорубка), а также почему-то *Eiserner Gustav* (Железный Густав). Существовавшее в советской публицистике мнение, будто бы солдаты Вермахта называли его *Schwarzer Tod* (чума, дословно – «черная смерть»), не подтверждается немецкими документальными источниками.

⁷⁶ 74-й шап (штурмовой авиаполк) входил в состав 10-й сад. Базировался в Пружанах (полевой аэродром Малые Зводы), имел 47 И-15 бис, 15 И-153 и 8 Ил-2 (без подготовленных летчиков). По официальным данным, все они были уничтожены в первые минуты войны. Во второй половине дня уцелевший личный состав эвакуировался в тыл. Полк был реформирован и впоследствии стал 70-м гшап.

⁷⁷ Первый из истребителей, разработанных КБ А. С. Яковлева. Однозначно лучший истребитель ВВС РККА того времени. Однако «Мессершмитту» Bf-109F все же уступал по большинству характеристик. Максимальная скорость полета – 569 км/ч, хорошая маневренность, на средних и малых высотах заметно лучше, чем у «мига», приличное, для начала той войны, вооружение (1×20-мм ШВАК, стреляющая через редуктор винта, и 2×7,62-мм ШКАС). Один из основных недостатков «яка» явился, как водится, продолжением достоинства – высокой культуры массы, вообще свойственной данному КБ. В данном случае приведшей к существенно более низкой по сравнению, например, с Ла-5 живучести конструкции.

мерный ответ на вопрос: а есть ли жизнь на Марсе? Получается, не знаю, как там на Марсе, а на Земле без Шульмейстера точно нет...

– А это, блин, такая машина – куда там «мигарю», – волнуется мой все еще ведущий. Но уже вполне весь из себя комэск. По мне, так машина как машина. «Як» этот, в смысле. Лично мне «миг» больше нравится. Вертикальная маневренность просто потрясающая. Стоит только нос хоть чуток наклонить, так тут же прыгает, словно пришпоренный. Впрочем, дело вкуса. Как ни крути, а в эскадрилье нашей теперь три уже целых «мига» и пять «ишаков». Ничего себе машинки. Типов 24 и 28. Последний даже пушечный. И ни одного пилота для «яка». Один хрен, полечу, если что... Спросят – скажу, опять во сне увидел. Или еще чего в этом же роде. Пошли все в жопу.

Рассаживаемся в столовой. Капитальное строение. Кормят даже лучше, чем обычно. Наплевав, похоже, на все нормы довольствия. Наверное, решили – не пропадать же добру. В руках оккупантов. Пока снедали, зашел весь замотанный такой капитан. Сапер. В сопровождении кучи цыриков, волокущих ящики, шнуры и прочую взрывчатую пакость. И правильно. А то в той истории фашикам все почти что нетронутым досталось.

Допил какао с коржиком, после чего Фролов повел меня показывать казарму и мое место в ней. Нормально устроились. Вода, ватерклозеты... С вазонами. Впрочем, ненадолго это. Улегся, однако, вздремнуть. Часок-другой. Ночью-то почти не спал. Сразу словно в омут провалился. Проснулся – за плечо трясут. Дневальный. По часам уже половина первого. Не слабо храпанул. Впрочем, не храплю, кажется. Очень полезная особенность. Для спецназовца. Для летчика же – хоть обхрапись. Соседям на радость.

Прибежал на КП – там у Бати с Фроловым такое вот счастье... Стратегический разведчик. Немецкий. Прошел часа три назад. Вчера тоже был. Но вчера нас на «мигах» не было. Обратно ему где-то еще через полчаса возвращаться. Если по-вчерашнему судить. Нам, выходит, наперехват. Мне, значитца, выспаться дали. Премного благодарен. В особенности за то, что разбудили. Иначе уж очень обидно было бы. Что зря столько раз отрабатывал ту знаменитую попытку перехвата⁷⁸. На симуляторе, разумеется. Разведчик тот же самый, наверное. Которого еще у Буга наблюдал.

Хорошо еще, что «миги» у нас в полной комплектации. Со всем то есть оборудованием для высотных полетов. Включая кислородную маску с баллонами. Даже заряженные баллоны откуда-то взялись. Благодаря Шульмейстеру, не иначе. Насколько помню, на полевых аэродромах в жутком дефиците были. И свечи нашлись. При высотном полете на «миге» свежие свечи самое наипервейшее дело. Еще дал команду заправлять только наполовину. На полный радиус мне один черт не летать, а скороподъемность возрастет. Именно как раз она мне сейчас более всего и понадобится.

Пока технари меняют свечи и проверяют кислород, занимаюсь собственной экипировкой. Народ опытный, все нужное приволокли. Это до средних высот летом можно в комбезе или даже просто в хэбэ. Взял, однако, не все. Кабина у «мига» закрытая, и жар от движка гнать будет, насколько помню. Хэбэ с комбезом свои оставил, пусть и пропотели вусмерть, а менять не стану. Примета, однако. Пусть я и не суеверный, но... Лишь поддел теплые белье. Перчатки... сойдут и летние. Планшет... пригодится. Когда возвращаться буду. Зимний шлем... к черту. Если б, к примеру, в засаду на снегу валяться, взял бы все и еще попросил. А так... минут через сорок сяду, если вообще... из них на высоте хорошо если полчаса. Перетерплю.

⁷⁸ 10 апреля 1941 года в Прибалтике неопознанный самолет на большой высоте пересек советскую границу и двинулся в глубь нашей территории. С одного из каунасских аэродромов на перехват нарушителя поднялось дежурное звено МиГ-3 из 31-го иап 8-й сад, возглавляемое лейтенантом Аксютиным. После взлета каждый из трех летчиков действовал самостоятельно. В Каунас вернулся только младший лейтенант Акимов. Аксютин покинул самолет с парашютом, а младший лейтенант Евтушенко разбился в катастрофе. Нарушитель перехвачен не был.

С сапогами удивил народ. Обмотал ноги под портянку газетой⁷⁹. Мятой. Похоже, здесь этого фокуса не знали еще. Все впереди...

Летим парой. С Фроловым. Бате не по чину, а остальные на «миге» слабоваты. Пока еще. Но взлетать и в набор высоты идти каждому самостоятельно. Как и тогда... В том случае тип самолета определить не удалось. Если это Ju-86P, то я сразу пас. У него потолок хорошо за двенадцать тысяч. Пусть и при очень небольшой скорости и хилом вооружении. Но вряд ли здесь тот случай. На той высоте его просто не заметили бы. Значит, или Ju-88D, или какой-нибудь из высотных «дорнье». С теми вроде получалось. У меня.

Усевшись в кабину, тщательно проверяю все параметры. Приборы, конечно, примитивные, но хватит и этих. Давление в пневмосистеме – это важно! Иначе стрелять не смогу. Тем более на высоте. Радиостанции на моем «миге» нет. Впрочем, недостаток ли это, трудно сказать. Когда впервые прочитал, как пилоты ВВС РККА отказывались от радиостанций (и в конце концов отказались-таки, на беду свою), подумал – какие, однако, идиоты! Ретрограды дуже поганые. Однако, когда поработал с тогдашней радиостанцией на реальном симуляторе, дошло – не все так просто. С тем качеством связи она, пожалуй, и правда большей частью лишь отвлекала от полета. Особенно человека, не умеющего толком ею пользоваться. Настроенная и обслуженная к тому же кривыми грабками полуграмотных тогдашних «спецов». А хороших – откуда взять? С завода? А работать тогда кому? Да и на заводе... Наверняка пара-тройка наладчиков что-то реально петрят, остальные же – мясо. Обычно.

Сию на взлетке, жду. Весь высунувшись из кабины, разумеется. В закрытой обзор никакой. А так – все небо аж до горизонта видно. В общем чистое, но облачка попадаются. Изредка. Видимость, впрочем, по полной. Чтoб не замылились глаза, периодически оглядываю летное поле. Однако, неслабая сила здесь собралась. И главное, все налажено и в готовности. Зенитчики зенитят, получимши звездюлей за утреннее, шестерка «чаек» исправно болтается на трех где-то тысячах, еще шесть в готовности... Все замаскировано, технари суеются, заправщики шустрят. Точно не помню, но, кажется, в той реальности здесь к этому времени совсем другая картина была⁸⁰. Оп, кажися, летит что-то. Далеко-далеко на востоке. Малюю-ю-юсенькая такая точка, и инверсионный след за нею. Тянется.

По глазам Костик определенно чемпион. Очень важное преимущество для боевого летчика, а для истребителя вдвойне... да нет, тройне, пожалуй. Завопив «От винта!», шлепаюсь в кабину и жму пневмозапуск. Движок пошел. Теперь есть время не спеша устроиться поудобнее, пристегнуться и так далее. Движок должен прогреться. Он сейчас в оптимальном состоянии. Поскольку на том аэродроме этот «миг» почти не летал, а по дороге сюда должен бы успеть качественно приработаться. И насиловать его пока что особой нужды не было. И свечи новые. От движка сейчас почти все зависит. Помимо меня. Разумеется.

Слева задвигалась машина Фролова. Даю обороты, нагружаю винт – разгон, взлет. Иду в набор. Пока виражами. Наивыгоднейшая скороподъемность тысяч до семи при 260 – 270. Км/ч. Потом сбросить где-то десятку. На восемь тыщ должен выйти минут через десять... или одиннадцать... или двенадцать... в общем, как получится. Над этой машинкой аж сам Петрович поколдовал... Должно получиться. Потому что Петрович, он, конечно, в поликарповском КБ работал. Долго. Но потом в микояновское перешел, причем не так чтобы вовсе сам...

⁷⁹ Так ноги и правда не сильно мерзнут, даже в карауле зимой. Только газету следует хорошенько помять. Вариант не для бега или энергичной ходьбы, разумеется.

⁸⁰ 123-й иап, что базировался на Именине, встретил войну на И-153 в количестве 61 единицы. В реальной истории довольно удачно, супостата встретил в воздухе и в течение всего дня вел бои. Понес тяжелые потери, в т. ч. и на земле. К вечеру 22 июня вынужден был вылететь в Пинск ввиду угрозы захвата. Оставшимися 15 машинами. Здесь же немцы, понеся на данном участке значительно более серьезные потери в авиации, не только не смогли «нормально» погасить 123-й, но и, в т. ч. за счет лучшей координации сухопутчиков, подзадержались с выдвиганием. Совсем чуть-чуть.

Вот, кстати... Потом треп шел, мол, ах какой гениальный этот Микоян. За четыре месяца аж целый истребитель сварганил. На самом же деле это была поликарповского КБ разработка. Но – Поликарпов-де и так загружен, уж так загружен, что прямо сил нет, в отъезде к тому же на данный текущий момент, а у нас тут как раз молодые таланты подросли. Наследственные к тому же. Поскольку того самого Микояна братец. Анастаса, ну, который «от Ильича до Ильича – без инфаркта и без паралича». Лично у меня прочно ассоциируется с бессмертным трудом под названием «Кулинария». Что вместе со столь же фундаментальным творением Похлебкина никогда не покрывался пылью на полке книжного шкафа в нашей московской квартире... Впрочем, и КБ получилось классное. При всем при том. Потом многие годы основным по истребителям было. Сухой-то лишь чуть позже этой темой вплотную занялся. Впрочем, и сынишка у Анастаса ничего был... Степан. Сначала боевой летчик, потом – испытатель. В войну, что интересно, на «яках» летал. А после испытывал-таки «миги». Так что если чей-то братик или сынок – вовсе не обязательно автоматом бездарь и сволочь. Всяко бывало. И бывает.

Скоро остаются внизу кружащиеся над аэродромом «чайки». Действительно, на трех тысячах болтаются. Теперь надо уже всю голову крутить. Не дай бог, охотнички... Так, пять тысяч, по альтиметру, за восемь с половиной минут. Это нормально. Надеваю маску, включаю подачу кислорода. Нет, дышать нормально еще. Но штука это коварная. Сам не поймешь потом, как сознание потерял. И когда. Если будет кому... вспоминать. Начинаю давать очереди. Коротенькие такие. Всеми пулеметами. Примерно каждую пару-тройку минут. А то, читал, на высоте могут обмерзнуть и отказать. На семи тысячах, не переставая оглядываться, чуток сбрасываю скорость и переключаю воздушный корректор. По инструкции не положено еще, но на самом деле – пора! Движок поваркивает оптимально, температура в норме. Фролов и так чуток отставал, теперь же и вовсе словно завис ниже. Ну не мог я ему сказать про тот клятый высотный корректор! Иначе пошли бы вопросы – откуда да что... Потом посадили бы, как уругвайского шпиона... для коллекции... все, типа, есть, а уругвайского нет еще. Читал, и такое бывало. Впрочем, может, и вранье. Врали много. Что партийцы-КПССовцы, что прочие. Соревновались будто. Блевать со всего этого тянет – сил нет. От вранья, имею в виду.

Ложусь на курс, встречный разведчику. Прохожу под ним. На девяти тысячах. Он где-то, пожалуй, на десяти. С половиной или около того. Двухмоторный, силуэт незнаком. Пожалуй, это он самый и есть. Пресловутый Ju-86P⁸¹. Теперь, заметив меня, определенно пойдет в набор. Собственно, уже пошел. Минут пару уже как. Судя по потемневшему от чадного выхлопа инверсионному следу. Но допустил одну ошибку. Изначально шел не на одиннадцати, как ему вообще-то положено, а где-то в районе девяти. То ли чтоб видно лучше было, то ли еще почему... и, конечно же, не ожидал, что здесь есть кому его достать. На десяти и выше.

На червонце с полтиной выполняю медленный – здесь надо работать оч-ч-чень плавно – вираж и пристраиваюсь разведчику в хвост. Расстояние между нами небольшое. По горизонтали. Но он выше. Метров на пятьсот. Сейчас виден очень хорошо. Тупорылый, с широкими крыльями и разнесенными киями. Движки дымят, идет на максимальных – для данной

⁸¹ Когда немцам понадобился дальний высотный разведчик, они решили – наряду с прочими многочисленными подходами, включая успешный реактивный, – использовать самую раннюю из предвоенных разработок Юнкерса, а именно бомбардировщик Ju-86, к тому времени уже утративший боевое значение вследствие прежде всего недостаточной скорости. Машина была подвергнута глубокой модификации. В частности, гермокабина на двух членов экипажа была выполнена с двойным остеклением, где промежуточное пространство было заполнено сухим воздухом. Двигатели были новые – Jumo-207 B-3 (750 л. с. на высоте 12 200 м), что интересно, дизельные. Нашим подобные так и не удалось до конца отладить. То есть реально использовались на Пе-8, но очень часто отказывали. В версии Ju-86 P-1 (бомбардировщик) мог брать до тонны бомб, в версии P-2 (чистый разведчик) только три мощных фотокамеры. Некоторые машины имели в хвосте дистанционно управляемый пулемет MG-17 калибра 7,92 мм, который, впрочем, серьезного оборонительного значения не имел. Собственно, пугач. Потолок был до 14 500 м. При очень невысокой скорости (260 км/ч крейсерская, максимальная 360 км/ч) дальность действия свыше 1700 км.

высоты – оборотах в набор. Скорость у нас почти одинаковая, но я высоту набираю быстрее. Пока. Начинаю мучить двигатель, на одной интуиции регулируя газ, корректор и шаг винта до обеспечивающего оптимальную скороподъемность режима. Наподобие как на «Зеро»⁸². Там это куда как критично. Чуть с режимами недорассчитал, и вместо палубы авианосца жопой в Тихий океан, к жизнерадостно поджидающим закусь разнообразным акулам...

На одиннадцати с половиной – прошло двадцать шесть минут после взлета – выхожу гаду в хвост и загоняю в прицел. Судя по отсутствию реакции, не вооруженный вариант. Пилотировать очень сложно, машина слушается рулей отвратно, пытается вроде как ерзать и на крыло свалиться норовит, движок будто задыхается, винт словно крутится вхолостую, крылья с трудом находят опору, а элеронам с рулями почти не во что нормально упереться. При заявленном потолке 12 000, одиннадцать с половиной – это рекорд, реально достигнутый серийным «мигом». И тут сволочь выдает финт! Очень крутой, разумеется, для таких запредельных высот, вираж. Мы теряем его! В смысле, он прячется! Как в том фильме про американских врачей «Скорой», то ли неотложки ихней...

К тому же, когда он по оптимуму в набор идет, обгонять начинаю. Что не есть хорошо. Попробуем так... Пологий-препологий вираж с максимальным набором высоты. Ага, оторвался – где-то на километра полтора. Вдгон – уже без набора. Попробуем достать на вертикали. Реактивщики так аж в стратосферу выпрыгивали – спутники сбивать. Мы, конечно, не реактивщики, но тож кое-что... можем...

Пока снова пристроился, стратосферный ублюдок Люфтваффе набрал еще метров пятьсот, я же лишь где-то чуток за четыреста, и теперь, похоже, он и вовсе может набирать высоту быстрее меня! Но – еще не вечер! Прекратив набор, разгоняюсь. Высоко задирая голову, пытаюсь поймать момент. Прошел под... Пора! Рванув вертикаль, добавляю газа, даю форсаж и одновременно работаю с винтом. Движок аж взвизгивает надрывно, но машине словно дали пинка, и на этом импульсе все же умудряюсь еще чуток задрать нос, пусть и под закритическим углом, крошечный силуэт на секунду растопырился в прицеле с правильным упреждением, и я успеваю – кажется, успеваю – дать в его сторону всего одну, но хорошую очередь. Только из БС. На ШКАС надежды никакой – расстояние и превышение чересчур велики. И – срываюсь в штопор. Из штопора выхожу легко, свалившись в крутое пике, но с потерей где-то километра высоты. Снова карабкаться, ор ну его нах?

Однако йес! Что-то я ему, кажется, все же повредил. Похоже, правый движок. Выхлоп из него стал погуще, и, определенно, это уже не только выхлоп. Выравнивая зашкодившую машину, немец потерял высоты лишь немногим меньше меня и продолжает идти со снижением! Довольно споро, уже через пару минут мы с ним сравнялись, и тут же проваливается еще глубже. Как это мило... Не спеша нагоняю почти бывшего уже фашистского стервятника. Действительно, правый винт застопорен. Что-то там еще и заклинило, скорее всего. Подходя ближе, не забываю насчет осмотреться. И не напрасно. Вдалеке показались «худые». Спереди заходят. С запада то есть. Похоже, «эфной» версии, для «эмиля» большие высоты еще менее комфортны. Видимо, по рации вызвали. Типа: «Шеф, все пропало!» Спешат набирать высоту. Напрасно спешат. Потому что я уже открываю огонь. Обеими гашетками. Со всех соответственно трех точек. Широленные крылья без малого перекрывают весь обзор, хорошо если

⁸² Официальное японское название – «морской палубный истребитель, тип 0». «0» (англ. zero) – последняя цифра года принятия на вооружение, 1940-й, по японскому летоисчислению – 2600 г. Полное фирменное название – Mitsubishi A6M («А» – истребитель; «6» – модель; «М» – Mitsubishi). Легкий (взлетный вес порядка 2500 кг) палубный истребитель, выпускался с 1940 по 1945 год, всего построено 11 000 единиц. Имел превосходство над самолетами союзников до конца 1942 года. В 1943 году союзные истребители превосходили А6М по огневой мощи, бронированию и скорости, а также сократили отставание по маневренности. К 1944 году окончательно устарел, но продолжал производиться. В последние месяцы войны использовался для атак камикадзе. Помимо прочего, характеризовался феноменальной (для такого крохи) дальностью полета (свыше 3000 км), которая, впрочем, достигалась лишь при условии высокого мастерства пилота.

метров тридцать до него, а то и ближе. Прекрасно видно, как мои недлинные очереди проходят по фюзеляжу к гермокабине, оттуда всплеск осколков, и, кажется, все...

Едва успев отвернуть от мгновенно утратившего всякую удаль «восемьдесят шестого», наблюдаю «мессеры». Их четверо, и они почти подо мной, все еще торопятся набирать высоту – зачем? Здесь я король! На восьми-то тысячах... Спокойно выполняю плавный вираж со снижением, заходя в хвост. Скорость сразу скакнула хорошо за шесть сотен. Нагоняю, как стоячих. «Мессеры» тоже хотят в вираж, и онный у них получается, но уж больно вялым. Легко ловлю ведущего верхней пары, он сумел подняться заметно выше ведомого, и никто не мешает мне пройти по нему тройной очередью. Краем глаза вижу, как ведомый, пытаясь завиражить покруче и приподнять нос, сваливается в штопор. Теперь он жертва. Иду за ним в крутом пике – и тут... Стоп! Винт пошел враскрутку, и движок вдруг загрохотал ведром с болтами. Чертов винт... ВИШ-22 Е... при резком пикировании раскручивает движок сверх допустимых оборотов... Недостаток известный, но реально устранять его начали только с июля. Сего 1941 года. Проклятый склероз!!! Да еще тот взвизг, на высоте. Явно не к добру был. Краем глаза успеваю заметить, как к беспомощно штопорящему немцу метнулась зеленая молния. Фролов...

Но мне сейчас определенно не до забав с «мессерами». Движок погромел-погромышал, да вдруг и встал. Горючка? Или... Горючки мало, меньше пятидесяти литров, к тому же, если память не изменяет, там был «мертвый» запас, где-то литров двадцать пять. Недостаток конструкции баков... Но совсем кончиться не должна бы еще. А планируем мы, конечно, аки тот топор, что по реке... Скорость очень высокая, в смысле, обе, и вертикальная, и горизонтальная, а при попытке как-то сбросить норовим в штопор свалиться – только этого не хватало. Еще. Как садиться бум? И с работающим-то движком еще та проблема, а с планирования – верный крест. Точнее, звездочка. Фанерная. Сейчас вроде такие ставят. Или будут ставить. На могилах. Попробуем-таки запуститься. Давление в пневмосистеме есть. Пока. Раз! Молчание... Еще раз! Опять тишина... Высота уже меньше километра, не прыгнуть, да и как прыгать на такой-то скорости... Ну, и последний! Оп! Замолотил, замолотил, миленочек, застучал, пусть с перебоями и неровно как-то, но потянул-таки машинку мою к аэродрому, который вот он, передо мною уже. Ну же, давай, не молчи, лучшего масла тебе или чего там еще... сейчас лишь бы цирковой номер с посадкой удачно исполнить, и все... только б не заглох!

Заглох... Но когда уже сели. Нет, шикарная машина «миг», во всех почти отношениях, но когда в небе, а вот посадочка – не дай бог... На всяких-разных попробовать успел, и едва ли второе такое вот уежище – из серийных, разумеется, машин, – сразу вспомнить смогу. Включая самые хамские из реактивных. А маслица движку зря обещал. Сдох движок, определенно. Еще бы, на таких режимах... Вопреки всем инструкциям.

По инерции успеваю лишь отрулить в сторону от ВПП. До стоянок еще метров триста надо бы. Ну и черт с ним. Главное – жив. А немцы – нет. Joder!⁸³ Маску кислородную забыл снять. Эйфории, однако, не наблюдается. Похоже. Слишком мощный стресс. Потребление оксиджена дикое. Организмом. Весь из себя мокрый из кабины. Мимо урчит мотором Фролов. Пока тот вылез, догоняю. Матерится. Весело так, впрочем. Двух «мессеров» завалил по ходу – того, что штопорил, и ведомого нижней пары – а третий, падла, ушел. И все потому, что послушался сдуру балбеса-ведомого да и заправил баки на полшишечки всего. Прерванный акт! Ах, какое разочарование... Бывает, впрочем, и хуже. Неизмеримо.

Но докладывает Бате уверенно и радостно. Батя тоже доволен. Улыбается. Не расстроило даже мое сообщение о каюке движка. Лишь качнул головой вправо, смотрю, там Петрович. Добрался-таки. Уже. Неужели он с того побитого «мига» еще и движок снял? С него станется... При всех недостатках, которые, вообще говоря, и не недостатки вовсе, так, некоторые особенности... особенно если дам его спросить, не из числа жен, разумеется... Спец он блестящий.

⁸³ Испанский, в данном контексте – грубое ругательство. Звучит как «ходер». Что-то вроде «Твою мать!».

Супер. Повезло мне с ним. Если бы не он движок изначально регулировал, ни за что не достал бы немца. По максимуму тысяч двенадцать, наверное, было. «Миги» так высоко не летают. Ваше-то.

Короче, мне пока отдыхать. До завтрашнего утра Петрович, какой он дока ни будь и как ни уютен «миг» для ремонта, всяко не управится. Батя велел еще в порядок себя привести. Но без протокольности в физии, с улыбочкой так... На вещевой склад, мол, не желаете ли прогуляться, товарищ будущий лейтенант? Представление, что ли, отправить успел? Впрочем, мне это монопенициально. Глубоко.

Прогулялся. На складе мрачный старшина-сверчок⁸⁴ выдает все, чего душа пожелает. Все запасы вывалил, какие есть. И летнее, и зимнее, и обувь хоть каку хошь. Много у него, оказывается, чего есть. Обычно как ни придешь, так ни хрена нету. А тут... Все равно жечь. Но как-то вот не хошь. Куда это все? Взял, короче, обычное обмундирование и полетное. Бельишко, разумеется. Пару комплектов. С портянками. Менять. А то аж псиной прет. С 22-го того самого числа аж только что обтирался да ополаскивался, потел же как не знаю даже кто... Сильно потел. Ну, и этого Костикова крестьянская душа точно ну никак не могла выдерживать, конечно... Сапоги хромовые. Для высшего комсостава. Две пары. Дожал-таки. В унисон с жабой моей. Врожденной. Спелись, блин. Потянулся было еще и за меховыми унтами... Но тут я не дался. До холодов еще дожить надо...

Потом в баню мотанул. Баня нормальная, парилка внушает, но мыться из шаек. Душа не предусмотрено. Ну и ладно, все равно кайф. Даже без пива с квасом. Споласкиваюсь-таки по-быстренькому, чтоб обед в ужин не превращать. Проголодался, однако...

Кормлюсь почти что один, поскольку остальные уже. Ста грамм не положено – только вечером, полагаю. Да и не фиг приучать себя к дряни. Прилипчивая штука. Начнешь, так потом и не отвяжется. Поймал на себе заинтересованный взгляд поварихи. Здесь, в Кобрине, женщин довольно много в службе. Ну конечно. Не полевой, чай, еродром. А довольно-таки ничего себе тетенька. Корпулентная такая вся из себя, но вполне приятно обтекаемой аэродинамической формы. Лет под тридцать. Пусть Костику и старуха, а мне так просто в самый раз. К тому же типаж очень даже знакомый мне. В превесьма приятной связи. Субтильная худосочность хрупкой комплекции моей всегда вызывала у таких вот «русских красавиц», и не только, что-то навроде материнского чувства. Которое сублимировалось иной раз весьма своеобразно... Первый раз еще в школе... под конец... училка была, по физре... крепкая такая, рослая... из гандболисток, сначала подумал было, оказалось, волейболисточка. Метр и еще где-то под девяносто симпатичных довольно-таки сантиметров. Все тормозила меня да тискала, потом вдруг как-то раз – а вот они, ручки-то⁸⁵! Впрочем, испугать не получилось. Не отягощенная целомудрием и комплексами дама оказалась. И продолжения не было. Так, эпизод. Впрочем, и для меня тоже. Девочки в классе любили учительствовать. Некоторые. Нет, чтобы я пользовался каким-то особым успехом у женщин, не скажу. Скорее, пожалуй, наоборот... Просто надо реально уделять внимание, а не распускать павлиний хвост. Тогда временами удастся ловить моменты, когда тебе сказали «да». Или хотя бы «может быть». Глазами или еще чем.

Сходив за добавкой, вслух восхитился статью. Чую, есть контакт. Надей зовут. Значитца, на вечер надежда есть – извините за каламбур. Спросите, а как же Варя? Ну что Варя... жалко Варю. До боли, до слез. Костик бы точно еще с полгода канючил. У меня же иной опыт. Жизненный. Привычка к потерям. Имеется. Не дай вам бог ее приобрести.

Допивая компот, наблюдаю цырика. Вестового. Есть такая должность в этом времени. По мою душу. Батя кличет – соскучился, что ли?

⁸⁴ Сверхсрочнослужащий.

⁸⁵ Родители забыли забрать Вовочку из детского садика, и дежурной воспитательнице пришлось уложить начинающего мерзавца спать с собой, поскольку тот, типа, боялся один. Воспитательница: «Вовочка, прекрати играть с сосочками! Вовочка, вынь пальчик из пупочка! Вовочка, это уже не пупочек!» Вовочка: «А вот они, ручки-то!»

Оказалось, не просто соскучился, а очень, ужасно соскучился. Жить прям-таки без меня не может. Поскольку теперь у него смешанный не поймешь что, то ли полк, то ли бригада, то ли не особо поредевшая дивизия. Возможностей много появилось, и аппетиты насчет фрицам насовать тоже выросли, неадекватно даже, я бы сказал. Короче, от Катилюса мотоциклист прикатил, на трофейном «цундаппе»⁸⁶ – надо же, разжился уже, и когда только успевает все, в смысле, и контру ловить, и технику хапать, и все такое прочее – и сообщил, что колонна танков и мотопехоты в направлении нашего аэродрома движется. С севера. Видимо, тормознувшись по центру, у крепости, в смысле, вермахт, по своему обыкновению, зашел сбоку, и ежели его как-то не укоротить, то через час подойдет и устроит здесь такой шухер, что скучно уж точно не будет. Передовые группы хлопцы Катилюсовы, юные волкодавчики, попрिдержали. Засадами. Но совсем ненадолго. «Чайки» тройкой слетали уже, с бомбами да РСами, насчет посмотреть, ну, и штурмануть, конечно, ежели дадут... Видимо, не дали. Поскольку ни один не вернулся.

На аэродроме же совершенно случайно завалилась, а точнее, застоялась тройка Ил-2. Откуда они здесь взялись – черт не разберет. Скорее всего, это те, что в 74-й шап должны были поступить. На перевооружение. Часть успела улететь, да так и сгинула. Эти же остались. Вообще-то, насколько помню, машина считалась до того секретной, что их доставляли и собирали в присутствии энкавэдэшников. Даже наши истребители с зенитчиками силуэта не знали. Как и Су-2, впрочем. Что не раз оказывалось чреватым. Вон и у Покрышкина едва ли не первым сбитым, точнее подбитым, аккурат Су-2 оказался. Свой то есть.

Однако, как выяснилось, Батя с Фролом каким-то образом умудрились облетать уже и это чудо. Не имей, как говорится, сто рублей... Специально, вспоминаю Костиком, мотались куда-то на У-2. Два веселых гуся...

Таким образом, на две машины экипажи есть. Но на Руси всегда все на троих делается. Словом, имея в виду последние успехи и крайние достижения... Не приказывают и не требуют, а просят. Но так просят, что не отказать. По умолчанию. Вот ведь задачка-то...

Машинка эта, Ил-2, знакома мне неплохо. Не тому мне, который Костик, разумеется, а который я. Едва ли не первый реально вменяемый симулятор. И уж точно первый, переделанный в шунтовый. Испытанный, разумеется, мною. Других поначалу просто не было. Испытателей. Поскольку первый церебральный шунт, проводной тогда еще, аккурат к тому времени появился, когда я очухался после перелома спины. А тут у дедули как раз перерыв вышел. В его обычных занятиях. Ну очень своеобразных. Расстроился, конечно. Обустроил меня, как мог. С друзьями-знакомыми законтачил. А они у него повсюду имелись. И на всех уровнях. Секретности. Поскольку разработочка та поначалу вовсе не открытой была, отнюдь. Ну, и приткнул. По-родственному, да еще и по знакомству. Впрочем, не только. Подходил я им, как никто. Во-первых, никуда не денусь и никому ничего не разболтаю. Поскольку даже жую-глотаю только со стимуляторами. Мышечной активности. Во-вторых, делать мне вообще по жизни нечего было, кроме как функции шунта этого самого чертова осваивать. А дело это совсем не простым оказалось. Особенно поначалу. И, наконец, в-третьих, способность к ориентации в пространстве

⁸⁶ Мотоцикл фирмы «Zundapp» с двигателем объемом 750 кубических сантиметров был разработан в конце 30-х годов и принят на вооружение Вермахта под маркой KS-750. Предназначался для движения по тяжелому бездорожью, обладал повышенной проходимостью и маневренностью. Имелась система регулирования подвески колес в зависимости от состояния грунта, система «экономического хода» без перегрева двигателя (на скорости 3,5 км/ч в условиях вязкой грязи), зажигание от магнето и резервный фильтр бензобака (позволял продолжать движение при пробитом баке). Преодолевались мелкие водные преграды с погруженным в воду двигателем. Коляска мотоцикла имела торсионную подвеску, привод и тормоз колеса от задней оси мотоцикла. Слева и справа на кузове крепились сумки с боеприпасами, а в передней части – установка для пулемета. «Zundapp» с коляской, несмотря на большой вес, был прост в управлении и надежен в эксплуатации. Еще использовался аналогичный BMW R 75, около 70% их частей были взаимозаменяемыми. Вопреки распространенному мнению, советские тяжелые мотоциклы (М-71) для РККА вели свое происхождение не от KS-750, а от BMW R 71, лицензионное производство копий которого было, относительно задолго до ВОВ, совершенно официально развернуто в Горьком (ныне Нижний Новгород). Разумеется, похожи, естественно, под сильным влиянием, но и К-750, и МВ-750, и Днепр-12 – самостоятельные советские конструкции 60-х годов.

никуда не делась. Это ж в мозгу. А мозг – единственное, что у меня оставалось. Нормального. К тому времени. Уже. Так я и стал вроде как первым. Полагаю, не так чтобы вовсе совсем. Сколько-то смертников из осужденных... ну, после того последнего китайского предупреждения... наверняка было. Как основные функции освоили, именно Ил-2 – там, впрочем, много разных машинок было, – и приспособили первым под шунт. Шунтовый интерфейс «мозг-компьютер», если полностью. Примитивный, почти без бэкграунда, потом стали делать намного лучше, от реальности иной раз почти неотличимо. Руки, ноги, глаза, все тело – полная иллюзия. Даже нос чувствует, мышцы будто напрягаются и нагрузки с перегрузками воспринимаются, будто вживую.

Потом, когда я одно время снова занялся было «илом» этим самым, совсем другой уровень стал. Но поработал я с ним и тогда очень даже вплотную. Правда, в варианте с ВЯ-23. Пушки такие. Калибра 23 мм. Пусть и не так чтобы очень долго... Это когда с Вилли поспорил на десять – виртуальных, разумеется, – щелбанов, что через пару месяцев смогу на «иле» сбивать его «худого». «Ил», кстати, одноместный был, как наши здесь, а «худой» – «эмилем». Проиграл, разумеется. «Ил» он и есть «ил». Утюг. Но из десяти схваток в двух подловил-таки «худого». И четыре вничью закончились. Горючего и боеприпасов не хватило. У «эмиля». При явном, впрочем, преимуществе оного. Ну конечно. Истребитель все-таки. Тем более с Вилли в кокпите. Неслабый паренек был. Или будет. Или нет. Теперь.

У «ила» одно преимущество – великолепная платформа для применения вооружения. Как америкосы гуторюют... или гуторили – *shooting platform*. На пилотирование можно отвлекаться по минимуму, потому как утюг, и все внимание – на стрельбу. Ну, и сброс бомб. Впрочем, бомбового прицела у него нет, да и потом не стало. Хотя так ли уж он нужен – с пятидесяти-то метров да по длиннющей глистяке колонны. Ну, и прочность, конечно. И все же... Наши гордились – мол, 36 тыщ понавыпускали, самый массовый... И это лишь до 44-го года, когда его Ил-10 сменил. Однако есть у этой приятной цифири и реверс, так сказать. Не столь приятный, как водится. Потери были... Жуткие. Читал, в начале Героя давали уже за десять боевых, до 1943-го – за тридцать, и только после 1943 года этот ценз увеличили до восьмидесяти. Правда, конечно, и пилотов на него сажали не таких, как я. Совсем зеленых. Обучение по принципу «пять взлетов – четыре посадки», и вперед...

Просчитав в уме всю эту далеко не радужную перспективу, попытался было я – сдуру – вякнуть насчет того, что, мол, я-то всегда готов, аки юный пайонир⁸⁷, однако Бате не следовало бы, поскольку он наше все, ну, почти как Пушкин (этого не сказал)... Но в ответ тут же заполучил такой взгляд двух сталинских соколов на бэдну утицу шизокрылую, что тут же заткнулся, и – «ухожу, ухожу, ухожу!»⁸⁸. У Костики аж чуть сфинктер не засбоил, хорошо, что уже... Перед тем как подойти то есть. Забежать успел.

В общем, как бы то ни было, я уже в кабине. Довольно просторной, кстати. По сравнению даже с «мигом». Стрелка сзади нет. Почему вместо двухместных сначала одноместные принялись выпускать – ума не приложу. Какие-то происки наркомафии, что ли. В смысле, дрязги в наркомате. И вообще затея эта не очень мне нравится. А если точнее, очень не нравится. Что-то такое нехорошее вспоминается мне насчет этих самых «илов» из первых серий. Радиостанция вот, гляжу, есть – но не работает. Впрочем, на фиг не нужна. И вообще...

Фролов по-быстренькому объясняет, что и как. Костику. Я же пытаюсь тактично натолкнуть его на мысль, что не можно забыть про переключение электросбрасывателя. С бомб на РС то есть. Вспомнил, была поначалу такая вот фишка. Забывали многие. Потом вроде как

⁸⁷ У пионеров, кто не помнит, реально был девиз, ну, и приветствие – «Будь готов!». И отзыв: «Всегда готов!». К чему – отчего-то не уточнялось. Зато пафосно как...

⁸⁸ Про того же Вовочку. Учительница притащила в класс произведение искусства. Что-то типа «Рождение Венеры». И принялась пытаться народ, что ему в сем произведении нравится: «Петя!» – «Ну... сисечки...» – «Выйди вон из класса! Васютка!» – «Эт... попочка!» – «Выйди вон из класса! Вовочка!» – «Ухожу, ухожу, ухожу...»

разнесли эти функции. Фролов было вякнул в ответ: «Будешь тут учить!», но, вижу, вял. И к Бате подошел. Пошептались.

Однако взлет. Сразу тройкой. Топлива минимум, зато бомб 500 кг, плюс РСы по полной. Вслед за целой шоблой прочего летающего имущества. Батя все поднял, что можно было. Кроме дежурных звеньев. Часть на расчистку неба, часть на прикрытие, часть на штурмовку. Грамотный он мужик. Эх, не надо бы ему больше боевых вылетов, тем более на этом...

Гробина бронированная, в перегруз, к тому же ползет вверх медленно. Впрочем, более полукилометра и не надо. Леса вдоль дороги проносятся быстро. До места, по птичьему ежели полету, километров тридцать, пожалуй... то есть меньше 10 минут. Пока летим, вспоминаю пару забавных моментов... От которых холодом по хребту. Смертным. Пушки ШВАК, оказывается, мертвый груз. Поскольку сплошные задержки, устранить причины которых удалось лишь позже. Во вторую половину года, что ли. Этого. Дожить бы. Впрочем, снарядов данного калибра – только те, что в «илах» уже были. По БК, и все.

Сверху Ил-2 первых серий не защищены броней, поскольку предполагалось прикрытие истребителями. Наверное, по этой же причине и стрелка убрали. Посадить бы сейчас тех наркоматовских мыслителей на наши места... В общем, зашухарились. Мы с Костиком. Как Батя с Фролом – не знаю.

Впрочем, время. Батя, идущий чуть впереди по центру, повел на снижение. Впереди сверху собачья схватка, «ишаки» с «мессерами» схлестнулись нешуточно. У наших должно получиться – в данной ситуации «ишак», пожалуй, даже получше «худого» будет. For sure. Впереди полого пикируют «чайки». Колонна растянулась на несколько километров и стоит. Танки, грузовики серой лентой. В крапинку. Фрицы шустро разбегаются в стороны. Местами уже горит. Хорошо так, с черным траурным дымом. Мы же заходим с планирования... откуда Батя узнал или как понял, что именно так и надо, – ума не приложу. Интуитивист, блин. На минимуме скорости бросаю бомбы. По колонне. Метров с пятидесяти. Задержку на пять секунд ставили. Так что теперь вираж – и РСами. Впрочем, поспешишь – людей насмешишь. Не тех к тому же, кого хотелось бы... повеселить... таким вот образом. В общем, Батя с Фролом уже отвиражили, прошлись РСами и снова заходят, а я только навстречу. РСами. Ножницы. Мужики опытные, должны разобраться, что к чему.

Нормально. Разошлись без очередей друг по другу. Хотя такое чувство, слышу, как в кабинах матерятся. Радио не требуется. Уши и без него вянут, от одного уже интуитивного восприятия ситуации. Свертываясь в трубочки. Когда, к примеру, на грабли наступишь, выбор выражений и правда не так чтобы очень велик...

РСы, однако, хорошо пошли. В кайф. Снова вираж, и опять ножницы. Отоно-о-о! Ради чего все и затевалось! Пара «худых» вывалилась из «собачьей схватки», оторвалась от «ишаков» и заходит теперь на совершенно незащищенных сзади убогих уродцев, всецело увлеченных пулеметной стрельбой по пехоте вкупе со словесными испражнениями касательно заклинивших пушек... Ну, на то, чтоб чуточек носик приподнять, и у «летающего танка», чай, маневренности хватит. О как хорошо – даже и ШВАКи не сразу заклинило. То есть левый патрон после пяти где-то, а правый вполне приличную очередь выдал. Ведущему очень даже хватило. В ключья. Ну, и ведомого, похоже, напугал до запачканных подштанников, ежели и вовсе не зацепил. Разворачиваюсь снова, прохожусь по колонне, правую, конечно, тут же тоже заклинивает, потом вираж, чтоб курсом на аэродром, еще разок по колонне, и аккуратно успеваю пристроиться к Бате с Фролом. Смотрю, там еще «чайки» штурмовать заходят. С И-15-ми. Откуда то и эти приبلудились. Нам же пора. Десяток минут – и посадка. Садиться на «иле» вполне комфортно. Не так чтобы вовсе фонтан, но с «мигом» точно не сравнить.

Нормально заехав на стоянку, с которой вылетал, наскоро осмотрел драндулет. Досталось совсем чуть-чуть. Пулями обычного стрелкового калибра – у немцев 7,92 мм, если память не изменяет – пара попаданий, и совсем чуток осколками. Не горит, не дымится и даже не течет

ничего. Может быть, даже и к сожалению. Совершенно не понравилось мне на этой штуковине. Летать. Не то ползать без малого на брюхе.

Чую, сзади подходит Фролов. Хлопает по плечу. Не слабо так.

– Спасибо, выручил. А я уж думаю – чего это Костик, с ума спрыгнул, что ли? Ну, думаю, сядем – задам щеглу. Тут вдруг пули по хвосту как защелкают, защелкают, а потом раз – и перестали. Молоток, здорово придумал.

– Да какое там придумал, – отвечаю, – новая ж машина, рулей не так слушается... как «ястребок».

Только так. Скромнее надо быть. Многия слава – лишнее внимание. И зависть. Ничего хорошего. Опыт и такой, увы, имеется... В наличии.

К «илам» нашим тут же заправщик примчался, еще какие-то грузовики, технари забежали. Вылет, как я понял, по готовности. Батя на КП ушел, уточнять что-то. Приказываю оружейникам избыточно смазать ленты ШВАК и механизмы подачи. Всем. Поскольку в нашем деле каждый шанс не лишний. Даже доля шанса. На аэродроме суeta, вой моторов, непрерывно почти садятся, то взлетают... ну, и конечно, заправляются, бомбы с РСами подвешиваются, и все такое прочее. Нормальная боевая жизнь. Воронок еще прибавилось, а почти на полетном поле кадавр появился с крестами. На хвосте и на фюзеляже. «Хейнкель», похоже. «Сто одиннадцатый». Насколько помню, тот больше как дальний работал. Не от хорошей, наверное, жизни фрицы его на аэродром с боеготовой ПВО отправили. Да, засбоила машина немецкая... Надолго ли?

Впрочем, Люфтваффе никогда не были лучшими. Неплохими, даже хорошими – да. Но ничего сверхъестественного. Вот сухопутные силы у них и точно были изумительные. Лучшие в мире тогда, вне всякого сомнения. Причем намного лучшие. В мое время все споры велись – как, да что, как получилось и почему так вышло... Танки с самолетами считали, графики вычерчивали, Осю поминали недобрыми словами. Профукал, мол. Первый удар. Но ведь и французов тоже, причем за два года до, когда Вермахт в полную силу не вошел еще, к тому же лягушатники были в состоянии войны уже, и раз – буквально за месяц! Опять же, радиосвязь. У немцев что танк, что самолет без рации просто не считались пригодными для боя. Так что получилось – наши еще и наполовину вслепую. О чем тогда вообще можно говорить?

Так что честь и хвала предкам, что эдакую скотину уконтропупили. Какой бы ни было ценой, а к середине войны научились воевать. У немцев. И школа та настолько хорошей была, что как ни старались потом армию раздербанить со всех сторон, а нужда появлялась – и вот она вам, опять легендарная и снова непобедимая. Что в 2008-м, как малая репетиция, что при последующих больших делах, что, пожалуй, года с 16-го уже начались, если по большому счету... Средняя Азия, опять Афган, по стране, опять же... Поднялись да и вломили – откуда только сила взялась. Впрочем, с основными «партнерами» побуцкаться так и не довелось. Не стало их уже к тому времени, когда и до них могло дело дойти... Ну, не очень-то и хотелось.

У нас, кстати, с радиосвязью тоже не так чтобы очень здорово было. Нет, по личному составу как раз нормально. На дивизионном то есть уровне. Лучших призывников в батальон связи. Отдельный. Право первой ночи. Выбора то есть. И у прочих связистских подразделений. Не оспаривалось никем, в ВДВ во всяком случае. А вот аппаратура... Мохнатых годов прошлого века разработки. Причем и тогда не катила. Потом пытались что-то наладить, но уже даже и элементная база не выпускалась. В стране. Так что каждый как мог выкручивался. Мы, к примеру, с Серым на те баксы, что в ущелье том сняли, ну, с трупиков, Kenwood'ов прикупили. На весь взвод. Не из альтруизма. Просто жизнь дороже. Обычно первая покупка разведчика была – сразу как деньги появились – не жрачка, не бабе цветы и не дитям мороженое. Шузы нормальные. В берцах лишь совсем молодые шлепали. Радиостанции те, Made in China, разумеется, тоже не раз нас выручали. Нормальные штучки. Легкие, дальнобойные, аккумуляторов надолго хватало, по частотам, опять же, скакать умели, и даже режим засекреченной

связи. Криптостойкость, конечно, близкая к нулевой – но в тактическом звене, дивизионной разведроты то есть, важнее оперативность. Америкос тот, кстати, и в этом подкузьмил. Одни карточки. Серый потом чуть не всю дорогу ворчал, куда их ему засунуть следовало. Бы.

Потом, когда с немцами окончательно закорешились, ихние станции пришли. Так замкомроты по связи с комвзвода связи потом с месяц, наверное, глупо улыбаясь, ходили. Счастливые. Почему-то до этого и корабли закупали, «Мистрали», к примеру – пригодились, кстати, – и даже бронетехнику не запахло считалось, при том, что своя была очень даже ничего, а то и вовсе лучше, а о радиостанциях даже и речи не шло. Мистика. Штабная.

Оп, Батя вернулся. Нам опять в небо. Немцы, натурально, сразу по нескольким рокадам⁸⁹ двинулись. Одну колонну с нашим участием приглубили, другую без нас, но надо еще одну придержать. Кровь из носу. Ох, не нравится мне этот «летающий танк»! Покрышкин тоже от него далеко не в восторге был. Тому одного ознакомительного полета хватило. Ас.

С какой-то особенной неохотой отрывается тяжкий бронейщик мой от земли. Будто невмощно ему. Неохота. Как тогда «птичка»... Впрочем, сравнил жопу с пальцем. То «птичка», а то эта колымага неподъемная. Впрочем, летим. Левою плоскостью в закат. Уже от аэродрома наблюдаю суматошно кружащиеся в темнеющей синеве точки. На подходе становятся видны дымы, пламя и трассы. Там тяжело. Всем. Совсем скоро впереди колонна, поменьше предыдущей, но тоже солидная. От нее уходят И-15. Бисы. Отработали, выходит. В голове дым, в хвосте огонь, середина яростно отстреливается. Похоже, в этой много ЗСУ⁹⁰. Неподавленных. Их со второго-третьего захода. Бомбами же по скоплению ближе к голове. Там, похоже, даже автобус какой-то мелькнул. Штабной, что ли. На обратном заходе опять, как в прошлом, строю ножицы. Автобуса уже нет, даже если и был. Лишь воронки сплюшь. Дымятся. Пускаю РСы, стараясь угадать по стреляющим навстречу. Эрликонам. Снаряды-пули шмелями вокруг. Очень страшно. Еще трассы выше. Батя с Фроловым. Ответная любезность – «мессеров» с хвоста стряхнули. Моего. Чу, да за Батей, кажись, тянется... Прохожусь из всех стволов. Вдоль по колонне. Ничего не заклинило. Кажись. Смазка, видимо, помогла. Навстречу Фрол, Батя за ним почему-то. Отстает. И дым. Белесой полосой, но уже и черное, вроде как с искрой, проскальзывает. Надо набирать высоту и прыгать. Разминулись. Вираз, и еще заход. Крайний. Фрол кружит вороной над разоренным гнездом, а Батя... Будто медленно-медленно, как тогда, над аэродромом... У меня. Ощущение было. Пристопорившегося времени. Растекшегося... Весь объятый пламенем, в голову колонны. Где танки. По трем, рядом стоявшим, огнем размазался. Все.

Пристраиваюсь к Фролу. Курс на аэродром. Привычно кручу головой. Сзади сверху и правее валяются «сто десятки». Четыре гаврика. Двумя парами. Довольно далеко еще, но куда мы на этих гиппопотамах в гостиной денемся-то. Прикрытия не видно. То ли ушло, то ли повыбило, не то боем связали. Ладно, вспомним боевую зрелость. Былую. Выждав, когда совсем приблизятся, в прицелы поймают и на гашетках пальчиками припотееют, аккуратненько так опускаю закрылки. Они в принципе для посадки, и ежели хоть чуток перетянуть, заклинивает. Тогда – земля пухом. Но у меня когда-то получалось...

Вот и теперь. Но до чего ж все-таки затягивает любой маневр, чертов тормоз... Воистину, будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса! Однако замедлился, и нос

⁸⁹ Рокада – путь, ведущий приблизительно параллельно линии фронта. В данном случае – линии границы. Поскольку линии фронта как таковой не было еще.

⁹⁰ Зенитные самоходные установки (ЗСУ) широко применялись Вермахтом с самого начала ВОВ. Преимущественно с 20-мм или 37-мм автоматами. Пушки 2cm Flak 38 и др. часто (ошибочно) называют «Эрликонами» (Oerlikon, изначально немецкая фирма, швейцарская с 1924 г., ее автоматические пушки, как родные, так и лицензионные, действительно широко использовались по обе стороны едва ли не всех фронтов на суше, на море и в воздухе), хотя на самом деле это Rheinmetall. Стандартной базой изначально стали полугусеничные тягачи D7 фирмы Demag, но была масса установок на самоходной технике иных типов, включая трофейную. Имелось также немало пулеметных установок, обычных и крупнокалиберных, спаренных и счетверенных. По ходу войны количество ЗСУ в Вермахте постоянно росло. В РККА тоже имелись, но мало.

чуть кверху задрался, трассы спереди прошли, а ведущий фриц в прицеле. Очередь – есть! Крыльевые пушки все ж таки мощная штука. Но на ведомого уже не хватает – заклинило, а пулеметами ему в брюхо с этого ракурса – что щекотка. Впрочем, нормальному человеку и первого не успеть бы. Только после сотни отработок на симуляторе. На голых инстинктах, даже без рефлексов совсем. Следующая пара проскакивает. Не успели скорректировать прицеливание. Однако, когда нос опускаю, Фрола уже нет. Как корова языком слизнула. Только что вот маячил впереди... да так и сгинул.

Не до переживаний. Тройка оставшихся свиражила и снова заходит... Будет жарко. В этот раз труднее придется. Ученые уже. Сначала, разнообразя финты, пытаюсь уйти скольжением, но скользит эта хрень, как корова на льду, с жутчайшей инерцией, потом, вжавшись спиной в бронеспинку, спаси-сохрани, пытаюсь повторить фокус с закрылками, удар, удар, еще... без конца, принимаю на себя попадания... кажется, и пушечные тоже. На долю секунды впадаю в ступор, беспомощность буквально убивает! В лицо хлещут струи раскаленно-жаркого воздуха, фонарь кабины разбит, вонью бензиновой, масла и горючки, сгоревших... кажется, только в двигателе! Пока. И рулей мы слушаемся... опять же, до поры... хотя и плоховато уже. «Мессеры» и хотели бы повторить, но четверка «чаек» уже спешит от аэродрома. Заметили, молодцы! Немцы тут же уматывают. Благоразумно.

Вот уже и аэродром. Шасси не выпускается ни хрена. На брюхо. Хорошо хоть у «ила» колеса убираются не полностью. Толку от них при такой посадке, конечно, немного, но таки ж не голым брюхом по траве да камням. Все словно остановилось, потом удар, подпрыгнули, еще удар, потом множество ударов и толчков, но слабее, занос, очень резкий, все в пыли... быстрее из кабины, может и рвануть, хотя не должно бы...

Таки хорошо быть маленьким. Вжался в бронеспинку поглубже – и не видно тебя. Тетке с косой. Как говаривала незабвенная Денис, «Small man better than big 'cause make the same but eat less». Потом, погладив по потному «после этого» животу, добавляла обычно: «Make better»⁹¹. Мы тогда в Лубумбаши свалились. Снова независимого тогда государства Катанга. Оно же Шаба. Ставшая совершенно уже обычной к тому времени история. Тамошний папик оборзел окончательно и перестал устраивать больших дядь. Мало было ему всяческие права нарушать, так еще и инженера главного с медеплавильного завода возлюбил. Бельгийца. В сугубо гастрономическом смысле. Но и это сошло бы. Таки. Однако обезьян хотел все больше и больше. Всего. К тому же принялся в сторону Альбиона поглядывать. Бритты-то почти не пострадали. В 19-м. Грипп едва затронул – так, желтеньких проредил, но их там немного было, да и не так чтобы очень при делах. Ни землетрясений, ни цунами. С муслимами своими тоже сумели как-то договориться, опять же, кстати, не так чтобы очень многочисленными. Пакистанцы больше. Бенгальцы. Не арабы и не турки, во всяком случае. Шотландия отавтономилась – Ирландия приавтономилась. Все доминионы, опять же. Британское содружество наций, и все такое. Флот к тому же. Нехилый. Часть штатовского тоже к ним. Присоседилась. Но аппетит, знамо дело, во время еды приходит. Вот и в Намибии с ЮАР тесновато им как-то стало. Захотилось в Шабу. К тому же торолит с колтаном. Местные шаманы аж поверье озвучили – пока всю эту гадость не выкопают, ни мира, ни покоя. Не будет. На ридной негритьяшине. А добра этого там до хрена и больше. По всему Конго – 80% мировых запасов. А это селен и, главное, тантал. Вся электроника на этом. Сидит. Сидела то есть. Или будет сидеть... Неважно. Аки героинист на игле.

В общем, терпение лопнуло. Обезьян, кстати, не потому, что черный. Я в этом отношении абсолютно б/к. Не расист, в смысле. Просто типовая принадлежность. Скотины. И среди белых таких немало, и желтых. Впрочем, среди желтых как раз таки мало. Желтых вообще мало осталось. На шарике. После того американского китайского гриппа.

⁹¹ «Маленький мужчина лучше, чем большой, поскольку делает то же, а ест меньше... Делает лучше». – ломаный английский.

Короче, группа прибыла вполне официально. Рейсом. Вроде как по найму работать. На предприятиях Eurasian Natural Resources Corporation. ENRC, если короче. Восемь не так чтобы очень накачанных с виду пареньков. Я командиром. Старшина, но над двумя лейтехами. В том числе. Тогда это нормально было. Прошли контроль. Получили багаж. Отъехали на такси чуток. Получили снарягу и прочее у давно обосновавшихся там кей-джи-бистов. Гордые эти три буквы им еще в 18-м вернули. Ближе к концу. Не то они сами себе. Озаботились. Вместе с памятником основателю и названием площади. «Лубянка» только метро осталось. Станция. Почему-то. Затем на тех же такси подъехали к аэропорту. Там охрана совсем слабая была. Мы ее... по-быстрому и без шума. Потом с планового, опять же, аэробуса Luftgansa выгрузились две разведроты. Бывшая моя и полковая. Двести семнадцатого. Полчка, в смысле. И с полбатальона разных спецов. Связистов там... Как садились транспортники с прочим пиплом и потом боевыми машинами, мы уже не видели. Поскольку мчались к президентскому дворцу. Надо было папика. Живым зачем-то. Но с этим облом вышел. Когда, обесточив охрану – здоровенных, но бестолково-медлительных мужланов, частью в хаки с М-16, частью в национальном с копьями, типа ассагаев, – ворвались в апартаменты, навстречу выскочила огромная такая негритянка. Шести футов с тремя очаровательными, как впоследствии выяснилось, дюймами. В камуфляже и с автоматом. Вкупе с полным набором обильных женских признаков. Я в нее почти влюбился. С первого взгляда. Ушел в сторону, сшиб подножкой и слегка так пригладил по шейке. Нежно. Не люблю женщин... ну, насмерть. Не то чтобы какие-нибудь там мальчишки кровавые в глазах или еще что... Надо так надо. Но по возможности лучше обойтись... Ствол на меня не направляла, сзади прикрывали, так что... Можно было... пожалеть. Она меня тоже полюбила. С первого удара. Того самого. Как потом призналась. Простая цельная натура. Все на инстинктах.

Короче, папика так и не взяли. Нечего стало. Придурок мало того что бабскую охрану при собственном теле держал, так еще и ее же для реализации своих фантазий использовал. Эротических. Или садомазохистских. Это кому как. Покажется. С аэродрома кто-то успел-таки отзвониться, но попал на начальницу охраны. Денис то есть. Как узнали, что к шефу этот самый, ну, полный который... Лисят полярных там нет у них – откуда, но что-то навроде того... Сугубо африканское. Сурикат, блин, что ли. В общем, незаметно эдак подкрался – отреагировали мгновенно. К нашему подходу там мало что осталось. Он ведь, дурень, и из людоедских племен тоже набирал... Охранниц. Такая вот экзотика.

Кстати, когда у Денис как-то спросил, ну, потом, не из людоедского ли она племени тоже, улыбнулась во все тридцать два белоснежных и проворковала, нежно так: «We don't do it for a long time»⁹². После чего сделала вид, будто извлекает ногтем что-то вроде застрявших волоконца мяса из промеж зубов. Шутка.

Так вот новый презик до того впечатлился нашей шустростью, что упросил посла оставить инструкторами. Сначала на три месяца, потом продлили... Словом, так я до дембеля там и прокантовался. С Денис. Когда улетал, плакала. Но остаться не просила и с собой забрать – тоже. Понимала: здесь не прижиться мне, ей – там. Умная. Сердцем.

Короче, в 25-м можно стало дембеляться. До этого никак. Чрезвычайка. В смысле, положение. Так что два года срочной – год и продлили на год. Потом пятерик на контракте. Тогда всех в ВС согнали, кто с подходящими ВУСами⁹³. С дембеля в том числе. Десантуру всю подчистили, спецов, конечно, погранцов – разумеется, вованов⁹⁴ туда же, мотострелков всяких.

⁹² «Мы этого не делаем уже давно». – примитивный английский.

⁹³ ВУС – военно-учетная специальность. Первые три цифры ВУС обозначают специализацию (100 – стрелки, 461 – коротковолновые, 998 – без специальности, годен без ограничений и т. п.), следующие три – код должности (001 – аккумуляторщик, 497 – замкомвзвода и т. п.), замыкающая буква – особые признаки (Ж – почему-то ВДВ, К – плавсостав надводных кораблей и т. п.).

⁹⁴ Вованы – так называют внутренние войска, ВВ.

Плавающее – все сгребли, откуда можно и откуда нельзя. Танкистов даже... Хотя танки, если память не изменяет, разве что с Турцией использовались. Немного. Ну, против Французского халифата еще... но там больше немцы. Кордовский халифат... совсем чуть-чуть. Подбитые видел. «Леопарды». Вторые. А так... обычно толпу в транспортник, со стрелковым. В Ан-12 старенький под полторы сотни набивалось. При штатных 64-х максимум. Ну, и в остальные примерно так же. И вперед. Но тогда мы вроде как Родину защищали. Пусть даже и в очень широком смысле потом уже. Глобальном. А тут пошли уже чьи-то совершенно левые интересы. Причем, самое забавное, детки те самые, ну, заинтересованных лиц, так в ВС и не попали. Куча болезней и причин всяких у каждого нашлась. Вот я и подумал: а оно мне надо? Предложений много было. Начиная с офицера и заканчивая всяким бизнесом. Послал. Восстановился. Пусть мозги и не те уже стали после всего, но по мне, так лучше быть последним подносчиком снарядов в большой науке, чем каким-нибудь там... бизнесменом, к примеру. Но и это не срослось... Не судьба, значит.

М-да... Сколько прошло, а до сих пор как вживую все... Угольно-черная тропическая ночь, жара, духотища, какие-то вопли, скрипы и насекомые верещания отовсюду, два тела, смыкающихся и размыкающихся с громким чмоканьем от ставшего общим обильного пота...

Когда парни подбежали, все еще пребывал в глубокой задумчивости. Надо же, этот хлам как-то умудрялся еще и лететь! В плоскостях живого места нет, пробоин, кажется, больше, чем целых участков, хвост в мочало, от фонаря одни воспоминания, капот сорвало к чертям собачьим... впрочем, это может быть и при посадке... масло течет, охлаждающая хлещет... Да, живуч, ничего не скажешь. Читал, даже такие вот восстанавливали, причем в полевых условиях. Хотя удобство в обслуживании никогда не входило в число достоинств данного... летательного, скажем так, аппарата. Спасшего-таки мне жизнь. Зачем-то.

Доложил. Шульмейстеру. Он теперь, наверное, за старшего. Пока. Василиваныч лишь лицом закаменел, и щека дернулась. Что-то с Батей его очень крепко связывало, судя по всему. Посмотрел на обломки Ил-2... А чего там смотреть – жечь придется. Впрочем, можно даже и не жечь. Разве что для галочки. Режим секретности, и все такое... Вряд ли тут для немцев хоть что-то интересное найдется. Тем более к ним наверняка и целые попали. Уже.

Дело тем временем совсем уже к вечеру пошло. Сначала в расположение. Затем, прихватив сменное, заскочил еще разок в баньку, благо топится непрерывно, поскольку дрова экономить более незачем. Не тащить же их в эвакуацию. Сiju в парилке, отпариваюсь. Состояние... Словом, вошел в боевой режим. Когда свои вокруг гибнут и гибнут, а ты все жив. Сегодня жив – ну и ладненько, спасибо богам. Завтра моя очередь. Может быть. А пока жив – надо жить.

На этой оптимистической мысли захожу в столовую. Вечером, кажись, водку положено. Мне – довольно много. Триста по стопроцентно подтвержденным плюс фронтовые сто. Однако облом⁹⁵. Я выпрашивать не стал, положился на Костика, а ему о таком обычае ничего не

⁹⁵ 40-градусная водка поступила на снабжение в действующую Красную Армию с 1 сентября 1941 года согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 562. За легендарными ста граммами водки закрепилось негласное название «наркомовские», но идея выдавать на фронте водку, вино и коньяк принадлежит Анастасу Микояну, который никогда не возглавлял наркомат обороны СССР. Впервые «водочный эксперимент» провели еще во время финской кампании. Считается, что 100 граммов водки в день (танкисты получали двойную норму, летчики пили коньяк) в условиях суровой зимы 1939/40 года в Карелии спасли немало жизней. После финской в Красной Армии снова ввели сухой закон. Вплоть до начала Великой Отечественной. Инициативу Микояна утвердили на заседании ГКО 22 августа 1941 года. Текст исторического постановления гласил: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г., выдачу водки 40 градусов в количестве 100 г. в день на человека (красноармейца) и начальствующему составу войск передовой линии действующей армии». Пили не «для храбрости», а скорее для сброса напряжения и зимою для сугреву. Перед боем обычно не пили, даже в пехоте. Не говоря уж про авиацию. Впрочем, бывали и исключения. Особого контроля за этим не было. Впоследствии норма водочного довольствия постоянно сокращалась, ограничиваясь то холодным временем года, то частями, добившимися успеха. Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 22 августа 1941 г. и соответствующим приказом наркомата обороны СССР от 25 августа 1941 г. «О выдаче военнослужащим передовой линии действующей армии водки по 100 граммов в день» было предусмотрено, что *«летному составу ВВС Красной Армии, выполняющему боевые задания ... водку отпускать наравне с частями передовой линии»*. Поэтому летчикам полагалось сто граммов водки каждый день вечером после боевых вылетов. О водке же за сбитых ни в

известно. Может, позже ввели, а может, и вовсе легенда. И ужинают не все вместе. В смысле, эскадрилей там, полком... летным, в смысле, составом. Наверное, такое тоже позже будет, когда все образуется. Хоть немного. А так – обычный ужин. Макароны по-флотски, кетчупа, разумеется, нет – откуда? Хлеб горкой, чай, что-то типа пирожка... Вкусно. Под Надеждиных взгляды. Волоокая – так, кажется, древние греки говорили. В хорошем смысле. Про Геру. Богиню. Земли. Что означало, согласно толковому для бестолковых, с очами большими и спокойными, как бы подернутыми дымкой. Действительно, что есть то есть...

Дождлся, когда освободится. Недолго пришлось. Все отужинали уже – я из последних. Отошли на скамеечку, поговорили. По моей системе, главное – даму разговорить, а дальше все само пойдет. Только перебивать не надо, больше слушать. О собственных же достоинствах врать или даже не врать – последнее дело...

Она замужем была. За летчиком. Тоже истребитель. Погиб в авиакатастрофе. Довольно давно. Лет пять уже тому. В те времена очень высокая аварийность была, народу гибло жуть как много. Настолько много, что нам, в двадцать первом, такое и представить себе трудно⁹⁶. Дети. Двое. Сын и дочка. Сыну скоро девять, дочке пять. У бабушки с дедушкой в Улан-Удэ. В отпуск ездила – отвезла. Непокойно на душе было. Меня еще утром заметила. Повара рано встают – вот она весь мой бенефис над аэродромом и наблюдала. Из-под ладони, наподобие Ильи Муромца с известной картины. Понравилось. Сама-то ведь тоже летала. У-2 и Р-5. Потом И-16 (?!). Пусть и недолго. Дети пошли. Меня подружки показали, когда завтракал. Понравился еще больше. Стройненький такой. Прямо совсем мальчик весь из себя, глазки такие... большие и ясные. М-да... История повторяется. Даже и далеко не во второй раз. Но не для Костики. Потому беру инициативу на себя.

Когда проснулся, рядом уже никого не было.

достоверных мемуарах, ни в приказах ничего найти не удалось. Легенда? Есть приказ о начислении денег за сбитых. А также сведения от ветеранов, что очень часто эти деньги сразу собирались в Фонд обороны. Сугубо добровольно, разумеется. А также что иногда на них покупали спиртное. Но сами – без выдачи.

⁹⁶ «Число летных происшествий в 1939 году, особенно в апреле и мае месяцах, достигло чрезвычайных размеров. За период с 1 января по 15 мая произошло 34 катастрофы, в них погибло 70 человек личного состава. За этот период произошло 125 аварий, в которых разбит 91 самолет. Только за конец 1938-го и первые месяцы 1939 года мы потеряли 5 выдающихся летчиков, Героев Советского Союза, пять лучших людей нашей страны – тт. Бряндинского, Чкалова, Губенко, Серова и Полину Осипенко», – выписка из приказа по НКО – народному комиссариату обороны – за 1939 год. К примеру, даже выдающиеся истребители, первые дважды Герои Кравченко Г. П. и Грицевец С. И., погибли не в бою, а в результате катастрофы и летного происшествия. Нелепо.

День четвертый

Когда проснулся, рядом уже никого не было... Повара рано встают.

Да, есть женщины в русских селеньях. И не только в селеньях. В городах тоже. Попадают. Хотя и реже. Можно поговорить, можно послушать или просто помолчать. Вдвоем. Панацея. Все тревоги, все боли душевные если не вовсе уходят, то смягчаются. Как с мороза у теплой печки. Это, собственно, и есть Родина. Женщины, дети... Родители. Старики. За них воюем. За прошлое, настоящее и будущее. Не за вождей же, усатых и безусых, головы класть. И не за идею. Идей – их вон сколько было... и будет... разных.

Из Надеждиного закутка выбираюсь потихоньку. Она, конечно, человек свободный, в том числе и по понятиям нынешнего времени, – но зачем? В удобства, затем размялся. Потом в казарме хватанул бритву с прочим, заобиходился – и на завтрак. Наде махнул рукой, она в ответ. Некогда.

На построении все еще довольно много народу. Хотя, конечно, первые ряды, где летный состав, поредели не слабо после вчерашнего, надо думать. На предыдущем меня, разумеется, не было, сравнить не с чем, но потери, по определению, были. Нехилые, увы. Где-то, полагаю, невосполнимые даже. Впрочем, рассвет едва-едва занимается лишь, а дежурная шестерка «чаек» уже накручивает километраж синевы.

Перед строем группа офицеров. Впереди майор. Лет тридцати. В летной форме. Светло-волосый, с волевым лицом. Плакатными такие называют. Смутно знакомым. Костику, разумеется. Ростом лишь чуть выше меня, но видно, что крепкий, и такое чувство, будто бы сейчас взлетит, прямо вот так, без всего, от словно переполняющей его энергии. Это с утраца-то. Глаза быстрые, серые. Сразу видно – истребитель...

Оказался майор Сурин⁹⁷. Борис Николаевич. Командир 123-го иап. Прибыл ночью еще, из Пинска. Взамен Бати. Скоренько доводит обстановку. Хреноватенькая, скажем так, обстановочка. Фрицы (хотя здесь их так не зовут еще) автоколоннами остановились на достигнутом – пощипали мы их капитально, с неба то есть, да и мазута кой-какая подошла, – но направляют в нашу сторону разведдозоры. Которые пока перехватываются и удерживаются нашими заслонами, но это пока. Скоро снова попрут. Короче, пора уматывать, да поскорее (все это в моей интерпретации, разумеется, впрочем, Сурин и правда почти не матерится, сурьезный дядечка). В Пинск. Часть технарей и прочих уже смотала удочки, прочие даже не ждут уже зеленого свистка – грузятся полным ходом. На остальные машины пилоты найдутся. С избытком. Из «мигов» – только на два. А их четыре. О «яках» вообще ни слова. Закончив насчет «мигов», комполка оглядывает строй. Три шага вперед.

– Разрешите обратиться? Младший лейтенант Малышев.

– Знаю тебя, Малышев. Молоток. Что скажешь... теперь?

– Предлагаю перегнать «миги» мною и старшим лейтенантом Гудава. В два захода. Обратно на У-2. А потом, если получится, «яки».

– Ты что, «як» пилотировать умеешь?

– Точно не знаю. Но думаю, что смогу.

– Этот сможет, – реплика сзади, от Шульмейстера.

⁹⁷ К 5.00 утра 22.06.1941 г. майор Б. Н. Сурин уже имел личную победу – сбил Bf-109 (на И-153). В четвертом боевом вылете, будучи тяжело ранен, он привел свою «чайку» на аэродром, но посадить уже не смог. Когда его плохо управляемый истребитель вернулся на аэродром, на выравнивании заглох двигатель и при касании земли под углом раскрытый парашют вырвал майора из кабины. Видимо, смертельно раненный, он пытался покинуть самолет, но не хватило сил. Тогда, собрав в кулак всю волю, пилотировал машину до аэродрома и умер при посадке. Борис Николаевич Сурин провел 4 боя, лично сбил 3 германских самолета. За тот день летчики его полка (123-го иап) сбили 30 самолетов противника. В данной реальности немецкая авиация понесла большие потери, и майор Сурин остался жив. На какое-то время.

– Что, Вася, правда сумеет, как мыслишь?

– Думаю, сумеет. На «миге», вон сумел же. Потом на «иле». Толя, покойный, после первого вылета делился – крутил, мол, да вертел так, словно родился на этом самом «иле» и титьку мамкину оттуда же сосал. И из второго вернулся – он один. Даже Фрол – и тот...

Вот так да... А я-то надеялся, шлангом прикинусь. Станиславский – тот, может, и поверил бы. Батя же в этом спектакле не первый год и не последний исполнитель. Был.

– Попробовать стоит, товарищ майор, – с легким акцентом, прибалтским, что ли, Катилюс. Не заметил сразу. «Гэбню» кровавую. Впрочем, где ж ему быть. Самолеты уничтожить, дабы вражине не достались, – его работа.

– Ладно. Так тому и быть. Как делать это получится – есть предложения? У вас?

Ого, уже на «вы». Растем, однако. Пусть это и всего-то лишь по уставу. Однако у нас ведь в армии как повелось, издавна, полагаю: если старший к младшему на «вы» обращается, это обычно к звездюлям неслабым. Пряники же можно и на «ты». И лишь совсем изредка на «вы» – в особых случаях. Например, когда на смерть отправляют. Как нас тогда с тем Босфорским мостом⁹⁸... Аж целый генерал армии... Впрочем, не будем о грустном.

– Мы со старшим лейтенантом Гудава перегоняем пару «мигов». Возвращаемся на У-2. Техники движки заводят, как только У-2 увидят. Мы садимся – и сразу вторую пару. И так далее.

– Так, Игорь Венедиктович, люди требуются от вашей группы, добровольцы, конечно.

Ага, с правого краю от строя технарей со спецями человек десять по гражданке. То есть в рабочих, но кто во что горазд. Видимо, с завода. Те, что «яки» собирали. Выходит интеллигентного вида мужичок, седой и худощавый. Старший, наверное. Инженер.

– Добровольцы все. Но останемся мы с Петром Иванычем. Больше не нужно. Самолеты только заправить осталось, горючкой и сжатым воздухом, боеприпасы же, что были, загружены загодя, как и все прочее. Пока товарищи с «мигами» управятся, мы как раз подоспеем. Ну, и общее обеспечение с нашей стороны непременно потребует. Мало ли что. Только они не облетаны еще. Вы ж сами знаете, горючего не было, да и пилоты заводские не прибыли. К тому же вооружение! Пушки то есть...

– Значит, так, Игорь Венедиктович. Вы мне в Пинске нужны позарез, да и с Москвы запрос уже пришел на вас, еще до начала... этого всего. Оставьте за себя другого... добровольца.

А ведь напрасно иронизирует. И правда, натуральные добровольцы. Вон морды лиц какие. Насупленные, но не без некоторой душевной свирепости. Лишь у пары-тройки неуверенность и страх проскальзывают. Но – строй держат. Значит, проняло. Нас, русских, когда за живое заденет, так мы горы готовы свернуть и тут же трупами лечь. Помню, и в мое время так же было. Потом, когда раскачались. Под русскими понимаю всех, кто так может. За Расаю. Вон Игорь Венедиктович не согласен уезжать, что-то доказывает, аж слюной брызжет, отсюда даже видно. Ну, пока суд да дело...

– Разрешите, – майору, – к машинам?

– Да. Вам с Гудавой вылет по готовности. До Пинска маршрут известен должен быть.

Эдик Гудава лыбится навстречу.

– Что, Костик, один-один?

На мой довоенный еще прокол намекает, чтоб сделать менее болезненным свой. При посадке здесь. Самолубивый, как и все они. М-да... Небось Петровичева шарашка весь день и всю ночь. Раз вся четверка готова. С Эдиком же Костик давно на «ты». В обе стороны. Рубаха-

⁹⁸ В разведотделе штаба 98-й, г. Болград, имелась замечательная склейка того великолепного сооружения длиной, что забавно, ровно одна морская миля, то бишь 1852 метра (мост, разумеется, не склейка). Во всяком случае, мне так сказали. Согласно тогдашним планам это был один из вариантов нашей будущей работы. По которому дивизии суждено было просуществовать ровно сутки после выброски. В самом наилучшем случае.

парень. На грузина не очень похож. Высокий, плечистый, волосом рыжеват, только медальных статей нос чуть крупноват, да и прочие черты лица под стать. Говорит без акцента, разве что когда колориту добавить хочет. Впрочем, он и не грузин. Мингрел. А мать так и вовсе русская. На «ты» же, потому как у Костика с ним общие похождения были. В Белогорске еще. По женской части, до которой Эдик великий охотник. Только, в отличие от Петровича, довольно разборчивый. Без грубости, впрочем, и хамства. Цветочки, ухаживания... Чуть на губу⁹⁹ тогда не загремели на пару, за что – нет времени вспоминать. Как убегали по крышам да закоулкам и все такое прочее. Летчик, впрочем, отличный. Сбитыми на Халхин-Голе еще отметился, потом в Финляндии, да и здесь уже есть. Причем как раз «худого» уговорил, если память не изменяет.

Теперь вместе шагаем к своим «мигам». По травушке-муравушке. Сапоги мокрые и низ комбеза от росы – насквозь. Петрович и Ко сняли уже с двух маскировку и заканчивают подготовку к взлету. К «якам» неподалеку вся толпа гражданских галопом протопала. Тоже готовиться будут? Кому? Пока рассаживались по кабинам, подбежал коренастый капитан в летном. Что-то сказал Эдику и тут же умчался к «якам». Тот сделал мне знак рукой – мол, ждем пока – немного. Ждем. Тем временем рассвело, день, похоже, опять будет погожим. На радость немцам и на беду нашим сухопутчикам. Под тарахтенье слабеньких движков взлетают один за другим У-2. Пара. Все, что осталось. От легкомоторной авиации двух иап – нашего и 123-го. Не так уж и мало. Имея в виду обстоятельства. Сразу за ними, с серьезным таким ревом, в небо пошли И-16. Сопроводить. Возле «яков» суeta. Похоже, тоже готовят сразу пару¹⁰⁰. Точно, тот капитан шагает прямо к «якам», следом подходит майор Сурин. Комполка. Наверное, готовился, изучал уже. Новую матчасть. А может, даже и облетать успели. Раздобыли тогда еще где-нибудь трошки бензинчику высокооктанового, и исполнили. Теперь пригодились. «Яков» насчитываю восемь машин. Целых. И при посадке видел разбитые, кажется, четыре. Фролов, царствие ему небесное, говорил про двадцать. Остальные восемь, значит, где-то прячутся. До фи́га ж летать придется тудоть-сюдоть.

Тем временем пара «яков» завелась – мы следом, прогрели моторы, и на взлетку. За большой группой «чаек». Тоже перегоняют. Эдик чуть впереди. Старший и ведущий. Надо бы мне – но как? Ладно, с утра пораньше и так проскочим. Может быть. Сразу за «яками» набираем скорость – отрыв! Убираю шасси и тут же начинаю крутить головой. Даже ведущему не вредно, а уж ведомому-то сам бог велел, совокупно с уставом. Немцев пока не видно. Но погода продолжает не баловать нашу пехоту. В смысле, на небе ни облачка. Не, на горизонте что-то такое наблюдается – но через пару часов, зуб даю, рассеется...

До Пинска чуть больше сотни. Лететь, значит, минут двадцать. Строго на восток. Вдоль железки. К солнцу. Спят из-под капота. Сзади еще довольно темно, стараюсь смотреть большей частью туда. Эдик идет вслед за «яками» с небольшим превышением. Вообще-то надо бы еще повыше... Для «мига». Впрочем, тогда земля будет хуже контролироваться, а могут ведь и оттуда подобраться. Снизу. На крейсерской, чай, идем. Вот и аэродром.

Кстати, Жабчицы называется. Что-то меня снова на жаб потянуло – к добру ли это? Для немцев, полагаю, определенно не к добру... Сели нормально – оба. Эдик, похоже, совладал

⁹⁹ Губа – гауптвахта. Типа как на 15 суток, но для военных.

¹⁰⁰ «В предвоенных планах намечалось перевооружение 123-го иап на Як-1, но 20 новых машин бригада с саратовского авиазавода собрала только 19 июня. Параллельно сборке шло изучение новой техники. Руководитель бригады И. В. Кислов впоследствии вспоминал, что собранные ими «яки» не имели вооружения, к тому же из тыла не завезли высокооктановое топливо. Поэтому полеты на них не производились. Однако это несколько противоречит показаниям комдива Белова. Он утверждал, что 21 июня пробные полеты на Як-1 совершили майор Б. Н. Сурин, к-н Можаяв и инспектор дивизии. Кроме того, Б. Н. Сурин сделал на «яке» один боевой вылет 22 июня на разведку переправ через Буг». Нечто подобное встречается в ряде источников. Сразу возникает вопрос: как это, собрали без вооружения? Но если почитать оригинал воспоминаний И. В. Кислова (который на самом деле, получив приказ, покинул расположение полка 21 июня), то там черным по белому написано: не было высокооктанового горючего и боеприпасов к пушкам. Пример «испорченного телефона». Каждый смотрит в книгу/документ/первоисточник и видит там то, что ему хочется.

помаленьку с норовистой этой лошадкой. Пока качусь, осматриваю окружающее пространство. Полосу так и не забетонировали, а ведь собирались... Но оно и к лучшему, поскольку немцы здесь не слабо порезвиться успели. Во всяком случае, тут у них лучше получилось, чем в Кобрине и тем более у нас. Поле здоровенное, и самолетов масса. Самых различных марок и типов, включая довольно экзотические, например Р-10, почему-то морской авиации¹⁰¹, как целых, во всяком случае с виду, так и разбитых вполне себе вдребезги, стоит, а частью еще дымится по краям поля и на ВПП. Много СБ. В основном поврежденных. По Костику, здесь 39-й сбап базировался. А вон и «ишачки». Кобринские, похоже, те, что до нас вылетели. А это что такое, странное-двухкилевое? Ого, «пешки»¹⁰². Аж целых три штуки. Целых – в смысле, с виду. Но как-то нехорошо они стоят. Будто брошенно¹⁰³. Заруливают по сторонам «чайки», за ними, вправо, – пара «яков» Сурина с тем капитаном, мы с Эдиком, натурально, следом. Самолеты вокруг замаскированы отвратительно, общее впечатление пожара в борделе, когда всем миром ловят карманника. Два каких-то мутных испуганных типа подскочили, однако, к машине и помогли выбраться. Прихватив парашют, с Эдиком бегом к «якам». Сурин уже умчался, порядок, наверное, наводить. Оставшийся неизвестным капитан мотает головой – потопали, мол – и по пути быстренько отгитараторивает насчет того, что сейчас, мол, все летим пассажирами на У-2 и всем том прочем, что еще здесь найдется примерно такого же плана – черт (мягко говоря) его знает, а также что вместо Сурина с ним какой-то капитан Савченко полетит или еще кто, из тех, кто на «яке» пробовал или хотя бы матчасть изучил, потому что сначала надо было хорошо освоенные и реально боеготовые «чайки» с «ишачками» из-под удара вывести. Сейчас же все освободившиеся – в нашем распоряжении. В смысле, в перего-ночной команде. А Сурина надо тут хоть немного порядок навести. Вместе с вашим-нашим особистом... это стылоглазый такой, прибалт, что ли, который скоро тоже здесь должен быть.

Да... Если все шестнадцать получится, здорово будет. Шестнадцать не уничтоженных на земле современных машин – более чем достойный вклад. Только ради этого стоило... С удивлением узнал, что «яки» летели без боеприпасов к пушкам. Чудеса... Действительно, есть ли жизнь без Шульмейстера?

А вот и сам, легок на помине. Нам немного по пути – матерится. Немцы разбомбили второй эшелон. Ночью. С фарами летали. Слава богу, первый успел проскочить. С семьями. Впрочем, вторым раненых отправляли. Не наших. Сухопутчиков то есть. Много. Ну, и барахло,

¹⁰¹ 46-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья ВВС ВМФ, организационно входившая в состав Пинской военной флотилии. Разведчик, штурмовик и легкий (до 400 кг бомб в перегруз) бомбардировщик Р-10, состоявший на вооружении этой части, к описываемому времени успел уже изрядно устареть, прежде всего по недостаточности скорости (макс. 380 км/ч – на 5000) и оборонительного вооружения (2×7,62-мм ШКАС синхронные впереди, 1×7,62-мм ШКАС на турели). Разработан в Харьковском авиационном институте под руководством И. Г. Немана, коего вскоре посадили. С 1936 по 1940 год в большой серии – выпущено 493 машины. К началу ВОВ в европейской части имелось до 180 боеспособных Р-10. Применялся (авиацией ВМФ) аж до 1943 года.

¹⁰² Фронтальной бомбардировщик Пе-2. Разработан КБ Петлякова (отпочковавшимся от Туполева, впрочем, тогда это называлось «специальное КБ НКВД», или СКБ-29) на основе, видимо, планировавшегося многоцелевого боевого самолета наподобие «церштерера», хотя сначала (до конца 1939-го) шел как высотный истребитель ВИ-100, затем переделан в пикирующий бомбардировщик ПБ-100 (хотя именно в данном качестве использовался редко, больше как горизонтальный), откуда его основные достоинства – высокая скорость (до 540 км/ч), потрясающая (для бомбардировщика) маневренность и избыточный запас прочности, равно как и недостатки – относительно слабое (4×7,62-мм ШКАС) поначалу оборонительное вооружение и (что так и не удалось преодолеть) довольно хилая бомбовая нагрузка (до 1000 кг, из них 600 внутри, причем с пикирования можно было бросать только внешние). Позже вооружение было значительно усилено (1×7,62-мм ШКАС, 3×12,7-мм УБ), хотя скорость несколько снизилась. Всего произведено 11 427 единиц. Экипаж – 3 чел. Многие считают, что вместо Пе-2 на вооружение сразу следовало брать Ту-2, пусть тот и запаздывал с доработкой.

¹⁰³ При атаке Пинского аэродрома немецкие летчики, увидев на летном поле старые СБ и новые Пе-2 (9 машин), естественно, «отработали» по новым. От пустых «пешек» полетели клочья, но они не загорелись, поскольку заводская бригада уже давно собрала их и убыла назад, и те продолжали стоять бесполезным балластом, так как не были заправлены ни моторным маслом, ни бензином. Техники быстро сообразили, что к чему, и стали наскоро ремонтировать их, дабы эти «макеты» и далее служили мишенями для Люфтваффе, а СБ поднялись в воздух и ушли в свой первый боевой вылет. Относительно результатов которого данные очень существенно варьируют.

конечно, тоже жалко. Нажитое непосильными трудами. Но горючку большей частью автотранспортом перебросили – и славненько, поскольку здесь почти полный голяк. Немцы склады бомбанули. Впрочем, у этого как всегда – «трудно было, но достали»¹⁰⁴. Штаб 10-й сад задержался здесь ненадолго и рванул дальше в неизвестном направлении. В «дошульмейстеровскую» еще эпоху. Скорее всего, в Бобруйск. С семнадцатью неповрежденными СБ. «Мэбель спасайте, мэбель!»¹⁰⁵ Еще восемнадцать СБ вылетали 22-го бомбить переправу южнее Бреста. Без прикрытия. Не вернулся ни один. Вечная память и слава... Один из пилотов умудрился взлететь под бомбами и на СБ (!) сбил «хейнкеля». «Сто одиннадцатого». Остальные «эсбэшки» здесь, на аэродроме. Большой частью не подлежащие. Восстановлению то есть. Но с парой-тройкой можно попробовать. Запчастей сколько угодно. Собственно, одни запчасти кругом. И еще «пешки» вот имеются... Взгляд искоса на меня. Еврейский такой взгляд. С подколкой. Ни за что! Хватит с меня того утюга, «ил-второго». Лучше уж тогда хоть на «бисе». Намного лучше...

Василь тот Иваныч вскоре отвалил, по своим делам, а мы тем временем подходим к стрелкам. Аж тройка У-2 и – о чудо в перьях! – один Р-5¹⁰⁶. С пулеметом взад. Успеваю еще договориться с Эдиком, что тот перегонит один из «мигов», а я попробую (хотя чего там попробовать-то...) «як». Он теперь единственный мой командир, остальные не в счет. Не нашего полка. Впрочем, не знаю, как здесь с этим. В советском, да и российском ВДВ все были страшные патриоты. В первую очередь своего взвода. Уже затем – роты, батальона, дивизии. Ну, и так далее, конечно, – но уже во вторую-третью очередь. По убыванию. Естественно. С кем погибать-то, ежели что, не дай бог? С презиком? С Думой, мать ее? Или со всем народом российским? Отнюдь. Со взводом своим, родимым... Поэтому круговая порука такая была, что никакой банде с мафией не снилась.

За этими мыслями рву когти к Р-5, там хоть какой-никакой, а пулемет имеется. Винт крутится вовсю уже, и в передней кабине торчит голова в шлеме. Пайлот. Залезаю в заднюю кабину, черт бы побрал все эти расчалки, очень аккуратно укладываю парашют и сажусь сам. Спиной, так сказать, к движению. Пристегиваюсь. Пусть идиоты пижонят. Мотор взвыл, машина тронулась. Разогналась – взлет. Разбег короткий по сравнению с остальными-прочими. Не считая У-2, разумеется. Тот вообще чуть ли не с места в отрыв идет. Первым делом осматриваюсь в кабине. Довольно просторно и, в общем, ничего необычного. Перед носом – моим, разумеется, а так-то в хвост – аж целая спарка пулеметов¹⁰⁷ неизвестной конструкции на столь же знакомой турели, но – интерфейс интуитивно понятный, как сказали бы в мое время. Довольно низко летим, метрах на трехстах всего, выше четверка И-153. Сопровождают. Сурин, видимо, распорядился. Толковый мужик. Навроде Бати. Взлетали последними, но быстро обо-

¹⁰⁴ На необитаемом острове оставляли группы разных национальностей в составе двух мужчин и одной женщины. У русских – мужики отдыхают, баба пашет. Оказывается, колхоз организовали. «Красная колхозница» называется. Один – председатель, другой – счетовод. Один – муж, другой – любовник. А по воскресеньям партийное собрание по обсуждению аморального облика гражданки Ивановой. Испанцы убили друг друга, сеньорита рыдает. Англичане на одном конце острова, англичанка – на другом. Оказывается, забыли представить друг другу. У немцев порядок – все по расписанию. Вывешенному. У этих самых – два еврея и две еврейки. На вопрос «Откуда?» следует этот вот самый ответ.

¹⁰⁵ Неожиданно вернулся муж. Любовник, кавказец, прячется в шкаф. Заподозрив неладное, рогиносец кричит: «Пожар!» В ответ – вопль насчет мебели.

¹⁰⁶ Разведчик Р-5, КБ Поликарпова, первый полет 19.09.1928 г., экипаж – 2 чел., взлетный вес макс. свыше 3 т, скорость макс. около 230 км/ч, вооружение 2 – 3 пулемета (спарка ДА – на турели у стрелка, курсовой ПС-1 или ШКАС), до 400 кг бомб (в перегруз), строился массово – к началу ВОВ было (всех модификаций, включая Р-З) свыше 7000 ед. Широко использовался преимущественно как гражданский, поскольку фатально устарел, иногда как учебный или самолет связи – вместо У-2, которых не хватало. Впрочем, имело место и вполне боевое применение. Как легкий ночной бомбардировщик был, однако, менее эффективен, чем У-2, из-за чего большие потери. Возможно, в силу большей шумности и меньшей маневренности.

¹⁰⁷ Пулемет ДА (Дегтярев-авиационный), 7,62 мм, 600 выстр./мин. Разработан параллельно с ПВ-1 на основе ДП (Дегтярев-пехотный) и принят на вооружение в 1930 году (хотя поступал уже с 1928-го) как более удобный для установки в турелях. ДА-2 – спарка, т. е. два ДА, соединенных вместе. Емкость магазина (дискового типа, довольно затейливой конструкции – с расположением патронов в три яруса) 63 патрона. На Р-5 использовалась обычно турель ТУР-6.

гнали У-вторые. Те вовсе учебные, а этот все же какой-никакой, а боевой самолет. Разведчик, бомбардировщик, штурмовик и прочая, прочая, прочая. В девичестве, разумеется. Сейчас же – этажерка допотопная. «Русфанера». Внимательно оглядываю полусферы, и заднюю, и переднюю, – по привычке. Нигде никого. В смысле, немцев. Поспать, видимо, решили. На земле тоже ничего особенного. Леса, леса, леса... изредка поля и домики. Белоруссия она и в 21-м такая же примерно была. А сейчас – тем более. Чащобы да болота. Трясины да боры. Прямо под нами железка. Слева речушка какая-то. Петляет. А вот и эшелон. Едва прошел за Иваново – станция такая по пути – и на тебе. Дохнуло горелым... мясом в том числе. Кровью и дерьмом... Сразу бывшее наваяло... незабываемое.

Как очнулся в огромной такой зале. Новорусского навороченного стиля. Приампиренного неоклассического барокко модернистской направленности. С камином, разумеется. Из камина как раз горелым мясом разит – невозможно. Там куски тел. Обугливаются. Не только мужских, судя по форме. И не только взрослых, по размерам. Все кругом в крови, и я в крови. И еще почему-то в платице. Девчоночьем. Подранном и тоже в крови. Колготки. Такие же. Туфельки типа теннисок. У сестренки такие были. Светки. В руке нож. Рядом столик, журнальный, там тоже ножи. Также топор и еще что-то острое. Кухонное. Пара больших пистолетов. Выпендронистых. «Глок» и «беретта». «Глок» на задержку встал – магазин пуст. Кордитом тоже пахнет. Напротив висит чувак. За связанные в кистях руки. Натурально, на крюке от люстры. Люстра рядом валяется. Почти целая, что интересно. Аккуратно, наверное, опускал. Я. Мужик в возрасте и с весом – трос натянут плотно. Седой, с основательно наметившимися уже залысинами на кажущемся от этого высоким лбу. Рот заклеен скотчем. Глаза... Даже не сумасшедшие. Безумные глаза. Сколько ни пытался, все, что было до этого, так и не смог вспомнить. Такое вот милосердие... не знаю, божье или чье... ко мне.

Ага, вот и прибыли. Пайлот славный попался – садимся, аки старый хрыч с подагрой в мягкое кресло. Под кряхтенье конструкции, но аккуратно. Рядом с самолетными стоянками подгадал, небольшой пробег, двигатель не выключается, я, прихватив рукою парашют, спрыгиваю, а Р-5, даже не остановившись полностью, сразу выруливает на взлет. Бегу тут же к «якам», сопровождаемый изумленным взглядом Петровича. Встречают знакомый уже Игорь Венедиктович – настоял-таки, интеллигент – с незнакомым еще Петр Ивановичем. У двух винты уже крутятся. Как и договаривались – чтоб без задержек. Крикнув насчет того, чтоб еще один запустили-прогрели, взлетаю в кокпит. Не обзывать бы это место прилюдно так – затаскают ведь! Впрочем, не знаю. Неважно. Все, в общем-то, знакомое. С небольшими... «Яки» первых серий тоже приходилось пробовать. Пусть и довольно давно. Проверив приборы – в норме, – отпускаю тормоза и выруливаю на взлетку. Разгон – взлет – набор высоты – разворот. Ага, вот она, эта ручка... стопорения хвостовой опоры... такая только у первых «яков» была... потом на автомат сменили, снова застопорить не забыть бы – перед посадкой. Навстречу тройка У-2, сопровождаемая той же четверкой «чаек». Не слабо мы их обогнали. Как раз успеют еще один «як» подготовить, пока то-се. В небе тихо. Пока. До Пинска на «яке» минут десять по птичьему полету. Головой – крутить!

Когда сестренка моя по отцу, Светланка, задержалась вечером, никто сначала ничего... Но когда и к полуночи не пришла, встали на уши. Я и баб Маша. Впрочем, не совсем бабка и не совсем Маша. Вторая, насколько мне известно, жена деда. Первая, отцова мамаша, сгинула куда-то, как и прочие, если были. Что не удивительно, имея в виду особенности дедкиной профессии. Эту же привез с первой чеченской. Марьям на самом деле. Что там было и как, не знаю. Однако родичи ее – оттуда – наезжали периодически и к дедке со всяческим уважением. На тридцать два года моложе. Но – в любви и согласии. Двое сыновей, чуть постарше меня, то ли дядек, то ли братьев старших. Оба по дедкиной линии пошли. Потом доча, Даша – Дарин, ровесница. Почти. Заменила мать нам со Светкой. Маша, в смысле. Точнее, матерей. Светка моложе меня на три года. Была. Мать у нее другая, но тоже подевалась куда-то.

Так вот, когда не вернулась, позвонили подруге, к которой ходила. Была, да, но ушла, еще когда светло было. Полицаям звякнули – ничего, потом пошли туда. Дедка с папкой где-то в автономках действовали-злодействовали, постоянно недоступны, братья-дядьки тоже, как это у них называлось, на практике – учились еще тогда, но обстановочка накалялась уже, и всех там вроде как призвали, в бурсе ихней, со второго и выше... Курса, в смысле. В общем, аж до конца августа от них всех так ничего и не слышно было, я за единственного мужчину оставался. Так что втроем – я, Маша и Даша. В милиции-полиции, как обычно, – ну, загуляла тинейджерша. Выпила, мол, покурила чего-нибудь, да с кавалером... Что не такая – объяснять без толку было. Много раз о таком читать приходилось. Когда самого коснулось – всех там перебить хотел. А толку? Потом лишь спустя год где-то пришло в голову: а окажись сам на их месте – что, вел бы себя по-другому? Тоже вопрос... Если каждую ночь по десять таких вот вызовов, и во всех десяти именно те самые причины – надоест, наверное? Особенно если начальство по совсем другим поводам плешь проедает без продыху. Поумнел то есть, значит. Впрочем, за такой год, как тот получился, ну, с восемнадцатого на девятнадцатый, либо умнееешь, либо каюк. Либо в психушку.

Вот и Жабчицы. Здесь ничего не поменялось. Только «чаек» уже пара всего, три дыма столбом и один купол. Белый. Немцы, что ли, проснулись? Мимо взлетающего подкрепления к дежурным вырливаю на стоянку и тут же, едва заглушив движок, рву к Р-5. Тот едва только сесть успел и весь из себя под парами. Что ему – тыщу км на двухстах может без дозаправки. Пристегнуться еще не успел, как на взлет рванули. Высоту набирать не стали – на сотне где-то пошли. Без прикрытия потому как. Ну и болтанка у этой тархтелки – аж укачивает.

На второй день все связи подняли – но нигде ничего. На третий лишь сама пришла. Какая-то вся не такая. Заторможенная, со следами уколов. По сгибам рук. До сих пор как перед глазами стоит... точнее, сидит. В прихожей. На полу. Похожая на сломанную куклу. Нарядную и красивую, но безнадежно испорченную... Достаточно обычная для тогдашней Москвы история. Шла вечером от подруги, по не вовсе безлюдной, кстати, улице. Остановился джипарь, затащили, отвезли... Вспомнила многое, когда в себя пришла, – а что толку? Полицайи все записали, но на следующий день следак принялся воду мутить. Глазами не встречаясь. Погаными, тухлыми такими гляделками. Получалось так, что все это ей приснилось, не то она сама. Хитро эдак вывернул все – наизнанку. Юрист.

Опа, а что это там черненькое чернеется? Неужто «мессеры» к нам припожаловали? Точно, пара. С востока уже. Охотнички... СПУ¹⁰⁸ здесь явно не наблюдается, во всяком случае, я ничего похожего не обнаружил... Пришлось, взведя оружие, давать короткую очередь. Пайлота предупредил, а заодно и пулеметы проверил. Функционируют. Пайлот тут же головой закрутил, заерзал...

Довольно удобный плечевой упор, что-то типа подщечника... турель на полукруговой дуге позволяет перебрасывать спарку с борта на борт... мешки гильзосборников внизу болтаются ребристыми презервативами... обидно лишь, что питание от дисков. По скольку в них пулек понапихано, Аллах его знает, но всяко маловато будет... По бокам кабины запасные, с десяток, пожалуй. Но сменить успею навряд ли. Навык нужен. Коего нет – откуда?

«Мессеры» совсем уже близко, пытаюсь выцеливать... Прицел дурацкий, блин. Во попадалово-то. Заходят с хвоста, аккуратно из мертвой зоны. Но пайлот, умница, чуть повернул – очередь... Мимо, блин! Еще! Опять, черт... Ого, как мы резко выразить¹⁰⁹ умеем! И тут же еще! И переключивает до чего ж шустро! «Мессеры» бесятся – тихход вроде, сидячая утка, – а все никак и никак! Пайлот, опять же, молоток. Я же – наоборот. Ни черта с этой дурой не

¹⁰⁸ Самолетное переговорное устройство. На некоторых самолетах, в т. ч. на Р-5, ставили и задолго до ВОВ, не электрического еще типа, вроде переговорных труб. Но не на всех.

¹⁰⁹ Лето 1930 года. Учебные бои с одним из основных истребителей того времени – И-3 – показали, что последний, по сравнению с Р-5, особых преимуществ не имеет.

успеваю. Никак невозможно подловить. Если бы на симуляторе сначала поработать, месяцев пару... а так – пустая трата патронов. Впрочем, может, и отпугивает. Вдруг хлоп – успокоилось все. Ага, «мессеры» усмотрели вдалеке бипланчики. Четыре штуки. «Чайки» нашего сопровождения, похоже. И тут же рванули туда. Странно это. Непохоже на фашистских охотников – бросать легкую добычу ради более трудной. Но – нам же лучше. Будем жить. А там, может, и «яки» с «мигом» подоспеют, пусть и с одними пулеметами. За всей этой канителью пока нашли снова железку, пока, матерясь, разобрался, как диски менять, пока поменял, обжегшись к тому же, – уже и пробег. «Мигарь» один остался, винт не крутится, и правильно, бегу к «яку», который с прогретым уже движком. Торопиться, однако, не надо. Приборы проверить непременно. Камикадзе в другой армии иной страны нужны. Были. Или будут. Неважно. Теперь плавненько на взлетку – и без спешки вперед.

Минут через пяток нагоняю Р-5. Скорость у него раза в два ниже моей крейсерской, но обгонять его мне не резон. Во-первых, сопровождать надо, а во-вторых, ну сяду я раньше – и что? Лапу сосать? «Мессеров» не видно пока. Наверное, с теми «чайками» разбираются. Кстати, пилотаж «сталинских соколов» большей частью не впечатлил. Есть, конечно, отдельные индивиды... Но основная масса слабовата, и это очень даже мягко говоря. Костик, например, – до меня. В училище налетал часов двадцать всего. В смысле, на И-16. «Этажерки» не в счет. Потом в полку. За год, на И-16 и И-153, поболее, часов под восемьдесят. Но это благодаря Бате с Шульмейстером. Как-то они умудрились и горючку выбивать, и моторы. Ресурс авиадвигателя, если кто не знает, сто часов всего... И это в лучшем случае! А в строевых частях налета получалось тех же часов по двадцать в год и менее. Причем особое внимание почему-то уделялось штурмовке. У истребителей-то. Неудивительно, что их сбивают пачками. Тем более что и машины послабее «мессеров». Все. Включая этот самый хваленый впоследствии «як». Не очень как-то я эту машину... воспринимаю. Нет, он действительно ни в чем не уступает «мессеру». Почти. Но в этом самом «почти» вся хрень и есть. Потому что «яки» все хоть немного, да уступали современным им «мессерам» по всем показателям, за исключением горизонтального маневра. К тому же «высокая культура массы», которой заслуженно славилось и гордилось данное КБ, у военной техники имеет и обратную сторону. С живучестью конструкции, насколько помню, у «яка» определенно не так чтобы очень. Достаточно легко разрушается и при не совсем фатальных, казалось бы, повреждениях.

Так, над аэродромом уже шестерка «чаек», но с ними и тройка «ишачков». Чуть выше. На мой взгляд, напрасно. Ворон не надо ловить, и тебя не собьют. Скорее всего. Если заметил врага первым или хотя бы до его атаки, уже нормально. Впрочем, если, в силу недостатка летного мастерства, все время о пилотировании думать приходится, вместо того чтоб головой вертеть, аки на шарнирах, долго не проживешь. Стопудово. Тройка У-2 как раз взлетает, вслед за ними шестерка уже «чаек». Вот зашел уже «мой» Р-5, теперь моя очередь. Покрутив предварительно головой. Чрезвычайно полезное упражнение. Для здоровья. Летчика. Особенно долголетия. Садиться, впрочем, на «яке» куда проще, пусть и обзор примерно такой же, но мягонько так он идет, плавненько, свалиться никуда не норовит. Щитки, опять же. И скорость посадочная по сравнению с «мигом» не в пример ниже. Сто двадцать пять, кажется. Нет, сто тридцать. Как у «худого». Но садиться даже приятнее, чем на «мессере». У «худого», особенно у ранних моделей, включая «фридриха», колея шасси очень узкая была. Того и гляди, плоскостью землю заденешь, не то стойку подломишь. При пробеге. Однако оп – и этот, падла... норовит вправо уйти. Ранние, впрочем, все такие были. Недоведенность конструкции.

Кстати, о пробеге. Бегом-бегом к почти родному уже Р-пятому. Пока забираюсь в заднюю кабину, пилот оборачивается. Ко мне. Оба-на... Улыбка белозубая во все лицо, закопченное, кроме белых кругов, где очки были. Но симпатичное. Надежда... Вчера все не мог понять, кого она мне напоминает. Ага! Актриса такая была... будет... черт, как же фамилия... Догилева... Татьяна, кажется. Так вроде ничего общего – а вот улыбка...

– Костик, ты, как соберутся совсем уже огонь открывать, дай очередь, коротенькую, а я сразу и подмахну тебе – первые два раза вправо, потом разок влево, лады?

И тут же отвернулась. Юмористка. Но до чего ж тетка отчаянная! Я и то чуть подштанники не испортил, когда «мессеры» заходили. И пилот классный. Впрочем, о чем я говорю – в ту войну много таких было. Целые полки. На У-2 большей частью. «Ночные ведьмы». Впрочем, на настоящих бомбардировщиках и истребителях – тоже. Кстати, про «ночных ведьм». Где-то читал, что не только и не столько со страху перед бомбами немцы их так называли. Визжали уж очень девочки, в «этажерках» своих сгорая. Ночью да с высоты – слышно очень. Далеко. А они еще и без парашютов летали. Чтоб бомб побольше брать... Такая вот война та была... и есть. Для меня.

Война вообще работа тяжелая, страшная, грязная и по определению не женская. Без обид. Я вот, к примеру, детей не умею рожать – так не комплексую ж из-за этого. Женщин защищать надо. Мужчинам. Умирать за них. За такую вот, как Надежда, – не жалко. Или Варя... Легко!

Тем временем набрали свои где-то триста – и на запад. Видимо, на сотне не здорово выразиться. Навстречу прошли «миг» и пара «яков» – садиться. Потом сопровождение – шестерку «чаек» на паре км – издалека заметили. Затем У-2 мимо прошелестели. Ползем не спеша, на двухстах где-то. Км/ч. Те «мессеры» должны были своих оповестить. О непонятной суете у нас. У них рации. У наших «яков» даже и нет их¹¹⁰. Вообще. Очень существенный недостаток. Ценность машины падает более чем вдвое, полагаю. Не для меня, впрочем. Рация истребителю нужна, чтоб супостата искать. Меня же он как-то сам находит. Будто бы медом где намазано. Вот и сейчас – мотор взывает, Надюша резко исполняет какую-то совершенно невероятную эволюцию, но по правой плоскости все равно как горохом сыпануло, треск обшивки, дыры... Ничего, эта лошадка и не такое сдюжит. Биплан, мать его. «Мессеры» с ревом – над нами. Навстречу шли. Аж восьмеркой. Три пары дальше рванули, одна в вираж – и к нам. Широко заходят, специально, чтоб скорость погасить. У «фридриха», если склероз не подводит, предкрылки были... есть... такой конструкции, что позволяла скорость сбрасывать по самое не могу... и еще закрылки... Фаулера, вот... скорость легко гасить. И правда, заходят из мертвой зоны за километрах на трехстах, если не на двухстах пятидесяти. В час, имею в виду. Медленно приближаются. Приближаются... Сейчас! Даю коротенькую – на две пары патронов – очередь, и Наденька тут же мне «подмахивает», резко валясь вправо и открывая мне чудный вид на ведущего «мессера», а тот совсем близко, в упор огонь хотел открыть... да и открыл – но нас там уже нет, а есть только я один, чуть сбоку, – ему не попасть, спарка куда надо заранее перекинута, и он у меня – точно в нужном поле нужного сектора прицела! Вот теперь очередь... Настоящая. Патронов по десять со ствола. Больше ни к чему – «мессер» проскочил уже, по своим по «худым» делам... Снова резко вправо – это для ведомого. Но тот успел и подстроиться, и скорость еще сбросить, и очередь дать... Достал-таки! Машинку аж затрясло всю. А я не успел. Слишком быстро он мелькнул сзади и слишком малой своей частью. Даже для меня. Сейчас резко влево пойдём... Оп! Не только влево, но и нос задрали. Наши не пляшут, в смысле, скорость упала резко, и «мессер» так быстро вперед проскочил, что я стволами не успел за ним, а потом перед нами, будто просев, раскинулся словно весь, крыльями-то. И тут же треск, будто крепкую такую простыню рванули перед грудью могучей. У нас же и курсовой пулемет есть, как мог забыть... А Надюшка вот не забыла. Причем, похоже, не ПС там, а вполне себе полноценный ШКАС. Бывало и такое. Вооружение. У Р-5. Вот «мессеру» капитально и досталось. Сразу на запад ушел. Прихрамывая. На оба крыла. Дойдет – не дойдет, черт

¹¹⁰ Первые партии Як-1 не имели радиостанций, хотя и планировалось подготовить к установке оной каждую десятую машину. Не ставилась посадочная фара и многое другое. Спешка – производство развёртывалось даже до завершения испытаний.

знает. Ведущего тоже успел увидеть. Краем глаза. Туда же двинулся, только раньше. И полоса какая-то нехорошая за ним тянется. Или наоборот – хорошая. Это кому как. Движки водяного охлаждения... Им даже от 7,62 очень нехорошо может стать. Я ж ему навстречу бил и в упор, а там куча всего... радиаторы, воздухозаборники и прочее. То, что ну никак не забронируешь. Технологически невозможно.

Впрочем, наша «птичка» тоже... совсем не ласточка уже. Мотор сбоит все сильнее. Тоже – водяного охлаждения¹¹¹. Сейчас все масло выгонит... или воду из системы... потом заклинится – и бум отдыхать. А внизу леса, леса... приятной посадки, джентльмен и леди. Наденька из последних сил тянет вверх. Вдруг мотор как обрезало. Тихо-тихо стало. Слышно, как по ветру полощутся обрывки перкаля на покалеченной плоскости и подвывает поток сквозь свежие дыры. Планируем, впрочем, просто великолепно, и аэродром уже виден... Внизу лес стелется под крыло сплошными зелеными полосами... Все ближе... Неужто дотянем? Удар по верхушкам деревьев, колесами – это ничего, машина тяжелая, проломится, не У-2, чай... Опа – сели. Намана! Некоторое время просто сидим по своим кабинам. Такое все ж таки пережить надо. По опыту знаю. Как-то осознать. Что живы и умирать не собираемся. Пока. Конструкция потрескивает жалобно, из смердящего горелым движка что-то капает и журчит... Не горючка, судя по запаху.

– Вот это да! Как мы их! – Это Надежда.

– Ну ты даешь, – восхищенно, на женщин комплиментов не надо жалеть никогда, особенно заслуженных, – прям Чкалов женска полу.

– А то ж! Меня сама Полина Осипенко¹¹² учила. Лучшей была. В ее звене!

Кто такая Осипенка эта самая – не припомню. У каждого времени свои герои. Но на всякий случай хмыкнул. Понимающе одобрительно.

– Как успела-то? Ну, в Пинск?

– Раком об косяк, – лыбится. – В полку помнили все, кто я и что я, а пилоты нужны были, чтоб все перегнать, вот я и подсуежилась. Туда на У-2 пассажиром, а там этот... старый знакомый. Ну, потопали, хва расслаивать!

Галантно помогаю спуститься с крыла – дама! Не возражает. Так вот все они. Как что, так равноправие, а ежели что персонально приятное – так сразу ну его на... Навстречу технари варежки разинули. Потом один из них, Петр Иванович, кажется, – на гнома похож, вроде Петровича, специально, что ли, их отбирают, не то выводят в питомниках, – кинулся вторую машину прогревать. Петровича, впрочем, не видно. Умотал уже. С салажонком тем. Соображает...

Как подошли, валькирия моя, не забыв, разумеется, красиво вильнуть аппетитными ягодицами, сразу, как само собой разумеется, уселась в кабину того, что с прогретым движком, и одним взглядом – умеет! – подозвала к себе. Муж у нее точно на побегушках был. Впрочем, кто знает. Не с моим опытом семейной жизни об этом судить. Нулевым. Подхожу, взбираюсь на крыло, наклоняюсь. Приятно дохнуло разгоряченным женским телом и какими-то травами не то цветами. Без духов. Кайф. Объясняю про «як». В общем, все просто. Особенно по срав-

¹¹¹ На Р-5 (а также ТБ-1, ТБ-3 и многие другие) ставились различные варианты М-17, советской реплики немецкого двенадцатицилиндрового V-образного BMW-VI водяного охлаждения. Некоторые оснащались и настоящим BMW, такие и ценились выше. Культура производства-с.

¹¹² Осипенко Полина Денисовна [25.9 (8.10).1907, село Новоспасовка, ныне село Осипенко Бердянского района Запорожской области, – 11.5.1939], советская военная летчица, майор (1939), Герой Советского Союза (2.11.1938). Член КПСС с 1932 г. Окончила Качинскую авиационную школу (1932), служила в истребительской авиации младшим летчиком, затем командиром звена. Установила пять международных женских рекордов. Наиболее известны беспосадочные перелеты, совершенные в 1938 г. по маршрутам: Севастополь – Евпатория – Очаков – Севастополь; Севастополь – Архангельск на гидросамолете (2416 км за 10 ч.); Москва – район Комсомольска-на-Амуре (24 – 25 сентября с В. С. Гризодубовой и М. М. Расковой за 26 ч. 29 мин. в 6450 км). Погибла при исполнении учебного полета вместе со знаменитейшим асом-истребителем А. К. Серовым. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены. Награждена двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

нению с «ишаком». Скорости разве что повыше, и у крыла механизация¹¹³ какая-никакая, а имеется. К тому же, как выяснилось, РЛЭ таки успела почитать. Ну и что, что секретно? Перед таким взглядом одним какому нормальному мужику устоять возможно... Даже и спрашивать не стал, как да что. Тем временем, пока суд да дело, прилетели У-2. Втроем, но один определенно отжил уже свой летный век. Тянется за ним что-то нехорошее... Масло, наверное. Бензин давно горел бы уже. Движку, однако, капец. С гарантией.

Оттуда подходят так и не представившийся, не то что не проставившийся, капитан, с ним еще один и старлей в придачу. Цвет полка, полагаю. Шагнув навстречу, докладываю капитану. Фамилию не удосужился – пусть так и будет, пилот Надежда. И так понятно. Всем. Капитан только усом покрутил. Недовольно. Связываться не решился. Надо думать, характер известен. Насчет той пары «худых», опять же, осознал. Как выяснилось, останная шестерка таки по их души шла. Но – парадокс – сцепилась с «чайками». Сразу. По У-2 лишь походя эдак прошлись. Вообще, странное что-то творится. «Мессеры» за истребителями-бипланами гоняются, как с цепи сорвавшись. Что И-15, что И-153. Стоит завидеть – все бросают и туда. Причем, говорят, по всей Белоруссии так. И не только. Народ в ВВС РККА, конечно, большей частью отчаянный¹¹⁴, и то сомневаться начал... Ладно, с этим феноменом как-нибудь потом разберемся. Если оно будет, это потом. «Миги», кстати, забрать собираются. В ПВО Москвы. Ага, связь, значитца, заработала. Много раз убеждался в том, что обычно не к добру это. Когда с вышестоящим. Начальством. Эдик уже улетел на своем, остальные ждут пилотов, прилетят на Ли-2 или еще чем подходящем.

Целые У-2 улетели уже. Капитан скомандовал технарям подпалить сдохлый и наш Р-5. С сомнением посмотрел на оставшиеся «яки». Пара всего. Еще один на запчасти пошел. Догорел уже. Затараторил технарям:

– Эти оставляем покамест, значит, час ждете, по часам, сейчас сколько – ага, 9:33, вот, значит, если ровно через час никого, в смысле, на У-2, то поджигаете и на «полуторке» в Пинск, вдвоем, «полуторка» есть? Есть! Час ждете, не больше, понятно?

Ну правильно, если за час не успеем, то не успеем вообще. Теперь – по кабинам. Сколько можно заставлять даму ждать? Да еще и такую вот даму...

Взлетели сразу тройкой и парой, я с Надеждой, она ведущим. Ей на пилотирование все внимание, мне же – головой крутить. Вдоль железки, привычно уже. Небо чистое. Лишь когда ближе к аэродрому подлетели, что-то одномоторное прошмыгнуло. Но не истребитель. Р-10, похоже. Разведчик. Флотский. Дело нужное. Над аэродромом уже и «яки» дежурят, с «ишачками» вместе. Дымы. Стоят. Видимо, опять «чаек» пощипали. Что за напасть такая? Ладно, разберемся... В вывихах психики истребителей люфтваффе. На аэродроме прибавилась пара очень больших еропланов, просто огромных. Вот это да! Пока пробег, любуюсь. И не мечтал увидеть живую. ТБ-3¹¹⁵. Впечатляет. Конечно, если рядом с аэробусом поставить или даже

¹¹³ На И-16 изначально не было ни щитков, ни закрылков. Функции закрылков на ранних модификациях отчасти выполняли зависающие элероны, которые на посадке синхронно отклонялись вниз, увеличивая тем самым кривизну профиля, но при боевом маневрировании такое применение было невозможно. Начиная с И-16 тип 10 на самолете появились посадочные щитки, однако их конструкция была неудачна, в полете щитки «отсасывало» воздушным потоком, что резко снижало скорость машины. Вдобавок при выпущенных щитках управление затруднялось, самолет начинал задирать нос, а при их уборке «проваливался» вниз. В результате на аэродромах эти щитки нередко законтривали в поднятом положении, а механизмы привода снимали.

¹¹⁴ Удивительно читать в современной «исторической» литературе обвинения летчиков и командиров ВВС РККА в трусости. Труссы на летающих гробах – коими, собственно, и были тогдашние боевые самолеты, причем не только советские, – абсолютный нонсенс. Была путаница и паника – да. Но не от физической трусости, а вследствие неумения и неспособности исполнять свои обязанности, прежде всего руководящие. Не научили и не научились. У некоторых не выдерживали нервы – и такое было... Копец – начальник ВВС Западного фронта – и вовсе застрелился. Уже 22 июня. По опыту, в трусости других обыкновенно любят упрекать люди, мягко говоря, не шибко смелые. Ибо каждый судит по себе.

¹¹⁵ Тяжелый бомбардировщик КБ Туполева, в девичестве АНТ-6. Для своего времени более чем впечатляющая машина. Огромный неповоротливый четырехмоторный (4хМ-17) гигант мог развивать скорость до около 200 км/ч при практическом

«тушкой», 154-й, скажем, едва ли не малявкой покажется. Ну, не так чтоб вовсе, но ничего особенного. Здесь же, рядом с «яками» и СБ – просто гигант. Это, полагаю, на «миги» пилоты прилетели. Ничего лучшего не нашлось. Что ж... Значит, не судьба. Еще на «миге» повыше-вать.

Подруливаю к нашей стоянке. Действительно, на «мигах» уже движки прогревают. Оп, пошли. На взлет – и далее к столице. Когда-то родной. Докладываю Сурину. В глаза стара-ется не смотреть. Однако сочувствует. «Як», говорит, тоже хороший самолет. Даже еще лучше. Который следующим пригонишь – будет твой. Успеваю лишь попрощаться с потерян-ным каким-то Петровичем – его тоже забирают, на ТБ, вместе с салагой тем – и к У-2. Тут же парой взлетаем и, почти на бреющем, опять в сторону Кобрина. Следом тройка «ишаков». Что-то действительно не замечаю ажиотажа с «чайками». Желающих летать на них явно поубави-лось, к тому же «яки»... Я так понял, снаряды к ним тоже нашлись. Шульмейстером. Именно здесь, на складах вот этого самого аэродрома изначально 39-го сбап. Дурость и бардак хуже любого вредительства. Так. Здесь я чистый пассажир. Пулемета нет. Потом устанавливать ста-нут. Не на все. Тем не менее головой кручу, видами люблюсь.

Да... Потом, когда из милиции-полиции вышли, дождался автобуса, до дому доехали... Смотрю, мужичок за нами увязался, и вроде как я на него еще в отделении глаз положил. Полиции. Смотрел на меня... внимательно. И глаза. На дедулины чем-то похожи, хотя и каза-лось бы – ничего общего. На первый взгляд. А так – невысокого роста, хоть и повыше меня, конечно, неприметный весь из себя, в возрасте уже, с проседью. Позвал. Меня. По имени. Чуть в сторону отошли. Женщины мои место свое правильно понимали. На генетическом уровне. Спокойно дальше пошли. Дядька опером оказался. Негромко – но открытым вполне текстом – выдал. Все. Джипарь с этим номером за помощником депутата числился. Думы. Которая государственная. Не буду говорить, от какой партии. Исключительно чтобы не обидеть осталь-ные партии, где, как совсем вскоре выяснилось, имелось в достатке депутатов ничем не лучше этого. И не хуже. Где обитает. Депутат. Давно за ним такое... не то что подозревают, уверен-ность есть. Но... Не столько неприкосновенность, сколько влияние и власть. Пока лоялен, надо такое сотворить, чтоб прижучили... трудно даже представить себе, что. То-то у них в Думе этой самой законы по педофилии все никак принять не могли... На всякий случай, надо «Думать». Полицию-милицию у нас только ленивый тогда не крыл. Из этих самых, акул пера... шакалов ротационных машин. По Инету, опять же. А ведь если подумать, так и давление на них сверху было, как на дне той самой Марианской впадины¹¹⁶, и то, что не все испаскудились, а кто и испаскудился, то большей частью не вовсе – это уже без малого подвиг! Ну, почти. Зачем он это сделал – не знаю. У старых оперов глаз наметанный бывает. Заметил, значит, что-то. Во мне. Дальше я уже сам...

«Волга» имелаась. Старинная. ГАЗ-24 универсал. Я ее под себя восстанавливал. Не успел. Права-то с восемнадцати. Пришлось сестренке-тете. Дашутке. Она чуток постарше меня была и на права сдать успела уже. На машину, по трафарету, надписи нанесли. «Москабелькон-троль». Несуществующая организация. Робы прикупили. Коммунальщиков. На спину, полу-кругом, сверху ту же надпись, а снизу – «Отдел системной проверки». Ксивы сделал. Правдо-подобные. Фотожопом. Камер прикупил. Слежения. На Царицынском рынке. Какие попроче да подешевле. Однако свое все пришлось загнать. И Дашуткино. Что было ценного и не необ-

потолке 3800 м, то есть, казалось бы, летающая мишень. Тем не менее, и даже несмотря на формальное снятие с вооружения еще в 1939 году, широко применялся в ходе ВОВ, в том числе и как боевой самолет. Поначалу даже днем, из-за нехватки бомбардировщиков, но прежде всего вследствие некавалифицированного командования, и потери оказались обескураживаю-щими. Ночью же – вполне успешно, причем вплоть до 1945 года, иной раз до трех боевых вылетов за ночь при боевой нагрузке до 5000 кг. К 1 июля 1945 года 18-я воздушная дивизия еще имела десять самолетов ТБ-3, находящихся в полной боевой готовности. Это к тому, что любое оружие надо прежде всего правильно применять.

¹¹⁶ Самое глубокое место в Мировом океане. Собственно, Мариинский желоб протяженностью почти от Филиппин до юга Японии. Максимальная измеренная глубина – 11 034 м.

ходимого. На тот текущий момент. По спутнику усадьбу ту рассмотрел. Ничего себе. Центральное здание, два крыла по бокам, гараж и флигелек чуть в сторонке, соединенный переходом. Поверху. Поселок буржуйский, охраняемый, муха не пролетит, мышь не проскочит, уж не проскользнет. Колючка-егоза, датчики всякие. Может, и собачки по периметру – не в курсах. Туда соваться даже пробовать не стал. Расставили камеры, широко и на все въезды-выезды, полтора месяца где-то инфу снимали и обрабатывали, камеры переустанавливали то и дело. Сестренка, Светланка, тем временем с этажа скакнула. С семнадцатого. В новых домах. Красных. Как ни пытались ее Маша с баб Варей... вытянуть... Потом и баб Варя померла. Ночью. Во сне. Повезло. Меня это все как-то не коснулось уже. Не взволновало, в смысле. Станный стал – самому непонятно. И страшно. До сих пор. Маньяк...

По ходу прикупил всякого... ну, что из Светланкиных шмоток не подошло. Лицо у меня долго оставалось подростковым. С нежной чистой кожей и овалом лица... девчоночьим, что ли... Довольно широкое во лбу, и ровными удлинненными дугами к остренькому подбородку. Глаза к тому же крупные и широко поставленные. Ресницы... Подкрасил! Эльфеныш, блин... Про рост и сложение уже упоминал. За раннюю тинейджершу-акселератку – без проблем. Моложе четырнадцати даже смотрелся. Самый тот возраст – мечта маргинального педофила. В школе, опять же, драмкружок был. Преп по литре, Виктория Петровна, организовала. Все девочек играл. Типа травести. В институте тоже случалось. Прикалываться. Паричок с парой хвостиков – самое оно. Девочка-ромашечка. Походочка от бедра. В сумерках, так ваще атас. Не отличишь.

Просчитал маршруты. И двинулся. Фланировать. На второй уже раз клюнули. Но не те. Кавказцы какие-то. Азеры не то армяне. Или – даги. Неважно. За тридцать, с брюшками. Над брюками сверху поываливались. На раздолбанном таком драндулете. Одно название – «мерседес». С господином-товарищем Бенцем. Я сначала подергался, повизжал, чтоб и водитель вышел, и эти расслабились. Потом – всех. Трое. Их было. Впервые тогда. Деда кой-чему научил. Отец, опять же. Братья-дядьки. Сам нахватался отовсюду. Секция так, только для спаррингов. Словом, хватило с избытком. Самое главное – чтоб не ожидали. И – быстро. У человека так много уязвимых мест... У нелюди – ровно столько же. Легче убить, чем не.

И – как-то спокойно очень все. Было. Для меня. Словно машина запрограммированная. Думал, пройдет. Со временем. Не прошло. Так и. Никогда.

Садимся. Уже день почти, довольно жарко. Только ветерок перестал обдувать, сразу почувствовал. Два оставшихся «яка» уже завели, технари заводские спешат навстречу. К «кукурузникам». С парашютами. Действительно умеют, что ли? Вообще-то неудивительно, парашютные вышки тогда во всех парках стояли. В КБ к тому же, надо думать, и с самолета предостаточно возможностей было сигануть. При желании. Привет-привет. Разбежались. Со мною старлей тот, фамилии не знаю. Опять, значит, ведомым. Будем надеяться, вменяемый тип...

Движок зверем ревет и стонет, аки Днепр широкий – откуда это? – стилетом вострым вонзаюсь в синее небо... Лепота! Ах да, это парнишка тот гуторил так, хохол, прибился тогда к нам... Тоже десантура... Ну, из хохляцкой аэромобильной... какой-то бригады. Когда в Измаильском аппендиксе румынов... Аккурат в 19-м. Недоброй памяти году. В мае. Бригада та интернировалась еще в 18-м, когда тот типа «аншлюс» случился. Ну, осенью. Когда Великую Румынию создавали. Под прикрытием натовского флота. Что после абхазских дел к тем берегам подошел. Миша – так того парня звали – набедокурил слегка. Румына, в смысле, сильно обидел. Прибил то есть. Их там очень своеобразно, как я понял, интернировали. Типа, как под наблюдением ООН, но сугубо по-румынски. На батькивщину почти никто так и не вернулся... Мишка же у местной болгарки прятался. Частью в подполе, в основном же, как понимаю, под подолом. Уж дуже хлопец гарный. Был. Мы пришли, и он вылез. Стреляли, говорит. Шутка.

Стрельбы там никакой не было. Почти. Войска большей частью по границам стояли или уже цапались. У них, у румынов в смысле, со всеми без исключения соседями непонятки были. С болгарами даже, но особенно с венграми. Нам ничего не пришлось – местные сами. Что такое румын в господах – это, наверное, самому увидеть и почувствовать надо. Чтоб понять.

Опа! А над аэродромом снова словно мухи над известно чем вьются... Dogfight, как говорят англоговорящие. Собачья свалка. И – до боли знакомые, надоевшие уже дымные хвосты сбитых. Кто-то кого-то мутузит. Я еще про себя ворчал насчет начальства, в смысле, ведущего, – в высоту, мол, надо. Никогда не знаешь... Заранее. Вот так вот мы подошли, низенько-низенько, а нас и не видно. Нам же наоборот. Хотя запас скорости с высотой тоже не помешал бы. Ладно, что сдали, тем и будем... играть. Сразу добавляю обороты до максимума. Из роя «чайка» вываливается. Навстречу. Заполотно так шныряет из стороны в сторону, но пилот явно не ас. За ней «худой». Пристраивается. Аки гусар за пригожей крестьянкой. Увлеченно так. Нас видеть не замечает. А мы его – опа-па!¹¹⁷

Старлей мой проскочил, я же аккурат успел. На встречно-пересекающихся. Совсем в упор получилось – едва разошлись. Пусть и 7,62, а «худому» точно хватило. Даже оглядываться не надо. Да и некогда. Потому что сверху еще один «мессер», уже строго на нас. Подвиражил чуток и заходит. Сзади. Мы же без скорости – только горизонтальный маневр, да и то – не штопорнуть бы. На этой высоте – фатально. наших пилотов о закритических углах ничто не предупреждало. До конца войны. Это у немцев автомат стоял... Предупреждения. Однако вираж, и именно это у нас лучше получается. Все равно. Трассы слева. А вот старлей чуток замешкался и – получил. Как в стенку ткнулся – и вниз. Задымить не успел – земля совсем близко. Что ж, *à la guerre comme à la guerre*¹¹⁸. Я уже выше того «худого», пытаюсь атаковать, но у него скорость, уходит вверх. А на меня еще пара пикирует. Сквозь свальную кучу наших «чаек» и «яков». Аккуратно ухожу боевым разворотом. С набором высоты то есть. Так понял, их тут всего четверка была. И такую бучу сотворили. Работают, как доктор прописал. Высота, потом в пикировании скорость, сбил – не сбил, и снова высота. Качели. Наши же мечутся. Бестолково. Пара «яков» и тройка «чаек» всего-то и в такую роскошную кучу-малу сбились. Впрочем, если по дымам судить, изначально их больше было. Плюс тот, которого я на подлете выручил. Может быть. Дежурная шестерка, значит, была, потом «яки» взлетели. Не думаю, что меньше четверки. Не слабо, выходит, «мессеры» порезвились. Перегоняешь-перегоняешь, а толку... Сначала летать надо выучиться, потом лезть. А так – одни лишь звездочки фанерные, и список фашистских побед растет. Но – не за мой счет. Тот «мессер», у которого я напарника сшиб, все никак успокоиться не может. Мстя его хочет быть страшна. Но не получается. Тоже, что ли, салага, или «яка» не знает? Без разницы. Мне. Не фиг было на виражи лезть. Здесь мы его быстро. Рррраз! Эх, пушчонку бы, да со снарядами, а так... Одни слезки. Впрочем, «худому» и так досталось, пытается в пике уйти, но времени мы ему на это не дадим... Еще – рррраз! Куда попал – не знаю, но движок как обрезало. Жидкостной... Вот почему мне Ла-5¹¹⁹ всегда больше нравился. А еще лучше – Ла-7. И совсем уж хорошо – И-185¹²⁰ поликарповский.

¹¹⁷ Пугливо-женским голоском: «Ой, гусар, не надо, гусар, не надо, ну пожалуйста». И тут же густым басом: «Опа-Па-а-а!»

¹¹⁸ На войне как на войне (фр.).

¹¹⁹ Ла-5, истребитель разработки КБ Лавочкина. По сути, довольно неудачный (хотя и массовый в начале войны) ЛаГТ-3 (по прозвищу «лакированный гарантированный гроб»), но с двигателем АШ-82 воздушного охлаждения (вместо М-105). Скорость под 600, великолепная маневренность, две пушки ШВАК в крыльях (т. е. несинхронных, на полной скорострельности). Первый полет – 21 марта 1942 года. Неоднократно и с успехом модифицировался. Наиболее известная версия – Ла-5 ФН. Всего выпущено 9920 до конца производства в 1944 году, когда его сменил еще более совершенный Ла-7.

¹²⁰ И-185 – последний истребитель Поликарпова. Исключительно удачная машина, разработана раньше Ла-5, но... Вопреки расхожему мнению, основной причиной его непринятия на вооружение стали не козни авиационной «наркомфии» (хотя и этого хватало), а катастрофическая недоведенность двигателя М-71. Нарботки Поликарпова в области оптимизации капота использованы Лавочкиным для Ла-5. С разрешения Поликарпова. Который был не только великим авиаконструктором, но и, по отзывам, реально очень хорошим человеком.

С кондиционным движком, разумеется... Покрутив головой, наблюдаю уходящую со снижением на запад пару «худых». Успеваю еще краем глаза заметить, как мой фриц... или ганс, кто его знает, аварийно сбрасывает фонарь кабины и вываливается с парашютом.

Хорошо фашикам... Пока. У нас аварийного сброса нет. Но и дураков тоже нет – фонарь закрывать. Заклинит еще, поджаривайся тогда в тесной кабине на собственном жиру. Или считай витки неуправляемой уже машины, обреченно моргая на высотомер. К тому же прозрачность того пластика, что у нас в остеклении используется, оставляет, мягко говоря, желать лучшего. Так что – хрен с ними, парой-тройкой десятков км/ч скорости, да здравствует обзор и проветривание... особенно летом. Захожу на посадку, пробег – рулежка – дома. Отстегнув, по образовавшейся уже привычке, парашют, топаю на КП.

Докладаю незнакомому капитану. Но другому уже. Тот был маленький и шустрый, белобрысый, рабоче-крестьянского вида, навряд ли меня. Этот же – высокий красивый брюнет с правильными чертами лица. Капитан Савченко¹²¹. Теперь комполка. Четверка «худых» атаковала дозорные звенья «чаек», Сурин взлетал на выручку на «яке», «охотники» подловили на взлете. Лохи в кабинах «чаек», естественно, не прикрыли. Про лохов – это уже я, про себя. И еще – Надежда. Тоже на взлете. Ей как раз успели снаряды загрузить и горючки долить – ну, и разве удержишь... такую. За Суриным с ходу на взлет. А там «мессеры». Пыталась сманеврировать, а самолетом не владеет. Толком. И не овладеет теперь... Козырнув, бегу в конец аэродрома, где шлепнулся ее «як». Тут недалеко.

Упав, загорелся. Потушили уже. Мелкая черная тушка. Скрюченная. Зубы белеют. Крупные, белые, с желтизной. Частью закопченные. Тоже. Запах горелого мяса, крови и дерьма. Запах войны. Как тогда...

Те, кого ждал, попались при следующей уже попытке. Моей. Одна камера, лучшая, с модемом и выходом в Интернет, оставалась на месте, так что я знал, когда джипарь тот выезжает. Остальные сняли – ни к чему уже были. Кто б знал, с каким удовольствием отдавался я их грубым ручищам! Когда затащили на заднее сиденье, одного боялся – как бы лапоть не принялись. Потому как с прошлого раза брючата порванными оставались не по шву – в растяжке. Неудобный фасон. Девчоночий. А джипарь выехал следующим же вечером, вот и пришлось одеть коротенькое такое платьишко. Светкино. С плотными белыми колготками, скрывающими мужской рельеф мускулатуры ног. Руки же у меня вполне себе гладкие были. Без рельефа. Сложение такое. Трусики для месячных и бандаж. Как у балетных. Но если рукой, не спасло бы. Потому, сжимая изо всех неслабых сил костлявые коленки, причитал всю дорогу, не переставая, писклявым девичьим голоском: «Ой, дяденьки, не надо... Ой, что мама скажет...» Ну, и все такое прочее. Подходящее случаю. Эти успокаивали, ухмыляясь. Четверо их было – с водилой. Славянской – как говорят и пишут в таких случаях – внешности. Заехали в поселок – без проверки – потом внутрь. Далее к флигельку, как я и думал. Выдернули из машины, без уговоров уже. По морде слегка, чтоб без следов – и достаточно. Ласок. Прелюдия то есть у них такая была. Любви. Потом в кабинет. Навряд ли врачебного в школе. Там эскулап. О, как у них тут все... организовано. Чтоб без риска. Подцепить. «Разденься, девочка». Амбал

¹²¹ Капитан Савченко Михаил Федорович, 1910 г. р. Отличился в Финскую, где тогда еще лейтенантом успешно командовал звеном И-15 бис. Перед войной его эскадрилья дежурила на запасном аэродроме под Брестом, и еще 20 июня капитан Савченко на свой страх и риск вылетел на перехват нарушившего границу Вф-110, который ответил огнем, но промахнулся. Савченко же в долгу не остался – выпущенная им очередь попала в двигатель германского самолета, тот задымил и со снижением ушел за линию границы. После гибели майора Сурина 22 июня сменил его на посту командира 123-го иап, остатки которого были уже 23 июня переброшены в Пинск. Из записки зам. ком. полка к-на Савченко: «Штаб 10-й СМ АД эвакуировался не знаю куда. Сажу в Пинске, возглавляю сборную группу истребителей. Вчера, 22.06.41 г., провели 8 воздушных боев, сбили 7 бомбардировщиков, 3 Ме-109, 1 разведчик. Сам я участвовал в бою над Пинском и сбил 2. Сегодня (23.06.41 г.) группа сделала 3 боевых вылета. Жду указаний, как быть дальше». Полк продолжил воевать с базированием в Пинске, Савченко лично сбил, по неподтвержденным данным, 9 германских машин. Погиб 26 июня, по некоторым данным, при штурмовке в районе Слуцка. Внешности всех реальных персонажей взяты из воспоминаний и фоток.

один остался, сзади стоит. Скучает. На столе в карандашном стаканчике скальпель. Почему-то все врачи обожают их использовать. Не хирурги в особенности. Карандашик там поточить, колбаску порезать. Хоть и неудобно. А мне – удобно. Дальше ничего не помню.

Очнулся в той комнате. С камином. Где пахло. Войной. В домине у него, депутата того, немало народу было. Охрана, обслуга. Помощники. В делах. Праведных да государственных. Жена-фотомодел. Дети. Никого не осталось, судя по СМИ. В живых. Народ обсуждал, делился. Я же не читал и не смотрел. Боялся вспомнить. Что я, надо думать, у него на глазах с женой и детьми его делал. Такое вот милосердие. Памяти. Ко мне.

Потом сбегал посмотреть, что там с джипарем. Водила рядом валялся, из горла натекло... Видимо, не стрелял, пока по одному попадались и «девочку» не боялись. Еще. Забрал ключи с брелком – рядом валялись. Потом в гараж, бензинчику. Облил все основательно, но так, чтоб не сразу запылало. Подвешенного обильно. Живого еще. Глаза над скотчем... Запомнились. Потом на джипаре. Выпустили, по позднему, но не так чтобы очень еще времени – тоже без проверки. Номера... Спец. Мотанулся за шмотками. Своими. Припрятаны были. Загодя. Обтерся. Салфетками. И джипарь обтер. Внутри. Запирать не стал. Так, дверку прикрыл. Район известный – Медведково. Долго не простоит... Потом на метро – работало еще – домой.

На следующий день – в военкомат, сдаваться. Из института-то я вылетел еще с месяц назад. Пара прогулов, потом пара глотков для запаха. Пива. И в деканат – разбираться-скандалить. Много ли надо – всего лишь второкурснику тем более. Повестка уже через пару недель пришла. Прятался. У подружки. Так что в военкомате мне удивились, но и обрадовались – ужасно. К тому времени служить стало совсем уже запахло. Типа, для лохов. Из-за роста хотели было законопатить незнамо куда. Мне все равно было, чем дальше, тем лучше. Из армии к тому времени выдачи уже не было. Во всяком случае, всего лишь по подозрению. Народу уж очень не хватало. Срочников. А обстановка уже... ну, не зашкаливала еще, но около того.

За всей этой суетой к ТВ попал только на призывном пункте. Там все равно больше делать нечего. Шум вокруг моего крестника и не думал утихать. Оказалось, столп демократии и без малого почетный святой. Был. А по нечетным – честнейший политик, наичудеснейший товарищ и прекраснейший семьянин... в третьем, кажется, браке... официально. Любят у нас покойничков. Живых бы так. Журналистские расследования. Версии. Не иначе как враги народа и демократии. Столь кристально чистую личность. Злобно уконтропупили. Намекали даже на ФСБ, как же без этого... Что-то там свежепреставленный вякал на их счет. Незадолго до... Либераст...

Тем временем померили мне рост, взвесили, осмотрели. Без малого за дистрофика-недокормыша сошел. Долго думали, куда же меня, такого всего из себя интересного, определить. Или сначала все же откормить, а зарезать – потом¹²²?

Мне же в принципе по фене было. Лишь бы подальше. На счастье, саджента знакомого встретил. Из «покупателей». Колю Егорова. Аккурат на пару лет постарше. Мы с ним когда-то рукопашкой вместе... Оченно он меня зауважал, тогда еще... ну, после стычки. Которая очень короткой вышла, но с удивительным для него результатом. Слово за слово, и отправился я в Иваново. Проблему с эскулапами Колин лейтеха с ходу решил. Рост написали, какой нужно, а с весом у меня и так проблем не было. Телосложение просто такое. Хлипкое. С виду. А так, в школе еще, когда тугую банку надо было открыть, всегда меня звали. Или гайку. Без ключа. После карантина – ОРР. Отдельная разведрота. Дивизионная. Должок за мной оставался, потом вернул. Полагаю, с лихвой. В Таджикистане. Одну из тех РГ, ну, наших, как раз Коля и вел... Тогда.

¹²² Проверяющий в какой-то части, инспектирует подсобное хозяйство: – А зарежь-ка ты мне поросеночка... – Да тощий он больно, откормить бы... – Так вот ты его и откорми хорошенько... А к утру все ж таки зарежь!

За всеми теми делами не заметил даже события, что все курки взвело. Ну, как Вовочку на четвертый – с тем перерывом – срок избрали. Вполне демократическим, кстати, путем. Потому что остальные еще хуже были. Вот так.

Через пару недель Россию права вето в ООН лишили, типа, как подавляющим большинством голосов, и на следующий день натовский флот уже через проливы проходил. По приглашению турецкой стороны и с благословения прогрессивного мирового... В основном, знамо дело, 6-й американский. В составе – совершенно случайно, конечно, – аж двух авианосных групп. Ну и, разумеется, каждой твари по паре. Англичане, французы, итальянцы, поляки, от прибалтов даже что-то. Немцы только отказались. Умная нация, что тут скажешь. Поумневшая, в смысле. Не без нашей помощи... Которую сейчас вот как раз. Оказываем.

Потребовали Абхазию и Южную Осетию. Взад, значит. А что тут сделаешь? Базы все вывели. Грызуны, конечно же, утерпеть не могли, чтоб без пинка. Лежачему тем более. Ребята из 45-го рассказывали потом, по перевалам прилично повоевать пришлось. Прикрытию. Под ударами палубных штурмовиков и А-10, что быстренько в Грузию перелетели. Инфраструктура под них готова уже была. Как в восьмом звездулей получили, так сразу и начали. Беженцы в Россию хлынули. Народ горячий, отчасти криминальный – а тут наши чиновники... Полиции... Встретили. Граждан России. Но это только начало было.

Ладно... Не стоит о грустном. Вот и тут. Я ведь ее даже полюбить не успел... Не судьба, значит. Повернулся, двинул на КП. Там суeta. Велели устраиваться. В расположении. Нехило, однако, они здесь расположились. У меня фронтной аэродром почему-то всегда ассоциировался с палатками, в лучшем случае землянками, а тут все цивильно, стационарно, только что щели откопали – и все. Немцы больше по самолетным стоянкам долбили да по складам. А последнее время вообще попритихли. Слегонца. Наступают же – надо обеспечивать. С воздуха.

В расположении дневальный показал, куда Петрович барахлишко мое сбросил. ТБ умотал уже. Оно и к лучшему. Пока топал к умывальнику, мимо немца провели. Ну, которого я над аэродромом сшиб – сюда он и приземлился. Прямо в гостеприимно поджидающие его руки цыриков из БАО¹²³. И ноги... Как и думал, молоденький совсем. Салага то есть. Унтер, даже не офицер. Среднего роста, ладный, белобрысый, истинный ариец, но уже с синяком. Наисвежайшим. Под нордически серо-голубым глазом.

В столовой летной, как всегда, кормили на убой. Отсутствием аппетита никогда не страдал, ни при каких, самых даже наипечальнейших, обстоятельствах. Как в топку. Паровозную. Без пара – какой ход? Костик же после всего затихарился где-то в глубине души и не вякал. Давненько что-то уже.

Потом на КП заскочил. Про обещание Сурина, ну, насчет «яка», никто, похоже, не знал. Но поверили. На слово. Получил задачу отдыхать. Пока. Не звери, чай. Сколько уже вылетов, с утра-то, пусть и неполноценных. Однако подзадержался. Краем уха уловил, как обсуждают инфу, что при допросе фрица всплыла. Получается, насчет особого внимания истребителям-бипланам – так оно и есть. Выяснилось, дело в том, что какой-то гадкий утеныш – эксперты¹²⁴ Люфтваффе долго спорили, что это было – И-15 бис или И-153, пока не решили – валить всех подряд, ну, бипланов, в смысле, так вот, не далее как поза-позавчера, то есть в первый же день войны, значитца, тот бонб немаленьких парочку положил аккурат в блиндаж, где как раз вся знать JG 51 собралась. Ну, 51-й истребительной эскадры Люфтваффе. Эскадра – это навроде дивизии. Авиационной. У них. Во главе с самим Мельдерсом. Оба-на – про этого даже я в свое время слышал. Первым за сотню сбитых вышел. В Германии траур. Истреби-

¹²³ Батальон аэродромного обслуживания (встречается – обеспечения). По предвоенной структуре являлся отдельной тыловой частью, предназначенной для обслуживания одного полка двухмоторных или двух полков одномоторных ЛА. В состав БАО входила, помимо прочего, рота охраны.

¹²⁴ Асов в Люфтваффе не существовало по определению. Просто термин такой не использовался. Особо выдающиеся пилоты назывались экспертами.

тели же решили мстить. Неофициально, но шибко всерьез. Насколько мне известно, эта ихняя элита приказ несколько своеобразно понимала. Эдакие рыцари воздушного пространства. Что, впрочем, не мешало некоторым из них глумиться над колоннами беженцев и расстреливать вражеских летчиков, выбросившихся с парашютом. Советских, во всяком случае. Кстати, не понимаю, почему это считалось каким-то особо подлым и циничным поступком. С парашютом обычно не с госпитальной койки прыгают, а с самолета, боевого причем – у пассажирских-то парашютов не бывает. Причем с оружием. А на войне как на войне...

Я сразу сообразил, вот это – мое. Не в смысле бомб тех, там и так ясно, а такое вот, ну, чтоб сами за мною охотились. Искать не надо! Догонять тож нэ трэба! Аналогично у нас в роте взводный, старлей Ереп, Виталик, все удивлялся – почему это мазута¹²⁵ так окружений боится, что аж в панику впадает. Здорово ж! Противник – всюду! Резко возвращаюсь, подхожу к капитану, разрешаюсь обратиться и довожу до сведения, что от «яка» отказываюсь, а хочу на «чайке». Очень хочу. Привык, мол, так, что и жить без «этажерки» этой невмочь. Удивились, засомневались, поугovarивали даже – мол, у остальных на «яке» пока не так чтобы очень здорово получается, а я таки на нем уже и «мессера» завалил. Это они того, которого первым, не заметили, выходит. Далековато, получается, от аэродрома было, и не на высоте. Пленный немец не сказал – а его и не спрашивали. Тот салага, что на «чайке», надо думать, в до того расстроенных суматошных чуйствах пребывал, что и не помнит ничего. Ну и слава богу.

– Ладно, – грить свежеиспеченный – ненадолго, боюсь – комполка, – будет тебе, Костик, «чайка». Самая лучшая. Техника тебе надо еще... Ну так вот, прошу любить и жаловать – Косарев Николай. Рядовой красноармеец. Он у Корчагина был, младшего политрука. Замполита первой. Серегу... – помрачнел, – сбили сегодня. Над аэродромом... так и не выпрыгнул. «Чаяк» у нас теперь свободных много образовалось. Всех безлошадных утром еще на переформирование отправили, вместе с технарями. На ТБ-3. А тут «яков» добавилось. Они, «чайки», там вон все, – махнул рукой куда-то вдаль, – ближе исправные, дальше побитые. Выбирай. Ну, удачи тебе, Костик.

¹²⁵ В ВДВ так иногда называют, несколько уничижительно, любые другие войска, в основном сухопутчиков: мотострелков, танкистов, артиллерию и т. п. А также собственных водителей-механиков. Главным образом когда накосячат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.